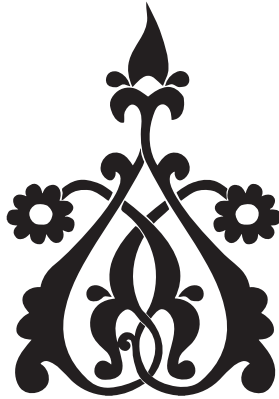

Возвращение

Готовясь к любой экспедиции, а тем более к такой сложной, необычной и довольно опасной, как «Киликия»: плавание по семи морям», нужно было учесть множество крупных вопросов и тысячу и одну мелочь. И конечно, не последнее место среди них занимал вопрос освещения хода экспедиции в средствах массовой информации. Не забуду, как экипаж был удивлен тем, что в общем тоннаже наших личных вещей чуть ли не половину веса составляли книги, которые обычно тяжелы, как соль, как свинец. Ребят больше всего поразило огромное количество справочной литературы, которую я загодя обстоятельно подбирал дома. Я уже отмечал, что среди книг были и монографии об армянской Киликии, о путешествиях и путешественниках, о кораблекрушениях, о морях, океанах, штормах. Перечень можно продолжить. Самыми тяжелыми были словари, в том числе и энциклопедические. Особое место занимала краткая армянская энциклопедия.

Сегодня, когда на всем постсоветском пространстве катастрофически снизилась популярность народных библиотек, смело могу сказать, что книжные полки «Киликии» были не менее притягательны, чем камбуз. То и дело ребята что-то брали у меня почитать. Кстати, чаще всего — энциклопедические словари, особенно доктор Геворг Григорян.

Специфика проекта плавания по семи морям вокруг Европы по маршрутам спюрка заключается и в том, что сама «Киликия» как историческая реплика, копия средневековых армянских судов, просто обязывала делать, так сказать, экскурсии в глубину веков. Необходимо было освежить в памяти читателя страницы истории Киликийского Армянского царства. И делать это следовало на фоне рассказа о самом плавании, о команде так похожих и так не похожих друг на друга парней. Интересна история уникального в армянской действительности клуба морских исследований «Айас». Не мог я не вспомнить о строителях «Киликии», о тех, кто не дожил до старта экспедиции. Не забудем также о самих морях, об Атлантическом океане с его бешеным

Бискайским заливом. О многочисленных акциях и даже открытиях «Киликии». О дальнейших планах, о мечтах...

* * *

Мы готовимся к старту третьего этапа плавания.

Помню, 22 июня 2004 года, когда две дюжины колес трейлера, на котором взгромоздилось парусное судно «Киликия», проделали свои самые первые обороты, я внес первую запись в свой первый блокнот: «Наверное, никто из этой шумной толпы людей, провожающих нас в дорогу, не задумывается над тем, что в конечном итоге этот восьмисотлетний корабль с каждой милей, с каждым шагом будет преодолевать путь, ведущий домой».

Вечер 14 мая 2006 года. Английский остров Уайт. Пять часов летели из Еревана. «Киликия» впервые не качается из стороны в сторону, она прочно стоит на земле. И впервые молчит. Не слышно привычных скрипов и скрежетов. Она стоит на собственном киле — ее со всех сторон поддерживают толстые бруски-подпорки.

Уже на борту «Киликии», просматривая записи, сделанные рано утром в салоне теперь уже печально известного типа самолета А-320, я понял, что мне следует поговорить с «Киликией» о недавно произошедшей страшной трагедии в воздухе над Сочи. С раннего утра третьего мая сначала вся Армения, потом уже весь мир оказались в шоке. Казалось, мы уже привыкли к кошмарам, ежедневно потрясающим наш безумный мир. И вдруг — такая планетарная реакция на горе маленького народа. Ясное дело, каждый человек на Земле в таких случаях невольно задумывается над тем, что подобная трагедия может случиться с ним и с его близкими, может случиться каждый раз, когда они поднимаются в воздух.

И, тем не менее, катастрофа армянского А-320 оказалась в некотором роде беспрецедентной. Об этом я подумал накануне вылета в Лондон, посетив бывшего главу службы национальной безопасности Армении Карлоса Петросяна. Отец, потерявший двадцатипятилетнего сына, страдал еще и от сознания того, что тело родного существа в это время лежит на дне моря. Ему сказали, что привезут в специальной посуде воду и ил, взятые с места аварии. И вот отец говорит едва слышно: «Что я буду делать с этой посудой? По какому такому обычаю я предаю это земле? Что скажу матери моего Арама? Не лучше ли считать, что сын мой улетел на небеса?»

Всем нам в эти дни пришлось нелегко. Но, естественно, тяжелее всех тем, кто потерял родных и близких. Однако вот что

меня более всего поразило: талантливый тележурналист Артур Григорян, чьи репортажи с нетерпением ждали из Сочи, сумел уловить в глазах убитого горем человека мгновенный проблеск радости, когда тому сказали, что тело его ребенка обнаружено. Этот парадокс, оказывается, можно объяснить. Можно понять. С горем и грустью борется не человек, а его душа. Но борьба эта не может продолжаться вечно. Именно об этом писал Жан Жак Руссо: «Душе легче бороться с сильным горем, нежели с продолжительной грустью». Вот почему нужно понять матерей и отцов, чьи сыновья в годы лихолетья оказались в страшном списке «без вести пропавших».

Сочи. Это географическое название еще долго будет у нас ассоциироваться с памятью о тяжелых утратах. И коль летели мы к «Киликии» через Сочи, буквально над местом, где на дне моря покоятся останки наших соотечественников, я не мог не начать эту мою книгу со слова о них.

* * *

Не успело солнце подняться над восточным берегом острова Уайт, как раздался звонок из Еревана, где утро 15 мая 2006 года началось на четыре часа раньше. Звонил мой друг из Сасуна Жюльвер Ованесян и сказал, что французы начали подъем останков самолета с шестисотметровой глубины.

Да, жизнь продолжается. В то утро я приступил к выполнению своей судовой роли раньше других. После звонка Жюльвера я вдруг почувствовал нечто непонятное: то ли я нахожусь дома, в Ереване, то ли в штиль мы дрейфуем в море. Правда, двойственное это чувство продолжалось недолго. От холодного, если не сказать морозного воздуха я окончательно проснулся. Меня потянуло на палубу, где даже в шторм делаю зарядку. Но прежде решил совершить обход спящей команды. Первое, что бросилось в глаза, — деревянные нары Геворга Григоряна. Они пустовали... На сей раз в поход отправляется «костык» команды. Нас чертова дюжина во главе с Кареном Балаяном. Цифра эта будет меняться в пути, однако «костык» останется неизменным.

При первом осмотре судна мы остались довольны. Настроение поднялось. Опасения наши оказались напрасными. Объясню, в чем дело. Деревянное судно стояло на берегу девять месяцев. Подчеркиваю, деревянное. Значит, по логике вещей, обшивочные доски хоть на парочку-другую миллиметров должны были усохнуть, а щели между ними соответственно расширяться на те же самые парочку-другую миллиметров. А

это значит — никакие помпы не помогут, и вместо того чтобы управлять парусами, экипажу придется двадцать четыре часа в сутки откачивать воду из трюма. Однако выяснилось, что в туманном Альбионе все эти девять месяцев был сплошной туман, сплошная влажность. Влажность спасла «Киликию», которая, судя по всему, очень даже довольна ею. Чего не скажешь об экипаже. Дело в том, что рядом с судном расположился склад, в котором мы оставили на хранение свои вещи. Целую гору: около двадцати спальных принадлежностей, в том числе спальные мешки, штормовки, киликийские таразы; вся моя морская библиотека, без которой я не сажусь за свой висячий столик. Все это отсырело, заплесневело. Многие вещи уже нельзя спасти. Сетовать и жаловаться бессмысленно. Можно, конечно, поворчать. Можно. Но при одном условии: если ты убедишь команду, что от твоего ворчания и нытья что-нибудь изменится на этой грешной земле или на этой священной палубе.

* * *

Лично мне для полного творческого счастья необходимы: дорога, карандаш (ручка), блокнот и пишущая машинка. Но... сейчас — моя проблема связана именно с машинкой.

По дороге из лондонского аэропорта Хитроу к судну на одном из поворотов автобус резко притормозил. Тотчас же раздался не то звонкий грохот, не то грохочущий звон: с верхней полки упала моя пишущая машинка. От белого чехла отлетела в сторону черная ручка. Чехол раскрылся, и изнутри выглянул край красной машинки. Я заорал. В салоне наступила мертвая тишина. Все знали, что значит для меня машинка, понимали, что в это время происходит со мной. Я промямлил что-то невнятное. Молчание в автобусе становилось тягостным и гнетущим. Машинка упала прямо рядом со мной.

Больше всего меня тревожит, что настанет час, когда у меня не окажется ни одной более или менее нормальной машинки... Компьютер — не для меня, не догадываясь об этом, бывший рядовой прокурор Арцаха, а ныне Генеральный прокурор Армении Агван Овсепян подарил мне его к семидесятилетию. Немного времени спустя, во время очередного праздника, Агван спросил меня, научился ли я работать на компьютере. Я бодро ответил: «У Зория Гайковича Балаяна оказались большие способности и даже таланты в компьютерном искусстве». То, что я говорю о себе в третьем лице, Генеральный прокурор воспринял как шутку. Но я вовсе не шутил. На компьютере учится работать тройной

тезка, мой внук. Так что Генеральному прокурору Армении я сказал правду, только правду и ничего кроме правды.

Когда я завершил этот абзац, мне позвонили из Еревана и сказали, что жена моя уже отправила с нарочным очередную «железную леди», к которой никогда не ревновала.

* * *

Вместе с Кареном Балаяном едем в Лондон. Началось традиционное разделение труда. Все-таки, что ни говори, но только в море ощущаешь себя нормальным человеком — там, как на фронте, на войне, все четко, все понятно. Каждый знает свое место. Там нет суеты. Ибо суетиться, особенно в шторм, — значит делать все, чтобы потопить корабль и утонуть самому. А на суше? Достаточно было нам с капитаном после всего лишь одной ночи, проведенной на судне, оказаться в огромном городе, как мы почувствовали себя инопланетянами на планете под названием «Суета». Карен уехал в аэропорт встречать из Москвы капитана-наставника Самвела Карапетяна, а я остался в Лондоне. Вечером намечена встреча с бывшим премьер-министром Армении, бывшим послом Армении в Великобритании, ныне известным предпринимателем Арменом Саркисяном. Тема встречи — будущее армянского мореплавания. Времени у меня было достаточно, и я решил побродить по городу. На одной из центральных улиц меня вдруг остановил прохожий и обратился ко мне по имени. Зовут его Леонид. Работал в институте Бакулева, где я обследовался у академика Евгения Чазова и профессора Рината Акчурина в 1997 году. Там меня и видел Леонид. Оказалось, мы с ним даже беседовали о публикациях в «Литературной газете». Всего полчаса мы бродили по лондонской улице, наш диалог я записал сразу после расставания.

— Хожу по улицам, и знаете, о чем думаю? О суете и суетности.

— В каком смысле? — спросил Леонид.

— Честно говоря, в прямом. В последние годы я много пишу о том, что земледелец, занимавшийся серьезным делом у себя в селе, переезжая в город, тонет в суете, в мелочах.

— Это естественный процесс, — заметил Леонид.

— А я как раз считаю, что противоестественный.

— По крайней мере, от нас он не зависит. Не будете же вы предлагать реформы, чтобы вернуть горожан в село?

— Реформы предлагать не буду, — сказал я, — но государство должно сделать все, чтобы село стало привлекательнее, чем город. Иначе человечество погибнет.

— Жаль, что я спешу, — посмотрел на часы Леонид, — хотелось бы поговорить подольше. Да и соскучился по русскому языку. А вы помните, что тогда, в клинике Бакулева, говорили мне о революции?

— И о чем же я говорил? — Мне самому стало интересно.

— Вы сказали, что Америка, Англия, Франция, весь Запад, весь этот самый капитализм должны молиться на Октябрьскую революцию за то, что она на практике показала, к чему приводят насильственные перевороты, все эти реформы, нововведения. Теперь, видя, чем это все обернулось в России и вокруг нее, люди страшатся даже самого слова «революция». А потому никогда не повторят ту ужасную ошибку России.

И откуда он взялся, этот Леонид?! Восемь с половиной миллионов жителей в Лондоне. И вдруг такая встреча. Теперь я прогуливался по улицам столицы Великобритании и думал уже не о бессмысленной возне людей, а о явлении пострашнее. Как только спустим «Киликию» на воду или чуть позже, я непременно предложу ей обсудить тему революции, переворотов, восстаний и особенно многочисленных реформ.

* * *

Прошло каких-то четыре дня, и судно выглядело ну прямо как невеста на выданье: так усердно потрудился экипаж. Все чисто снаружи и внутри. Жаль, в небе туманного Альбиона — звучит очень даже красиво, вовсе не банально — ни на минуту не выглянуло солнце. На пятый день «Киликию» спустили на воду Атлантического океана. И я почувствовал, что ей хочется поговорить со мной. Я спросил:

— Почти неделю я ждал этого момента, сумеешь ли догадаться, какая у нас сегодня будет тема?

— Я хорошо знаю, что тебя волнует. У нас в Киликийской Армении был гений, которого смело можно назвать реформатором. Ты ведь именно о реформах, о революции, о революционных преобразованиях размышлял последние дни...

— От тебя ничего не утаишь. Впрочем, я по натуре больше консерватор.

— Это неправда.

— Если я не консерватор, то, значит, либерал? — спросил я.

— Нет.

— Кто же я? Я ведь не принимаю реформы даже законодателя Спарты Ликурга, царя Александра II, перестройку Горбачева, хотя я и все мое поколение после сталинщины и суслов-

щины видели в перестройке спасение. Вот и выходит, что я консерватор. Я не очень согласен с капитаном-наставником, который хочет проводить реформы в ходе нашей экспедиции.

— Но ты не согласен и с капитаном, который, по-твоему, излишне демократичен и большой либерал.

— С тобой опасно говорить. Ты все знаешь. Хорошо хоть тебя никто не слышит. Но так мы зайдем в тупик. Я, получается, и не консерватор, и не либерал, и не радикал. Может, я и то, и другое, и третье?

— Вот это ближе к истине! Я бы на твоём месте выразилась иначе: ни то, ни другое, ни третье...

— Честно говоря, я предпочитаю быть за что-то, а не против чего-то. Потому что, скажем, против зла можно успешно бороться, если многие будут за добро. Скажу по-другому: я категорически против всяких революционных реформ, всякого рода самоцельных перемен, самоцельных новшеств. Кто сказал, что человек, получивший на выборах пятьдесят процентов плюс один голос, заодно получает право от Бога начать все реформировать, ломать устоявшийся веками порядок и обычаи, давать оценки людям, явлениям, событиям, стать объектом цитирования? Это же абсурд. Еще великий Монтень предупреждал, что ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые реформы и новшества. Ибо, утверждает философ, «всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании».

— Так что же получается? — искренне удивилась «Киликия». — Надо сложа руки равнодушно созерцать беспорядки и беззаконие?.. Хрущеву, выходит, незачем было делать свой легендарный доклад на XX съезде партии коммунистов СССР?

— Никите Хрущеву я лично признателен за то, что он вернул имя и честь моего отца моему Карабаху, моей матери, его сыновьям. И так могут сказать миллионы и миллионы людей. Хрущев вошел в историю не тем, что занимался реформами или вводил новшества, а тем, что разоблачал сталинщину. (Я против термина «сталинизм».) Я говорю о другом. Все революционеры и реформаторы плохо кончали, потому что плохо кончались все революции и реформы. И в матушке-природе любое развитие шло только эволюционным путем. Всякие вселенские взрывы, катаклизмы приводили к катастрофе, распаду, мору и все такое прочее.

— Я чувствую, тебя волнует эта тема, поскольку на судне собираются проводить какие-то реформы...

— Можно сказать и так. Правда, здесь нет никакой борьбы между консерваторами и либералами. Речь о судьбе уже не дан-

ной экспедиции, не о твоей, «Киликия», личной судьбе. Речь о том, что идея, заложенная в создание клуба «Айас», в строительство корабля и в само плавание, оказалась сильнее, чем предполагали авторы. Начинается заключительный этап плавания, которое, собственно, нужно только для того, чтобы вернуть тебя домой. Но нельзя уже сейчас не думать о том, что будет дальше.

— Наверное, в будущих экспедициях мне нет места? — спросила «Киликия». — Раз уж мы возвращаемся домой, в Армению, то не будете же вы меня потом на трейлере, преодолевая невероятные препятствия, опять перебрасывать на море. И потом, разве я не чувствую, что выполнила свою миссию? Теперь меня устроит, если я буду катать на Севане детишек, учить их управлять парусами, чтобы они продолжили ваше дело...

— Наше с тобой дело.

— Согласна. Как согласна и с тем, что надо быть осторожнее с реформами. Хотя и без них нельзя. Просто надо все продумать до мелочей. И, как говорится, не делать лишних движений.

— Мы к этой теме еще вернемся. Речь о подготовке к новым экспедициям...

— Только соблюдайте мораль, морские традиции и достоинство моряка. И тогда все будет в порядке, как было до сих пор.

* * *

Морские и океанские переходы, связанные с преодолением опасностей, как в зеркале отражают память о великом подвиге нашего народа, пережившего геноцид и в невероятно тяжелых условиях создавшего на всех континентах уникальную армянскую страну с названием «спюрк».

В конце концов, когда-нибудь надо поведать миру о подвиге многих сотен тысяч армян, которые, лишившись Родины, преодолевая неисчислимы трудности, побеждая страх перед чужбиной, сумели не только выжить и сохранить родной язык, национальную культуру, но и внести немалый вклад в культуру и экономику стран, их приютивших. Обо всем этом надо обстоятельно и увлекательно рассказать на разных языках в книгах, на страницах мировой прессы, с телеэкранов. Так что речь идет о серьезной экспедиции с привлечением группы историков и писателей, которые должны быть командированы по соответствующим маршрутам для работы с материалами на местах, где жили (и живут) наши соотечественники, создавшие на чужбине памятники культуры и искусства, представляющие общечеловеческую ценность, как это было, скажем, в Сингапуре.

А если нам не удастся выполнить такой поистине народный социальный заказ, который я бы назвал нашим общим моральным долгом, то, убежден, другое поколение обязательно это сделает. Многие, конечно, в наш непростой, голодный период раскола не поймут нас. Мол, нашли время тратить бюджетные деньги «на прогулки»! И я их хорошо понимаю. Уверен, настанет время, и они нас поймут. Поймут, как это важно, тем более что из бюджета мы не берем ни копейки. Мы же должны хотя бы попытаться начать. И начать на яхте под названием «Армения». К великому счастью, есть у нас для решения этой задачи надежные и талантливые мореходы. Я пишу эти строки, находясь на старте третьего этапа плавания, а в Ереване на Комсомольском озере (старое название; кстати, можно назвать его Киликийским) большая группа мальчишек упорно тренируется на парусных досках, которые подарил ребятам Президент Армении. В это же время на Севане идут подготовительные работы для строительства базы детского и юношеского парусного спорта. Есть еще программа Карена Балайяна по созданию целого флота армянских озерных парусников.

* * *

В Армянской общине Лондона была создана особая комиссия по организации старта экспедиции третьего этапа. На заседании комиссии мы целый час рассказывали о том, что уже сделано для проведения мероприятий, кто будет выступать и сколько минут будет говорить. Кто будет петь и сколько минут. Кто будет танцевать и сколько минут. Исписана прорва бумаги. Известно даже, кто будет на приеме, где состоится фуршет. Строго были предупреждены все, чтобы не нарушили регламент, ибо каждая минута дорога.

Милые мои соотечественники! Как же они были прекрасны, когда спорили друг с другом! Как они старались ничего не упустить! Я понял, что уже никаких советов давать нельзя. Все организовано и даже переорганизовано. Что-то посоветуешь, и тотчас же может рухнуть вся программа, над которой трудились три месяца. Я лишь осторожно сказал, что день отхода от причала следует по традиции начать с подъема трех флагов — Армении, Великобритании и Арцаха — под звуки соответственно трех гимнов. Боже мой, как же они были рады такому предложению! Тут же достали кассеты с гимнами и, конечно, магнитофон с громкоговорителем.

Я, разумеется, хорошо знал, что все будет иначе. Ибо несколько сот человек — без исключения! — поднимутся на борт, все без исключения захотят непременно сфотографироваться на фоне

армянского флага. Равно как все без исключения захотят — и обязательно вместе с детьми — спуститься по трапу в трюм, чтобы поглядеть на наши деревянные нары, на камбуз, на мой висячий столик с пишущей машинкой, на стол, сделанный из киликийского дуба, на портреты царя Левона II и ученого-киликиеведа Гевонда Алишана. Дети получают вкусные конфеты от «Гранд Кенди». При этом будет стоять плотная очередь и затем, чтобы спуститься вниз, и затем, чтобы подняться на палубу. Вот этого всего наши добрые друзья не учли. И ничего страшного в этом нет. Абсолютно ничего. Главное, все делается от сердца. И делается для и во имя «Киликии», а, значит, — Армении.

Пусть никто из нас не кичится тем, что это к нам придет в Лондоне вся армянская община. Она придет к «Киликии», видя в ней частицу нашей истории. И в то же время пусть каждый член экипажа гордится тем, что все-таки это к нам придут наши соотечественники, узрев в нас частицу нашего народа.

* * *

Во времена царя Левона II в двадцати пяти портах Киликийской Армении насчитывалось более тысячи единиц различных типов кораблей армянского флота. Регулярно бывали, конечно, потери. И регулярно шло строительство новых судов, а также их закупка. Об этом я подумал, когда обновленная, посвежевшая и сияющая «Киликия» отошла от острова Уайт. Девять месяцев — это рекорд стоянки на чужбине. Прежний рекорд «Киликия» установила у причала венецианского острова Святого Лазаря: шесть месяцев. Я подумал: где, в каких портах во времена киликийских царей Рубинянов дольше всего стояли предки нашей «Киликии»? Уверен, никто не сумеет обстоятельно ответить на этот вопрос. Для этого, пожалуй, надо знать, какие морские порты были наиболее развитыми по части торговли, в том числе и бартера, где климат был мягче, где удобнее было ремонтировать суда. Хотя корабли, возившие дипломатов и государственных деятелей, по логике вещей, дольше всего должны были стоять в столичных городах, таких, скажем, как Венеция и Генуя. Не думаю, что в Портсмуте было возможно задержаться надолго. Что же касается Лондона, то едва ли такого типа парусники, как «Киликия», могли без мотора идти против течения до столицы Англии. Правда, там есть своя специфика: можно выждать время прилива, когда Темза потечет вспять.

А вот Амстердам — другое дело. Но и там невозможно определить сроки стоянки судов. Короче, пока будем считать, что

официально зарегистрированный рекорд — остров Уайт. Подумал я об этом потому, что только слепой мог не увидеть радость и ликование «Киликии», которая понимала, что со спуском на воду и с первыми преодоленными метрами она начала приближаться к дому, к Севану. И, как всегда это бывало, мы оба чувствовали потребность в диалоге. Да и тема напрашивалась сама — ностальгия.

* * *

Первым делом мне бы хотелось спросить у «Киликии», как вообще она понимает это слово — «ностальгия». «Киликия» будто прочитала мои мысли. Я к этому привык. Это ее свойство я не называю телепатией. Здесь нечто другое. Не случайно все глаголы, особенно такие «чувственные», как, скажем, «видеть», «слышать», даже «говорить», она заменяет другим — «чувствовать». Вот она и чувствует меня, единственного своего собеседника. Третий год мы чуть ли не день и ночь беседуем и спорим. И я обратил внимание, что сам стал ее чувствовать. В конце концов, китайцы считают, что люди могут общаться друг с другом не только языком, но и сердцем, иначе говоря, чувствами. Так что я ничуть не удивился, когда судно сказало:

— Мы с тобой по-разному должны чувствовать слово «ностальгия».

— Мне хочется, «Киликия», начать издалека. Так легче будет соглашаться или не соглашаться с тобой. Восемьсот лет назад не было ни одного турка ни в Армении, ни вокруг нее. Киликия являлась частью Западной Армении, значит, здесь не могло быть влияния и персидского языка. Киликийские армяне, в частности, сам царь Левон II, владели греческим (это уже Византия), латинским, арабским, немецким, английским языками. И слово «ностальгия» было хорошо знакомо твоим предкам.

— И твоим тоже.

— И моим тоже, ибо Киликия — это часть исторической Армении. Греческое слово «ностальгия» состоит из двух корней — «возвращение» и «боль» — и в переносном смысле означает «тоска по Родине». По-армянски это звучит как диагноз: болезнь тоски («каротакт»). Я бы не хотел, чтобы мы с тобой говорили о ностальгии как о тоске по Родине, потому что нынче слово это во всем мире употребляют исключительно в тех случаях, когда человек по разным причинам (эмиграция, ссылка, бегство) оказался на чужбине. Он тоскует по родным краям, по своему детству и юности. Знаменитый скульптор Эрнст Не-

известный дал такую формулировку: «Ностальгия — романтизация прошлого, окрашенная воспоминаниями молодости».

— Но ведь это естественно — оказавшись на чужбине, тосковать по Родине. Как естественно и то, что человек романтизирует свое прошлое. Можно оставить первую половину слова «ностальгия» — «возвращение», — предложила «Киликия».

— Вот мы с твоей подачи и нашли нужное слово. Значит, открыта дорога для тех, кто последует за нами. Значит, путь дальнейший уже определен. Ведь важнее всего дорога, которая ведет домой.

* * *

Да, мы в пути. Мы возвращаемся.

Наконец обновленный, помолодевший, посвежевший армянский парусник отошел от английского острова Уайт, который экипаж окрестил «Островом зимовки», и с первых же кабельтовых начал свой долгий путь возвращения на Родину. От островного парусного порта Каус мы взяли курс на восток — на устье реки Темза. Еще накануне служба погоды и вездесущий Интернет сообщили, что на этом маршруте нас ждет грозовой дождь и градины размером с яйцо. К счастью, штормовое предупреждение официально не было объявлено, и мы вышли в море. Спешили в Лондон, где не только армянская община, но и городские власти давно готовились устроить настоящий праздник.

Но до праздника было далеко. Сто восемьдесят пять миль до устья Темзы и около тридцати пяти до Лондона. Ла-Манш (или Английский канал) только называется мирным словом «пролив». На самом же деле это — целое море, являющееся частью океана. Еще в прошлом году мы увидели его грозные повадки и не очень приветливый нрав. Так что ничего удивительного не было в том, что случилось примерно на середине пути. Парусник под градом и воем ураганного ветра шел на двух стакселях (напомню: это средние по размерам паруса, название которых, кстати, очень соответствовало создавшейся ситуации — «штормовые»). И вот при сильном западном ветре, когда судно резко накренилось, передний парус тотчас же сник, освободившись на долю секунды от воздушного потока. Он сделал несколько конвульсивных движений, а в следующее мгновение, когда корабль выпрямился и резко кренился уже в другую сторону, мощнейший поток свистящего и воющего ветра в каком-то бешенстве разорвал стаксель в клочья. Куски парусины подняло высоко в небо и унесло в море.

В бортовой статистике экспедиции, кроме всего прочего, есть данные и о том, в устьях скольких рек омывал свой киль пресной водой наш парусник: Дунай, Тибр, Тахо. И вот теперь Темза. Правда, воду в устье этой воспетой английскими классиками реки даже с натяжкой не назовешь пресной. Но не только устье, сама река не пресная. Достаточно сказать, что в сутки два раза во время приливов она с огромной скоростью течет вспять. Кстати, «Киликия» должна была дожидаться именно режима прилива, чтобы плыть до Лондона. Иначе опасность сесть на мель весьма вероятна.

Городские власти и руководство лондонского порта посвоему выразили свое уважение к поистине почтенному возрасту гостыи туманного Альбиона, каковой для них являлась «Киликия». Специальным решением «Киликии» было позволено торжественно пройти под знаменитым лондонским Тауэр Бридж (Башенным мостом).

На берегу стояли большие группы лондонцев и среди них много наших соотечественников с армянскими флагами. Когда «Киликия» наконец причалила, ее буквально взяли на abordаж армяне. Они пришли не встречать ее, как это было в прошлом году, а торжественно провожать. Программа рассчитана на два дня, не считая последнего дня, когда мы вместе отметим наш общенациональный праздник независимости — 28 мая 2006 года.

* * *

— А знаешь, я все праздники чувствую, — начала «Киликия» наш очередной диалог. — Для меня они не очень отличаются друг от друга, потому что в праздники у людей обычно бывает приподнятое настроение. Но я всегда чувствовала, что праздник двадцать восьмого мая какой-то особый. Какой-то долгожданный...

— Немудрено, — перебил я ее, — праздник этот отмечали лишь дважды: в тысяча девятьсот девятнадцатом и двадцатом. После этого семьдесят лет подряд отмечали лишь в спюрке, и то не все. Вот и ждали долго...

— Но вот что я замечала: часто называют этот день Днем независимости, хотя известно, что есть другой официальный День независимости — 21 сентября.

— Не страшно. Хотя ошибка есть. Не такая уж серьезная, скорее, чисто теоретическая, конституционная, что ли... Сразу после начала Первой мировой войны Турция устами палача армянского народа Талаата цинично заявила, что, пользуясь бла-

гоприятной для нее ситуацией, она может окончательно решить армянский вопрос, то есть не оставить в живых ни одного армянина. Через год, уже в разгар геноцида армян, Талаат обратился к собственному народу и к своим профессиональным головорезам с такими словами: «Право армян жить на земле полностью отменено... Не оставлять в колыбели ни одного ребенка... Нам стало известно, что чиновники женятся на армянских женщинах, я это строго запрещаю и требую депортировать армянских женщин в пустыню...»

Тогда, воспользовавшись ситуацией, турки осуществили-таки свой зловещий план. В мае 1918 года, теперь уже при Ата-тюрке, решили использовать тот факт, что большевики вывели русские войска из Закавказья и «добить армян уже в Восточной Армении». Для этого нужно было непременно захватить Ереван.

— Два слова о том, что стало бы с Арменией, если бы не героическая оборона Еревана.

— Я ничуть не удивляюсь тому, что ты снова угадала мои мысли. Только я должен сам себя поправить. То была оборона, которая переросла в наступление. Это было настоящее крупное сражение, из числа тех, что нередко решают исход войны, а, стало быть, судьбу страны и народа. А Сардарапат-Апаран-Караглис — это тот самый случай, когда решалась судьба Армении и армянского народа. Победа 28 мая 1918 года означала образование независимой Республики Армения. А это означало восстановление, возрождение армянской государственности через пять с половиной веков после падения Киликийского Армянского государства. Видишь, «Киликия», как это символично. Восстановление армянской государственности стало продолжением истории Киликии.

* * *

Этого дня лондонская армянская община ждала как никогда. И дело не только в том, что праздник на сей раз оказался двойным: день Республики и старт третьего этапа плавания «Киликии». Выяснилось, что достаточно велико число наших соотечественников, чьи предки были выходцами из исторической Киликии.

Такое количество наших соотечественников мы видели только в Бейруте и Марселе. За два дня до праздника они толпами шли в Лондон-Сити и, тем не менее, 28 мая подолгу стояли в очереди, чтобы подняться на борт парусника и обязательно сфотографироваться у флагов Армении, Арцаха и символов Киликийского государства, изображений его царей и городов.

Хор церкви святого Егише исполнил песню, под звуки которой священник Тер-Шнорк освятил третий этап плавания. В два часа пополудни начался митинг, который открыл вступительным словом посол Армении в Великобритании Ваге Габриелян. Второй спикер палаты лордов баронесса Керолайн Кокс прочла целую оду, посвященную Армении. Выступил и я, как обещал «Киликии».

Армянский парусник отошел от причала дока Святой Катерины и остановился в нескольких метрах, целый час ожидая поднятия уровня воды в речном шлюзе. Все это время народ пел песни: и гимн Армении, и «Зим Киликия», знаменитые дашнакские марши звучали в исполнении юношей и девушек, одетых в скаутскую форму.

Под назаряновский призывный гудок, традиционно прозвучавший с палубы, «Киликия» начала отсчет долгих миль до Родины.

* * *

Темза направляет свои воды навстречу восходящему солнцу — на восток. Я на это обратил внимание, когда входили в Лондонский порт. Стоя на своем традиционном месте, спиной к мачте, делаю записи в блокноте.

Ветер холодный. За время пребывания в Англии мы так ни разу и не увидели чистого неба и солнца без окружающих его туч. Но главное — мы не снимали с себя курток, так как во время движения судна постоянно ощущали северный ветер, пахнувший снегом. Такой же холодный ветер с запахом снега дул в момент отхода от острова Уайт. Правда, тогда ни у кого не было ощущения старта третьего этапа. Сейчас у нас совсем другое чувство: мы наконец взяли старт к месту... старта.

Нам еще предстоит несколько часов плыть по Темзе. До устья реки далеко, а это значит, далеко до Северного моря и есть время, чтобы с карандашом в руке подумать о предках нашей «Киликии». Добиралось ли хоть одно киликийское судно до Лондона? Может, у историков имеются на этот счет какие-то данные. Любопытно было бы узнать.

В любом случае, я глубоко убежден, что «Киликия» является единственным армянским судном, которое когда-либо было принято официальными властями Лондона. Кстати, порт этот стал столицей Великобритании именно в то время, когда образовалось Киликийское армянское государство, — в конце XI — начале XII века. Нет сомнения, что киликийские купцы, бросая

якоря где-то в небольших портах устья Темзы, на лодках доби-
рались до берега, а оттуда на лошадях — до новоиспеченной
столицы островного государства, которое быстро богатело и
разрасталось. По крайней мере, как мы уже отмечали, именно в
XIII—XIV веках отношения между Киликийской Арменией и
Англией были теплыми, тесными, продуктивными, особенно
на территории материковой части Киликии и острова Кипр.

В эти минуты «Киликия» со скоростью восемь с половиной
узлов плывет по Темзе мимо знаменитого Гринвича. Пересекает
здесь нулевой меридиан, навсегда возвращаясь в восточное
полушарие.

* * *

Ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое мая запомнится
нам надолго. Идет дождь вперемешку с хлопьями снега, которые
четко видны в непосредственной близости от бортовых огней.
Одеты мы соответственно. Черные с белыми полосками штормовки,
которые нас спасали во время первых двух этапов плава-
ния, мы бережно храним, выражая тем самым нашу любовь и
признательность за верную службу. Накануне старта вся команда
прибарахлилась. Новые штормовки оказались экипировкой чуть
ли не для полярников. Расцветка прямо-таки стендалевская: чер-
но-красная. От прежних штормовок они отличаются некоторой
модернизацией по части и капюшона, и ворота, и карманов, есть
и дополнительный элемент комплекта: теплая мягкая куртка.

Многие ребята спят в спальнях мешках. Но я обратил вни-
мание, что некоторые сверху накидывают солдатское одеяло.
Сам я с первых дней первого этапа как-то не принял спальный
мешок, хотя всю жизнь в длительных путешествиях пользовал-
ся только этим гениальным изобретением человечества. На се-
вере, особенно в открытой тундре, зимой просто невозможно
без кукуля (спальный мешок, сшитый из двойного слоя олень-
ей шкуры). Но на «Киликии» я никак не могу спать замурован-
ным в тесном мешке. Я взял два матросских одеяла, «зашил» по
углам тонкими стальными скрепами и спокойно сплю, перево-
рачиваясь себе сколько угодно.

Возникает вопрос: каково же было киликийским морякам в
зимнее время? Думаю, зимой у них просто не было надобности
выходить в море. Такой цели и, естественно, такого графика,
как у нас, у наших предков быть не могло. Есть данные, что на
некоторых судах имелись печи, выложенные из жженого кир-
пича. По крайней мере, хлеб они пекли. Значит, могли и согре-

вать кубрики. У нас есть возможность использовать электроплитки, разумеется, только находясь на берегу, когда подключаемся к городской сети. Однако мы отказались от такого блага. Северное море — не Пенжинская тундра Камчатки и не бухта Провидения, где на самом краю земли дуют пронизывающие морозные ветры. Ради чистоты эксперимента мы перетерпели многое, потерпим и еще. Честно говоря, больше всего я лично беспокоился за наших юношей, которых мы все чаще называем юнгами.

* * *

Утро 29 мая. Синоптики грозились, что дождь не прекратится до следующего утра. И, судя по всему, не ошиблись.

Мы вошли в бухту самого северного французского порта Кале. Могли, конечно, обойти его стороной, тем более что там нет наших соотечественников. Но еще со школьной скамьи у каждого из нас название этого города на слуху. Да и великий Огюст Роден воспел граждан этого города, которые в XIV веке, жертвывая собой, спасли родину.

Итак, мы твердо знали, что в Кале есть граждане Кале, но нет ни одного армянина. Несколько часов «Киликия» стояла в шлюзе параметрами с футбольное поле. Ждали, пока гигантский бассейн наполнится водой и поднимет нас наверх. Потом открылись ворота, и мы на моторе отправились туда, где нам пообещали хорошее место для стоянки. Место и впрямь оказалось хорошим. Оказывается, нам предоставили возможность не просто присутствовать, но и принять участие в каком-то традиционном празднике парусных судов. Правда, погода при этом была абсолютно не праздничной. Словом, пока что скучали и мы, и «Киликия». Но скука длилась недолго. Раздался телефонный звонок, которого я ждал. Звонил Гамлет Гаспарян, который совсем недавно переведен из аппарата Министерства иностранных дел Армении в Париж. Пошел на повышение. Теперь он посланник, а это, можно сказать, второй человек после посла.

Я говорил с ним в полной уверенности, что звонит он из Парижа. Знал, что к нам в Кале должен приехать советник посла Ваагн Атабекян, который в прошлом году очень здорово помог нам в Марселе. Каково же было мое удивление, когда Гамлет вдруг похвалил наши штормовки.

— Ты что, Вольф Мессинг? Роза Кулешова? — не скрывая удивления, спросил я. — Откуда ты знаешь, сидя в своих париках, о нашей форме?

— Все ваши мессинги и розы — детский сад по сравнению со мной. Кстати, почему вы не поднимаете капюшон своей красивой куртки?

Задав этот вопрос, Гамлет не подумал о том, что явно переиграл. И я сказал Гамлету, которого, кажется, знаю сто лет:

— А ты можешь сказать, сколько метров отделяет тебя от «Киликии»? Кстати, теперь я сам возьму на себя роль Мессинга. Рядом с тобой стоит Ваагн Атабекян.

Раздался хохот, который был слышен всему экипажу. Гамлет и Ваагн стояли над нами у края бетонного причала. По вертикальному ржавому трапу они спустились вниз и, ступив на палубу, произнесли традиционное: «Пусть наш приход принесет вам удачу».

Погода, конечно же, очень нам помешала. Стало ясно, что в создавшейся ситуации, когда неизвестно, сколько нам придется ждать в очередном шлюзе открытия очередного моста, Гамлету и Ваагну нечего делать в Кале. Они — дипломаты. Мы решили не просто их отпустить, а настоятельно просить, чтобы они вернулись в Париж... Приведу запись из своего блокнота: «Гамлет Гаспарян и Ваагн Атабекян даже не подозревают, что спасли нас от правила, которого не бывает без исключения. Мы были уверены, что в Кале не встретим ни одного армянина. Ан нет. Встретили. На острове Родос тоже думали, что никого не встретим. И тоже встретили. Так что два дипломата сделали свое доброе дело и могут удалиться. Правда, я их малость задержал. Сначала они повезли нас к роденовскому шедевру «Граждане Кале» — шестеро изможденных, измученных, худющих мужчин со следами кандалов на теле держатся изо всех сил. Но держатся. Они спасли свой город и вот уже семьсот лет живут почетными гражданами в своем свободном городе.

* * *

Намеченный праздник мастеров парусного спорта и вообще профессиональных яхтсменов, как мы и предполагали, не состоялся. Ни минуты не давала покоя проклятая «аномалия». В самом деле, на пороге лета идет снег в Испании и даже в Италии. А в родной Армении в это время температура упорно приближается к сорока градусам. А у нас? Ветер нагоняет тоску, дождь льет как из ведра... Остается беседовать с «Киликией». Чувствую, ей тоже не терпится поговорить. Она давно хотела помочь мне раскрыть тему о, так сказать, поздней Киликии. Я имею в виду последний из трех веков жизни нашего средневекового царства. Мы с ней как-то говорили, что к концу плавания надо чаще

вспоминать ее родину — Киликию. Она считает, что историки порой забывают о том, что авторитет Киликии поднимали не только дипломатия, стратегия, культура, но и торговля.

— Ты ведь все знаешь, «Киликия». От тебя не укрылось, конечно, что во время изнурительного, нескончаемого дождя я занимался именно этой темой. Кажется, у Алишана есть целая глава, которая примерно так и называется: «Роль, участие, а также значение Киликийской Армении в международной торговле».

— Могу точно сказать, что роль эта была особенно велика во второй половине XIII и первой половине XIV веков. Хотя основы развития торговли были заложены в начале XIII века при Левоне II.

— Ты абсолютно права. Эти вопросы исследовал и профессор Микаелян. Читаешь и диву даешься: какие только страны не были вовлечены в процесс международной торговли, в центре которой находилась Киликийская Армения! И ведь об этом пишут зарубежные авторы. Послушай, прочувствуй: о торговой магистрали Айас — Тавриз (часто пишут Тебриз) подробно рассказывал не профессиональный историк, а современник Левона У, коммерческий агент Франческо Балдуччи Пеголотти. Свой труд он назвал «Практика торговли». Кстати, этот агент получил у Левона У привилегии в пользу своей компании. В наше время такие привилегии называют статусом наибольшего благоприятствования. Таковы объективные исторические данные относительно лишь одной магистрали, берущей начало в самом мощном порту и торговом центре Киликии. В подзаголовке монографии исследователя Киликии подчеркивается именно роль торгового пути Айас — Тавриз и значение айасского порта в мировой торговле во второй половине XIII — первой половине XIV века. Однако нам следовало бы выделить из истории магистрали чисто морские вопросы. Некоторые подзаголовки «торговой» главы монографии сами по себе красноречивы: «Торговые взаимоотношения Киликийской Армении с Венецией и Генуей». Здесь речь идет о самостоятельных суверенных республиках, а не об отдельных портах. Далее: «Торговые сношения Киликийской Армении с Сицилией, Флоренцией, Францией, Каталонией» (сегодня это область Испании, где проходил наш маршрут, центр ее Барселона). Далее: «Торговые связи Киликийской Армении с Ближним Востоком, Крымом». Отсюда и маршруты киликийских купцов по портам Черного моря. Могут спросить, при чем Черное море, если Киликия находилась на берегу Средиземного? Маршрут наш был составлен на основании истори-

ческих путей средневекового армянского государства, а не его географии. Марко Поло, посетив в 1271 году Айас, отметил, что трудно переоценить роль и значение этого армянского порта в деле торговли Европы с внутренней Азией.

— Я хорошо помню, что самым главным торговым центром тогда был Сивас, — сказала «Киликия». — Мои предки в своих трюмах и на своих палубах перевозили груз из разных стран и большей частью переправляли его в Сивас...

— Еще бы. Сивас, самый крупный город в Малой Азии, находился на перекрестке караванных торговых дорог. Кстати, у Марко Поло он назывался Севасто, у Франческо Пеголотти — Салвастро, у армянских авторов — Себастья. Хорошо, что ты напомнила мне про Сивас. Я хочу здесь сделать одно не лирическое, а историческое отступление. Готовясь к плаванию, я взялся за изучение истории Киликийского Армянского государства. И мне было интересно знать, как сложилась судьба многих легендарных населенных пунктов, городов, портов, крепостей, построенных киликийскими царями. Покопался в современных энциклопедических словарях. Вот что пишут нынче о Сивасе: «Турецкий город. Административный центр ила (вилайет) Сивас. Памятники средневековой мусульманской (читай: турецкой) архитектуры»... А давай-ка разберемся, что это такое — Средневековье? Когда оно было? В школе нас учили, что речь идет о принятом в исторической науке обозначении периода времени с конца V и до начала XVII веков. Согласно той же исторической науке, Османская империя «сложилась в результате завоевательных войн XIV—XVI веков». С каких это пор в процессе завоевательных войн (которые к тому же ведут варвары и вандалы) строятся «памятники архитектуры»? А может, все-таки вандалы превращают в руины все, что было создано до них? Я не признаю жалких рассуждений о том, что, мол, чего сейчас вспоминать о прошлом, как говорится, поезд давно ушел. Ну, во-первых, Родина наша не поезд, а мы не пассажиры. А во-вторых, разве не ясно, что, лишая народ его прошлого и настоящего, пытаются лишить его будущего?

— История подчас превращается в ретушера, стремящегося скрыть все низкое и отталкивающее. В ее картинной галерее мало оригиналов и много копий. Беда в том, что сами завоеватели, создавшие империи, творят зло, а затем платят своим историкам за то, чтобы те оправдывали их злодеяния. Но это отнюдь не означает, что пока кара не постигла завоевателя, надо молчать.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не надо молчать?

— Для меня «не молчать» означает прежде всего «помнить». Но, знаешь, «Киликия», давай, отложим нашу беседу...

— Только-только разговорились...

— Я обещаю, что скоро вернусь. Понимаешь, рядом с нами стоит огромный трехмачтовый парусник...

— Знаю. Вот уже две ночи мы с ним беседуем. Это не парусник. Это плавучий институт, где ведут преподавание парусного дела, но сам он ходит только на моторе.

— Так вот, нас пригласил его капитан. Мне очень любопытно взглянуть на этот парусник. Уж больно он большой. В восемь раз тяжелее тебя. А если взять твой чистый вес, то в двадцать раз тяжелее. В кубрике у него есть один экспонат, который я хочу обязательно посмотреть, а если удастся...

— Я знаю, что это за экспонат. Когда вернешься, не успеешь рта раскрыть, я тебе скажу, что это. А еще скажу о том, чего ни ты, ни капитан, ни даже капитан-наставник не знаете...

— Ты меня заинтриговала...

— Я тебя жду.

* * *

Трехмачтовое парусное судно «Гранд Турк». Название ничего общего не имеет ни с турками, ни с Турцией. Это имя хозяина парусника, точнее, владельца корпорации «Турк Феникс». «Гранд Турк» — целый институт, где имеются учебные классы, лаборатории, бесценные наглядные пособия, без которых трудно освоить азы парусного искусства. Такой парусник был и в Советском Союзе. Назывался он — «Товарищ». Несколько поколений советских детей и юношей мечтали подружиться с «Товарищем» и, став настоящими моряками, принять участие в кругосветке.

«Гранд Турк» — это огромное четырехэтажное здание. Где бы парусник ни появлялся, он всегда оказывался в центре внимания туристов и местных жителей. Есть на нем штатная единица кассира, который, как только судно причаливает, садится за стол у входа и продает билеты. Но мы были коллегами, а посему капитан «Гранд Турк» Ян Макдугал лично принял моряков стоящего по соседству бесценного, как он сказал, экспоната, прибывшего в XXI век из глубин Средневековья. Утром того же дня он сам посетил «Киликию» и не поверил, что можно на такой архаичной посудине вообще плавать, не то что преодолевать штормы. «Если бы вы из Потти добирались сюда по шоссейным трассам на трейлере, то и тогда это было бы подвигом, ибо месяцами жить в таких спартанских условиях сегодня могут далеко не все», — сказал он.

Капитан Магдугал поручил своему боцману Дэвиду Брайену провести для нас экскурсию. Длина судна 46 метров, ширина 10 метров, осадка три с половиной метра. Общая площадь парусов 8500 футов. Я попросил боцмана перевести этот показатель на метрическую систему, он ответил довольно оригинально: «Площадь парусов мы никогда не переводим в метры. Это и традиция, и примета: считать только в футах». Главный материал — дуб. Много деталей и узлов из красного дерева. Я сравнил парусник с советским «Товарищем», который, кажется, и в нынешней России продолжает свою «школьную работу». Но английский коллега становится учебным заведением только в перерывах между киносьемками. Дело в том, что этот впечатляющий своим средневековым пиратским видом трехмачтовый корабль был построен для кино. На нем уже сняты фильмы «Трубадур», «Широта», «Господин Н», «На краю земли». Порой под него пишут сценарии, его арендуют, то есть фрахтуют, выражаясь по-морскому, и это приносит прибыль владельцу. Бизнес. Не могу не вспомнить, как в Венеции тамошние киношники обратились к Карену Балайяну с соблазнительным предложением: передать им «Киликию» на все время «безработной» стоянки у причала острова Святого Лазаря. Мол, каждый месяц будет приносить нам наличными много тысяч долларов. Отказались наотрез, конечно.

Вернемся на «Гранд Турк». Обратил внимание на один экспонат, который привел меня в трепет. Подумать только, за секунду я мысленно перенесся ровно на пятьдесят два года назад. Вспомнил, как на линейном корабле (линкор) «Октябрьская революция» во время похода я спал на «висячей койке». Я бы назвал гением человека, который первым додумался до этого. Шторм. Все и вся качается из стороны в сторону, и ты качаешься вместе с жестко прикрепленной к корпусу судна койкой. И вдруг — эврика! — возникает идея: койку вешают на шарнирном крючке и во время качки она не двигается с места. Всю жизнь я помнил койки «Октябрины», как ласково называли этот гигантский корабль. И вот спустя пятьдесят два года мне, седобородому человеку, ужасно захотелось лечь на «висячую койку». Карен передал мою просьбу боцману, объяснив ее проявлением морской ностальгии, и тот, широко улыбаясь, дал добро.

Боцман, ставший на время гидом, узнав, что через час-другой мы выходим в море, мягко говоря, удивился. Мы стояли на полубаке, откуда хорошо была видна «Киликия».

— И на этой лодке вы собираетесь выйти в такую погоду в море? Мы получили прогноз — он неутешительный.

По возвращении «экскурсантов» на судно кок накормил команду чрезвычайно вкусным куриным бульоном. Помнится, в прошлом году я записал в блокноте рассказ одного моряка о том, как еще в средние века на судах дальнего плавания пристраивали кубической формы плетеные конурки, в которых держали кур. Так что куриные блюда у нас на борту входят в строгий список продуктов под общим названием «Чистота эксперимента».

Затем последовала команда «Аврал», и «Киликия» направилась к воротам шлюза, точно рассчитав время открытия ворот.

Бедняга Кале, он останется у нас в памяти как порт, от которого отвернулось солнце. Есть такая несчастная биологическая единица, как бабочка-однодневка. Она и в самом деле живет всего один день. Не успела появиться на свет, и уже пора кануть в Лету. Хорошо еще, если бабочка рождается в солнечную погоду. Тогда она, умирая, будет думать о том, как интересен и ярок этот мир. А что, если бедняжка рождается в туманный, морозящий, дождливый день? (Я понимаю, догадываюсь, что в дождливую погоду вряд ли родится бабочка, но все же есть в природе бабочка-однодневка.) Для нас бедняга Кале, как для той незадачливой бабочки — нечто такое пасмурное, туманное, «ураганно-ветренное», сырое и зябкое. Хотя, если честно, пусть граждане Кале знают: несмотря ни на что, мы полюбили этот симпатичный, уютный, очень своеобразный город, воспетый великим Огюстом Роденом.

* * *

Наконец мы вышли из ворот бухты Кале. Северное море. На дне Северного моря есть песчаная отмель Доггер-банка — настоящее зло для мореплавателей. Ее длина 260 километров, ширина — 33 километра. Наименьшая глубина 15 метров. Наиболее опасные участки находятся на северо-востоке Северного моря. Это именно там, где придется пройти «Киликии».

А пока, получив добро от службы погоды, в семь часов вечера «Киликия» вышла в открытое море и взяла курс на Антверпен, предпоследний порт маршрутов киликийцев. Кажется, нам достаточно сделать этот финишный спурт, этот резкий рывок — и можем быть спокойны. Ведь от Антверпена до Амстердама большая часть пути пройдет не по морю. Там целая прорва соединяющихся между собой рек и каналов. Как нам сообщили, в Антверпене уже идет конкурс среди лоцманов, которые хотят сопровождать «Киликию» на этом этапе. Так что сразу после выхода из Кале команду охватило хорошо знакомое спортсменам, особенно гребцам, чувство финиша.

Наверняка это сладкое чувство победного финиша не покидало и Самвела Карапетяна, нашего капитана-наставника. Однако, несмотря на то, что практически все лицо его было закрыто капюшоном, я не мог не заметить на нем некоторую озабоченность. Подошел к нему.

— Что-нибудь случилось? — спросил я громко, чтобы перекричать шум ветра и волн.

— Мне кажется, синоптики поступили опрометчиво, оценив чрезвычайную ситуацию под названием «штормовое предупреждение» лишь по скорости ветра. Собственно, о чем теперь говорить. Надо грести дальше.

Самвеловское «надо грести дальше» означает, что сразу после выхода из бухты Кале при очень холодном и по-волчьи воющем ветре надо поднять два штормовых стакселя (передние средние паруса), что мы и сделали. А теперь нужно идти зигзагами, меняя галсы, ибо ко всем бедам прибавился еще и встречный ветер.

Сила ветра нарастала, приближаясь к опасной черте — двадцать два метра в секунду.

«Киликия», как известно, шла в открытом море и даже в океане и при более сильном ветре. Но сейчас у нас была одна «геометрическая» беда. Читатель помнит, что при отходе от острова Уайт, где зимовала «Киликия», ураганным ветром разорвало в клочья один из стакселей. В Лондоне мы поменяли его на новый. Однако, увы, нужного размера в великой морской державе найти не смогли. Площадь нового паруса оказалась намного меньше прежнего. Это уже влияло на ход судна. И когда в очередной раз «Киликия» до предела наклонилась на правый бок, неожиданно с противоположной стороны нас накрыла огромная волна, за которой последовал буквально новый «девятый вал» Айвазовского.

Никто не устоял на своем месте, но никто и не упал за борт. Не успело судно вернуться в исходное положение, как Арега и Мушега оторвало от левого рулевого весла и отбросило на противоположную сторону, где в углу между палубой и бортом уже лежал Гайк Бадалян, пытаясь дотянуться до румпеля рулевого весла. Большинство команды находилось на передней половине судна, где идет основная работа с парусами. Все, в том числе и я, мгновенно «припечатались» к правому борту. В сумерках, да еще в тумане, нелегко было различить детали. Придя в себя, я встретился взглядом с лежавшим в мокрой штормовке Амаяком Тарахчяном. Надо же, в такую минуту вдруг подумал о том, что без этого человека, наверное, случилась бы беда. Две неде-

ли Амаяк, как я уже рассказывал, возился на судне: завязывал, приделывал, укреплял что-то не только в трюме, но и на палубе. Нетрудно представить, что могло случиться с нами, если бы в тот миг сорвались с места запасные рулевые бревна (железные), газовые баллоны, спасательные плоты...

Ничего подобного мы еще не испытывали. Крен был такой сильный, а накрывшая палубу волна такой огромной, что двадцатитонный балласт из чугунных чурок сдвинулся с места. Еще немного — и судно перевернулось бы. Эту реальную опасность осознали все без исключения.

В такой ситуации, сменяя друг друга и едва держась на ногах, мы добровольно становились у двух помп и откачивали воду. Видел бы со стороны кто-нибудь, как в этой круговерти все расхотались, когда Гайк Бадалян включил двенадцативольтовый электрический режим работы помпы, и она заработала. Кругом вода. Внутри вода. Сверху вода. Все ходит ходунгом, а электрическая помпа работает!

Когда на очередной крен и очередную волну парусник ответил протяжным скрежетом, я подумал, что для души это — как железом по стеклу. Заговорил приемник ультракоротковолновой системы радиосвязи. Портовая служба от имени капитана порта (есть такая штатная должность — начальник порта) настоятельно просила нас вернуться: именно в направлении Антверпена будут усиливаться и ветер, и гроза. И мы вернулись в Кале, к добрым его роденовским гражданам.

* * *

Войдя глубоко полночь в небольшую и хорошо нам знакомую бухту, мы увидели на ярко освещенном причале скопление людей, машин, кранов. Довольно быстро пришвартовались и тотчас вышли на берег. Читатель, думаю, помнит, что рядом с нашим судном разместились огромных размеров трехмачтовая яхта «Гранд Турк» под английским флагом. Выяснилось, что на пике шторма несколько часов назад эту громадину ураганным ветром буквально припечатало к бетонной стенке. Среди ночи спасательные работы шли и на берегу, и в воде. Полюбившийся нам геркулес-парусник, к счастью, отделался лишь несколькими ушибами и царапинами.

* * *

К утру улеглись спать. В трюме было холодно. Воду, конечно, откачали, но в воздухе стояла такая сырость, что, казалось,

ее можно было потрогать руками. Я, как уже говорилось, единственный на судне, кто не в состоянии спать в спальном мешке. Так что мой спальный мешок использую как матрац. Нормально. Давно уже не бьюсь головой о верхнюю доску, на которую кок кладет хлеб, сухари, какие-то корочки.

Лег, зная, что не усну. Включил двенадцативольтовку и стал просматривать записную книжку. После того как мы развернули судно, всем, и в первую очередь «Киликии», намного полегчало. Ветер стал попутным. И уже на обратном пути я взялся описывать случившееся. Но у меня есть должок перед «Киликией».

— «Киликия», должен тебе сказать, что ничего не забываю. Ты в последней нашей беседе заинтриговала меня тем, что угадала, какой экспонат меня особенно заинтересует.

— На стоящем рядом со мной парусном гиганте ты увидел висячую койку.

— Да, но ты ведь об этом знала еще до того, как я ее увидел!

— Что ж тут удивительного! Через каких-то полвека ты увидел висячую койку, и она снова возвратила тебя в юность...

— А почему ты выразилась так пренебрежительно — «какие-то полвека»?

— Потому что такие койки имелись у нас в Киликии еще восемьсот лет назад. На наших кораблях было по несколько таких коек. Для царей, для епископов, для почетных гостей. Тебя сейчас волнует не то, что произошло с нами совсем недавно, а то, как ты все пережитое подашь своим читателям. Я чувствовала, что ты в той невероятной ситуации ухитрялся время от времени делать короткие записи в блокноте. Так что сейчас забудь обо всем другом, соберись с мыслями, расшифруй свои условные знаки. Восстанови в памяти все, что тогда тебе приходило в голову.

— Тогда я боролся с ребятами за нас и за тебя.

— Это не мешало тебе мысленно писать. Давай, приступай к работе. И знай, впереди еще будут такие же штормы. А может, и пострашнее...

— Не пугай!

— Я и не пугаю. Поверь моему восьмисотлетнему опыту. Нет ничего опаснее везения. Я хочу, чтобы экипаж не расслаблялся ни при каких обстоятельствах.

— Я очень хорошо тебя понимаю, «Киликия». Целые империи рушились.

— Вот и пиши. Пиши о недавнем событии. Только не вдавайся в детали. Пусть каждый, или хотя бы большинство, расскажет о своих переживаниях. Пусть даже в двух словах...

— Ты, как всегда, меня опередила. Именно об этом я и думал. И даже сделал кое-какие наметки...

— Ты ведь знаешь, что я все чувствую. Пиши не о волнах, не о качке, не о том, как я чуть не перевернулась, как у меня чуть чугунные кишки не вывалились. Пиши о философии момента, когда человек находится на зыбкой грани между жизнью и смертью. Пиши о волнах, и о громе, и об ураганном ветре — всякий раз видя за ними человека. Это ведь люди спасали людей.

* * *

И я начал писать. Мне пришлось все пережить заново. То, что произошло с нами, довольно часто случалось на всех морях, оставшихся за кормой «Киликии». Ничего, казалось бы, нового. Семибалльный шторм. Никаких закономерностей в движении волн. Сплошная толчея. Время от времени шальные волны, схлестнувшись, вызывают настоящий взрыв. И, согласно теории вероятности, однажды произошло два таких взрыва с двух сторон судна.

Честно говоря, не исключено, что кто-то мог невольно закричать, но я не слышал. Да и гул ветра может заглушить не только заводской гудок, но и гром небесный. Сам я на другое обратил внимание: люди сосредоточенно занимались своим делом. Судно стремительно взлетело (выражаюсь вовсе не фигурально). И немудрено: с двух сторон после сшибки волн раздался оглушительный грохот, и мы почувствовали, что «Киликия» оказалась в железных тисках. Затем гигантские волны вытолкнули ее вверх, точно косточку черешни из сжатых пальцев.

Ощущение не из приятных. Оно напоминает состояние, когда самолет, набирая высоту, вдруг резко падает в воздушную яму. «Киликия» часто падала плашмя на дно глубокой ямы. Но на этот раз у нас появились опасения: выдержит ли она.

И вот что удивительно: никто в ту минуту не думал о себе. Думали о «Киликии». Лишь потом, когда, как говорится, пронесло и страсти улеглись, мы начали делиться впечатлениями.

* * *

Первым мне встретился Самвел Бабасян, который не скрывал своих переживаний по поводу того, что такие события невозможно отснять на пленку. И тут же стал себя оправдывать: «Представляю: я снимаю, а зрители матерят меня, что в такой момент вместо того, чтобы со всеми вместе бороться за жизнь команды и корабля, чепухой занимаюсь».

Я, конечно, не согласен с тем, что такие кадры можно назвать чепухой, но меня интересовал другой вопрос.

— Скажи, Сэм, ты стоял у рулевого весла и что ты пережил, когда, казалось, судно разлетелось на куски?

— Однажды при подобной ситуации, правда, удар тогда был послабее, меня отбросило в сторону, потому что я выпустил из рук румпель. С тех пор во время шторма я так крепко за него хватаюсь, что меня трактором не отцепишь. Но скажу честно, вчера вечером едва удержался. Потом почувствовал боль в руках, особенно в пальцах. О чем я в то время думал? Затрудняюсь сказать. Во время сильного шторма я всегда думаю, что страшно будет тогда, когда ты окажешься в воде один на один с морем...

Тема опасности интересна сама по себе. Моряков в открытом море всегда подстерегают опасности — во время шторма, порывов ураганного ветра, цунами... Даже долгий штиль в душную и жаркую пору представляет собой опасность. В этом отношении жизнь моряка-путешественника чем-то напоминает жизнь профессионального охотника, на которого в тайге из засады может наброситься хищный зверь. Там беду может предупредить опыт охотника, который хорошо знает, где может зверь устроить смертоносную засаду. То же самое можно сказать об опытном моряке-путешественнике. Вот об этом после случившегося с нами и с «Киликией» мы беседовали с Самвелом Карапетяном, который оценил роль всего экипажа в экстремальной ситуации..

— У нас не должно быть уравниловки, — сказал он. — Природные и профессиональные возможности и способности проявляются особенно в экстремальной ситуации, когда подчас судьбы судна и экипажа висят на волоске. Я говорю об этом, чтобы провести параллель с судьбой Родины и народа. Вы сами часто повторяете, что экспедиция наша — исторический эксперимент, который очень нужен и историкам, и социологам, и политологам, и даже физиологам. Здесь мы убеждаемся в том, что — независимо от способностей и возможностей — каждый может и должен делать все, чтобы внести свою лепту в общую борьбу. Вот так, кстати, было и накануне, когда мы чуть не погибли. Словом, в борьбе должны участвовать все члены общества. И так оно и произошло.

— Я сейчас вспомнил слова неизвестного автора времен, наверное, Эзопа. Вот послушай: «Идет борьба не на жизнь, а на смерть. Все должны быть в строю. Но слепые не могут видеть, глухие не могут слышать, безрукие не могут стрелять, безногие не могут идти вперед. У каждого есть объективная причина не находиться в строю. Однако все они считают своим долгом

участвовать в борьбе. Ибо слепые говорят, что они могут слышать, глухие говорят, что они могут видеть, безногие говорят, что они могут стрелять, безрукие говорят, что могут идти вперед и вести за собой борцов».

* * *

Курс на бельгийский Антверпен. Метеорологи сообщили нам на борт, что ветер слегка утихнет, однако проливной дождь со снегом не прекратится до утра. Объяснили это непривычное явление словом «аномалия», то есть отклонение от нормы, от общей закономерности. Всегда в это время года здесь бывает тепло, а сейчас идет снег.

У Северного моря есть и свои постоянные аномалии. В Атлантическом океане это единственное море, две трети площади которого имеют глубину не более ста метров. А там, где идем мы, — сплошные отмели. Посему здесь фарватер строго ограничен с двух сторон громадными бакенами соответствующих цветов. Во время бокового ветра, как искусно ни управляй судном, его тащит в сторону. Надо идти зигзагами, — удлинится маршрут, зато сохранишь курс. В один из таких моментов, когда судно теряло направление, свежеиспеченный боцман «Киликии» Мушег Барсемян, стоявший у правого рулевого весла, как ни старался, не сумел удержать руль. А тут, как назло, в нескольких метрах от нас качается на волнах гигантская вежа. Метров за двадцать уже было ясно, что мы столкнемся. Так и случилось. Но надо было видеть, как налегал Мушег на румпель, чтобы хотя бы на один сантиметр переместить в сторону место столкновения. Удар по корме получился касательным. С одной стороны, дерево, с другой — пластмасса. Еще неизвестно, кому было больнее: «Киликии» или бакену.

Стоявший на «капитанском мостике» начальник вахты Гайк Бадалян иронично бросил: «Хорошо хоть Бабась не снял этот позор на пленку, а то весь мир удивился бы: крохотное армянское судно на огромных океанских просторах прицельно идет на пузатый бакен и портит государственную инвентарь, нанося ущерб дружественной нам Бельгии».

Шутку приняли, однако, по сути она была неверна. Это вовсе не океанский простор, а всего лишь узкая лента фарватера. Здесь часто суда садятся на мель.

Не так просто подойти к порту Антверпен. Он находится в самом конце продолговатой пятидесятимильной бухты. К тому же на подступах к нему — сплошные шлюзы, перед которыми нужно

ждать часами, пока откроются стальные ворота. У первых же ворот, где во время отлива судно наше стояло на шестиметровой глубине, недалеко от края бетонного причала, раздался голос, торжественно возвестивший по-армянски: «Гостеприимная Бельгия приветствует первенца армянского морского флота «Киликию»!»

Я узнал этот голос. С его обладателем в последние дни мы общались по телефону довольно часто. Третий секретарь посольства Тигран Балаян (сын моего друга Кима Балаяна) держал в одной руке бельгийский флаг, а в другой — армянский. Оба государственных символа развевались на ветру, закрывая молодого дипломата. Это мы просили посла Армении в Бельгии Вигена Читечяна, чтобы нам доставили армянский и бельгийский флаги.

Порт Антверпен. Один из самых популярных у моряков, купцов, дипломатов Киликийского Армянского государства. Армяне живут здесь с XI века. Порт когда-то посетил последний киликийский царь Левон VI. Об этом имеются исторические свидетельства. Конечно, надо отдать должное посольству Армении во главе с Вигеном Читечяном, а также лидерам армянской общины. Ибо среди тех, кто пришел приветствовать армянское парусное судно, были не только армяне, живущие в Антверпене. Прилегающая к причалу улица оказалась запруженной митингующими. Встречал нас вице-мэр Антверпена Марк ван Пеел, который поблагодарил «Киликию», кроме всего прочего, еще и за то, что она предоставила ему возможность выразить свое уважение к армянской общине, ко всем живущим в Антверпене армянам, которые своим трудом и искусством вносят немалый вклад в жизнь города.

* * *

Во время торжеств, организованных по случаю визита «Киликии» в Антверпен, я встречался со многими знакомыми и незнакомыми соотечественниками. Уже упоминал Тиграна Балаяна, который первым встретил «Киликию» у бельгийского берега. Он на год младше моего сына Гайка, вырос на моих глазах. Не дожидаясь, пока судно в шлюзе поднимется до края причала, точнее, стены гигантского бассейна шлюза, он, хватаясь за канаты, на которых гроздьями висят ванты (деревянные растяжки для крепления мачты), с довольно большой высоты прыгнул на палубу. Так что, когда открылись стальные ворота шлюза, он автоматически был пассажиром «Киликии», на которой и добрался до самого порта. Такое мало кому удавалось: пройти на борту пять миль. Тигран на финише произнес: «В жизни не мог пред-

положить, что мне удастся чуть-чуть поплавать на армянском судне с армянским флагом. И с карабахским флагом в придачу».

Тиграну было всего десять лет, когда началось Карабахское движение. Отец его, Ким Балаян, был в нем с самого начала. Мы регулярно встречались, и потому я часто видел его трех сыновей-погодков. Биография Тиграна складывалась так: факультет международных отношений Ереванского государственного университета, защита диссертации на тему «Карабахская проблема и международная дипломатия, 1991–1994 годы». Три года — с 1997 по 2000-й — был сотрудником представительства Нагорно-Карабахской Республики в Армении, с утра до вечера на моих глазах. Там же располагался и мой кабинет (никакой штатной должности я не занимал, зарплату не получал). Это была общественная работа, и длилась она до начала первого этапа плавания «Киликии». С двухтысячного года я Тиграна уже почти не видел. Только слышал о его успехах. Тигран свободно пишет, читает, говорит на четырех языках. Два года он работал в посольстве Армении в Москве, потом в аппарате Министерства иностранных дел, и вот уже два года он третий секретарь посольства Армении в Брюсселе. Работу под началом Вигена Читечяна считает для себя школой практической дипломатии. Рядом с ним жена — Асмик и годовалая дочь Сони.

* * *

Еще несколько официальных данных об армянах в Бельгии. История отношений двух народов уходит корнями в глубь веков, однако количество армян, живших в Бельгии, колебалось в зависимости от многих обстоятельств. Во времена Киликийского государства были и царский визит в эту страну, и визиты дипломатов и, как ныне говорят, совместный бизнес. Но лишь в двадцатых годах XX столетия было создано общинное управление и общество армяно-бельгийской дружбы, которые уже в те годы организовывали митинги протеста против организаторов геноцида армян в Западной Армении. Тогда в Бельгии проживали около тысячи армян, сегодня — семь тысяч. В семидесятые-восемидесятые годы сюда прибывали армяне из Ирана, Ливана, других стран Ближнего Востока, в девяностых годах — из Республики Армения. Здесь, как и повсюду, меня интересовала статистика. Она довольно интересна и дает пищу для размышлений. Так, количество свадеб, рождений среди армян Бельгии значительно превышает число похорон, что, конечно же, хорошо. Но эти показатели просто обязывают нас предмет-

но подумать на государственном уровне о судьбах армянских детей, родившихся на чужбине, об их будущем.

Так совпало, что очередную армянскую свадьбу в Антверпене сыграли именно в день прибытия «Киликии». Началось с того, что мы услышали протяжный вой автосигналов, сопровождаемый бодрой свадебной музыкой. Чем ближе, тем громче и четче выделялись звуки дудука и ударных инструментов. Наконец, на причал въехала свадебная кавалькада празднично разукрашенных машин.

И этот нарядный строй остановился у края причала, выстроившись шеренгой вдоль всей длины «Киликии».

— Что будем делать? — спросил меня стоявший рядом капитан.

— А давай-ка, Карен, за одну минуту превратим «Киликию» в загс.

— Как так? — удивился капитан.

— Очень просто. Ты спускаешься в кают-компанию. На стандартном листе пергамента, на котором расписываются мэры и губернаторы, красивыми буквами пишешь: «Свидетельство о браке». И дальше: «На основании указа Царя Левона Второго о браке»...

— А разве был такой указ?

— В Киликии все было. Не забывай, что именно там родились наши основные конституционные законы, судебные и прочие подзаконные акты. Напиши, что «Киликия» считает брак между Ириной и Сергеем Арутюнянами законным. Словом, нечто в таком духе. А я тут займу всю эту свадебную компанию.

Что ни говори, а получилось все просто отменно. «Киликия» сделала новобрачным и всем их родным и близким просто царский подарок. Если к этому добавить, что вечером всей командой мы гуляли на армянской свадьбе, то праздник в самом деле удался на славу. Остается пожелать молодым счастья, которое, конечно, возможно только на родной земле. И это не громкие слова...

* * *

Конечно, человеку хочется жить там, где хорошо. Он привыкает ко всему. Он хорошо понимает, что годы, проведенные на чужбине, подобны ветвям, отсеченным от ствола. Понимает, что чужбина Родиной не станет, знает, что нигде нет таких вкусных абрикосов, как в Армении. Но, чтобы оправдать свой шаг, цитирует одного из самых уважаемых и мудрых людей Земли Томаса Джефферсона, который вошел в историю не

только как третий Президент США, как один из авторов знаменитой Декларации независимости США, но и как ученый-просветитель. И этот человек произнес однажды громкую фразу: «Моя родина — там, где есть свобода». Если жить по Джефферсону, то что же выходит? Поищи на карте страну по-свободней и отправляйся туда! Во времена Пифагора Самосского, а это как-никак VI век до нашей эры, его родину, которую через тысячелетия назовут «колыбелью мировой культуры», современники называли «несправедливой». И великий математик сказал: «С несправедливой родиной поступай как с мачехой: храни молчание». Часто, цитируя эту мысль гения, забывают, что по другому поводу он сказал: «Не позволяй себе, находясь вдали от родины, говорить о ней дурное, если даже это правда». Я вспоминаю в этой связи крик души Александра Сергеевича Пушкина: «Я презираю Отечество мое (при этом слово «Отечество» пишет с большой буквы) с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство».

После того как посол Армении Виген Читечян организовал нам экскурсию по Бельгии, особенно по местам, связанным с пребыванием здесь армян в разные века (прекрасно выполнил роль заправского гида советник миссии Евросоюза Паруйр Ованесян), экипаж по возвращении из Брюсселя в Антверпен посетил армянскую семью в поселке Гале. Я знал, что там проживает тетушка Роза и пятеро ее детей с внуками. Переехали из Еревана семь лет назад.

Тихий поселок расположился недалеко от Антверпена. Здесь обосновалось несколько армянских семей. Трудятся с утра до вечера, помогают друг другу. Тетушка Роза, Роза Саакян, седовласая женщина. В ее добрых глазах уживаются и радость, и тоска одновременно. Из семи детей пятеро живут здесь, в Бельгии. Из тринадцати внуков девять находятся здесь. Среди ее детей и внуков много творчески одаренных. Один из внуков (ему шестнадцать) — лауреат конкурса музыкантов, другой, можно сказать, — поэт-философ, полиглот. Прочитал нам на армянском (пишет в основном на фламандском) стихи, где по-гоголевски и по-салтыков-щедрински изобличает пороки нынешней Армении. И вся родня дружно хохотала.

Парень действительно многосторонне одарен. Именно поэтому мне хотелось объяснить ему, а не родителям, насколько это, мягко выражаясь, неверно, вот так, вдали от родины, имея лишь виртуальные контакты с ней, ехидничать и язвить. Я был безмерно рад тому, что тикин Роза и ее сын Алексан Хачатрян хорошо меня понимают.

* * *

Здесь же, в доме Алексана Хачатряна, мы поздравили друг друга с победой наших шахматистов на Всемирной шахматной олимпиаде. Об этом мы узнали накануне, находясь в море. На борту «Киликии» мы лишены возможности получать информацию в нужное время. Никакой теле- и радиосвязи. Интернетом можно пользоваться только на берегу. Но нас выручал Коля Тер-Карапетян. В день по несколько раз он информировал меня по сотовому телефону о ходе борьбы на шахматной олимпиаде в итальянском Турине. Знали бы наши шахматисты, как мы болели за них в штормовом Северном море! Когда чудо случилось, мы, благодаря Коле, вовремя отправили ребятам, подарившим нам истинный праздник, свое приветственное слово:

«...Вы даже не знаете, что вы сделали! Вы одержали победу, которая оказалась больше, чем победа. Ибо она была очень нужна нашему народу и именно сейчас. Вы вошли в историю, которая любит победителей. И сегодня, когда, пройдя через многие моря, «Киликия» возвращается домой, неся на своем борту флаг нашей Родины, когда впереди еще долгие месяцы и нескончаемые мили, мы решили всю армянскую команду — победительницу Всемирной шахматной олимпиады — избрать почетным членом экипажа «Киликия», выражая тем самым искреннее уважение к вам и безмерное восхищение вашим подвигом.

Экипаж «Киликии»
Северное море»

...Теперь мы надеемся, что почетные члены экипажа непременно посетят борт «Киликии» дома, на Севане или в Ереване. Об этом мы говорили с олимпийским чемпионом и обладателем кубка мира по шахматам Леоном Ароняном. Я обещал, что непременно выиграю у него в шашечные поддавки, напомнив, что я — да-да, это было! есть свидетели! — выигрывал у чемпионов мира Тиграна Петросяна, Михаила Талья и Гарри Каспарова.

Одним из первых экипаж поздравил и президента шахматной федерации Армении Сержа Саркисяна, без которого проект ««Киликия»: плавание по семи морям» еще долго оставался бы на бумаге. Зная незаурядные организаторские способности Сержа и его страсть к шахматам, с уверенностью могу сказать, что роль его в этой победе велика.

Шахматы — любимая игра армян. И я убежден: победа великолепной шестерки наших олимпийцев привлечет в классы и клубы тысячи и тысячи ребятишек, которые будут счастливы

уже тем, что смогут мечтать о шахматной короне. Это ведь так нужно нашему народу. Так что у федерации шахмат впереди ожидаются приятные хлопоты.

* * *

Финишная прямая маршрута наших предков, киликийских моряков — Антверпен — Амстердам. Перед нами стоял довольно серьезный вопрос, вернее, дилемма: или идти морем, как это делали наши предки восемьсот лет назад, то есть выйти по реке Западная Шельда в море и пройти вдоль западного берега Голландии, чтобы войти в бухту Эйсселмер, то есть в порт Амстердама. Так было бы просто и, честно говоря, без хлопот. Шли же по второму пути: из Западной Шельды, больше похожей на узкую продолговатую бухту с размытыми берегами, по каналу к Восточной Шельде. А это значит, надо одолеть шлюзы с мостами. По тихим, мирным, абсолютно штилевым каналам, многочисленным рекам надо добраться до Роттердама, который считается одним из крупнейших портов мира, хотя расположен он вовсе не на берегу моря или морской бухты, а в дельте реки Рейн. Кстати, слово «дельта» считается одним из самых древних морских и речных терминов. Это не устье реки, впадающей в море, а низменность там, где крупные реки впадают в мелководные участки моря. Она, как правило, образуется речными отложениями и вся прорезана рукавами и протоками. И слово это происходит от заглавной буквы греческого алфавита, похожей на треугольник. В древности устье реки Нил напоминало греческую букву «дельта», и древние картографы именно так называли место впадения рек.

От Роттердама до Амстердама «Киликия» шла, то и дело выключая свой «железный парус» — мотор «вольво». Ибо на этом участке пришлось преодолевать великое множество шлюзов и мостов. В общей сложности их было тридцать четыре. Честно говоря, трудновато бы пришлось экспедиции без бельгийских лоцманов Симона и Петера, которые добровольно взялись помочь нам, став, по сути, компасом для «Киликии».

Выбор такого маршрута был вовсе не случаен. Путь от Антверпена до Амстердама стал своеобразной тренировкой перед предстоящими испытаниями на внутренних российских водных артериях, где расстояния и другие показатели (число шлюзов, мостов, попутных и встречных судов) выражаются в поистине астрономических цифрах. Так что и экипаж, и «Киликия» выдержали свой первый экзамен.

* * *

Амстердам. Мы шли, как к мечте, к этому морскому порту долгие месяцы, упорно преодолевая тяжелые, долгие мили. Ведь шли маршрутами наших киликийских предков, для которых этот город был завершающим пунктом в их нескончаемых морских караванных дорогах. До этого долгое время последним портом был Антверпен, куда армяне перенесли свой центр торговли из знаменитого бельгийского Брюгге (Брюжа). А к концу XIII века облюбовали быстро и бурно развивающийся порт Амстердам, который вскоре обрел статус города. Армянские купцы имели свой бизнес и в Антверпене, и в Амстердаме. Так что уже с начала XIII века и до распада Киликийской Армении (1375 год) армянские суда не раз бросали якоря в бухте Амстердама. Взаимовыгодной торговле способствовало и то, что во время крестовых походов нидерландцы и киликийские армяне были союзниками. Следует вспомнить и о том, что, согласно многочисленным свидетельствам, именно в XIII веке нидерландские торговые суда отправлялись в Киликийскую Армению, где царскими указами им предоставлялся статус наибольшего благоприятствования.

Дальше Амстердама армянские моряки не шли. Для них этот порт был, как они сами говорили, «концом света», «краем Земли». И во время плавания мы устремляли наши взоры на этот порт, зная, что именно здесь экспедиция завершит свою, да простят меня за громкий слог, историческую миссию. Значение пребывания армянского судна в Амстердаме хорошо понимали в посольстве Армении в Бенилюксе (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) во главе с послом Вигеном Читечяном и почетным консулом Армении в Амстердаме Робом Зиком, а также в армянской общине, возглавляемой председателем церковного попечительского совета Тиграном Мгдесяном. Вместе с городскими властями они прекрасно организовали в самом центре порта встречу с экипажем «Киликии».

Городские власти по-своему выразили свое уважение визиту исторической реплики армянских средневековых судов. Они выделили место для стоянки парусника в самом центре знаменитых исторических ворот Сент-Антониспорт (ныне исторический музей XV–XVII вв.), где заранее был вывешен огромных размеров красно-сине-оранжевый государственный символ Армении.

Итак, в Амстердаме «Киликия» закончила выполнение своей миссии. Мы прошли дорогами предков, которые стали и нашими дорогами. Однако экспедиция продолжается. Впереди самый длительный этап плавания армянского парусника. И

пройдем мы его уже своим оригинальным маршрутом, который получил название «Возвращение».

* * *

Трудно расставаться с Амстердамом. Я не смог уделить внимание работе над книгой. Это все по вине Вигена Читечяна. Организовывал сплошные мероприятия и встречи. Правда, тут есть и моя вина. Зная о его энергии, я должен был заранее предупредить, чтобы не слишком густо заполнял каждый из трех дней пребывания в Амстердаме, где встреч у нас было больше, чем велосипедов на улицах. Кстати, там просто какой-то культ велосипеда.

В Голландии добрая половина армян (из шести-семи тысяч) — бывшие советские и постсоветские. Большая часть другой половины — из Турции, около двух тысяч — из Стамбула (Константинополя). Не случайно одним из лидеров общины стал Тигран Мгдесян. Он же, как отмечалось, председатель церковного попечительского совета. Спокойный, даже тихий. Атлетического сложения. Первым не начнет разговор. Спросишь — ответит. Будешь молчать — и он будет молчать. Свободно говорит по-армянски. Признается, что читает плохо. Учился в Тигранакерте в армянской школе, где все предметы (кроме армянского) преподавались на турецком.

Вот уже почти тридцать лет я путешествую по спюрку. Причем делаю это, что называется, капитально, завершая каждую поездку или книгой, или серией очерков в периодике. И теперь уже по акценту, говору, наречию, совсем как герой «Пигмалиона» Бернарда Шоу, определяю географию моего собеседника. Определяю не только по акценту, но и по характеру и нраву. Вот и сейчас вместе с Тиграном зашли в магазин за фруктами. С нами были Самвел Карапетян и Армен Назарян. Тигран тащил корзину, мы выбирали плоды и овощи. Тигран приподнял корзину и, улыбаясь, сказал:

— Увидела бы сейчас моя жена, как я в магазине тащу корзину и вообще торгуюсь. Глазам собственным не поверила бы.

— Значит, ты из Турции.

— Я же сказал, что я из Тигранакерта.

— Если бы и не сказал, я бы понял. Это от турок пошло по всей Османской империи, в том числе и по европейской ее части: муж едет впереди на осле, а жена плетется сзади, таща на голове груз.

— Такую картину можно увидеть в деревнях и сегодня. Но в городах — уже нет. А вот в магазин за продуктами всюду ходят только жены.

Тигран ударился в ностальгические воспоминания о жизни в Тигранакерте, где он приобрел традиционную для армян профессию ювелира. Но в Амстердаме, где, как говорится, ювелир на ювелире сидит, профессия эта позволяла Тиграну лишь сводить концы с концами. Тогда он основал фаэтонный бизнес, стал монополистом в столице Нидерландов. С тех пор возит по памятным местам города туристов на экзотических фаэтонах под мерное цоканье копыт. Кормит свою семью, помогает армянской церкви, построенной в Амстердаме еще в 1714 году.

* * *

Не могу хотя бы в двух словах не поведать о встрече с женщиной, представляющей веточку удивительного в своем роде генеалогического древа. Зовут ее Инга. Мать армянка, отец голландец. Оба родились в Гааге. А вот отец матери, то есть дедушка Инги, по имени Иогонес (Ованес), родился на острове Суматра в Индонезии. Долгие годы жил на соседнем острове Ява. Отец Ованеса родом из Джуги. Вся родня по материнской линии долгие десятилетия жила в Сингапуре. Одни предки их похоронены под знаменитыми хачкарами в Нахичеванской Джуге и Новой Джуге (Иран). Тела же других покоятся в Сингапуре во дворе армянской церкви святого Григора Просветителя, построенной в 1835 году. Могилы рода Ованесянов в Новой Джуге и Сингапуре, а также на Суматре и Яве сохранились по сей день. Разорены и сравнены с землей в Нахичевани. Инга замужем за иранским армянином Матевосом Ахвердяном, одним из активистов голландской армянской общины. Она — член комитета «24 апреля» в Гааге.

* * *

Порт Мэкоп. Крохотный городишко доков и судостроителей примерно в ста пятидесяти километрах от Амстердама. Капитан, капитан-наставник, Армен Назарян и я давно ждали этого дня — 9 июня 2006 года. Еще в Лондоне известный предприниматель Ваче Манукян и бывший премьер-министр Армении Армен Саркисян на борту «Киликии» предложили посетить строящееся в Амстердаме судно «Сиран». Это имя матери и дочери Ваче Манукяна из Киликии. Для нас такая поездка была просто подарком. Собственными глазами увидеть процесс строительства океанского лайнера! Длина 67 метров. Ширина — десять с половиной. Осадка — три с половиной. Шесть этажей. Водоизмещение 1032 тонны. В пятьдесят раз больше

«Киликии». Длина якорных цепей — 150 метров. Вес каждого — полторы тонны. Скорость судна 16 узлов (тридцать километров в час). С одной заправкой может от берегов Европы дойти до Америки и еще хватит на полдороги назад. Гидом нашим был сам капитан лайнера Джаспер Твайте. Общий стаж капитанской работы — двадцать лет. Наиболее впечатляющим во время экскурсии было путешествие по каютам, служебным и техническим помещениям. Это, по большому счету, семейный лайнер, а посему напоминает добротный отчий дом. Вся команда — 6 человек. Порт приписки Монако.

Мы осмотрели лайнер вдоль и поперек. И уяснили для себя, что главное в устройстве подобного рода судов то, благодаря чему добиваются стабилизации крена. Когда во время сильного волнения моря корпус огромного лайнера кренится в одну сторону, это мудреное приспособление автоматически на уровне киля (то справа, то слева) выравнивает положение. Нам, конечно, трудно поверить, что в шторм можно играть на палубе в настольный теннис. «Киликия» с таким устройством, которое правильнее назвать гидравлической, механической, электронной конструкцией, потеряла бы свой шарм, свою прелесть. Забегая вперед, скажу, что Ваче Манукян обещал мне приобрести парусную яхту для запланированного нами первого в истории Армении кругосветного плавания.

* * *

В Амстердаме не было у нас ни минуты свободного времени. Как-никак порт этот представляется нам венцом мечты, финишной лентой. Конечно, нет никаких данных о том, сколько торговых судов добиралось до Амстердама. Можно лишь прикинуть, что если в год из двадцати четырех портов Киликийского Армянского царства отправлялись в западные европейские страны, скажем, тысяча судов (известно, что в Киликии всегда одновременно находилось более тысячи единиц плавсредств), то, возможно, четверть из них выходила через Гибралтарский пролив. На юг, к западным берегам Африки, регулярно совершать походы не было необходимости, прямо в Атлантику никто не ходил. А если и пытались, то вряд ли достигали американского континента.

Так что киликийские суда шли после Гибралтара только на север — к портам Испании, Португалии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии. Многочисленные факты подтверждают, что киликийские армяне, чаще всего и больше всего купцы, не просто

посещали порты, но и, создавая бизнес, обустроивались, поселялись надолго, подчас на века. По той же логике вещей нетрудно предположить, что чем дальше от дома, тем меньше судов бросали якоря в чужеземных портах. История убеждает нас в правомерности подобного хода мыслей. Даже в предпоследнем порту, в Антверпене, наличие армянского следа в виде церквей, хачкаров, названий улиц, огромного количества рукописных свидетельств гораздо четче и заметней, чем в последнем — в Амстердаме.

...И вот сейчас, прощаясь с Амстердамом, который оказался «концом света» для киликийских моряков, думаю, в самый раз рассказать о после Вигене Читечяне.

Следуя своему правилу, просматриваю записи о нем, чтобы сделать штрихи к портрету. Я узнал, что Читечяна все его коллеги (не только посол России) называют не иначе, как Вигеном Ивановичем. Он сам о себе говорит, что стал дипломатом в силу стечения исторических и политических обстоятельств. Как известно, в историю входят не только первые, но и последние. Виген был последним вице-премьером армянского правительства, ибо должность эта упразднена Конституцией Армении. И именно с этой должности он перешел на дипломатическую службу. Он был первым чрезвычайным и полномочным послом Армении во Франции. Это при нем Франция стала сопредседателем Минской группы по Карабахскому урегулированию, а Президенту Армении Левону Тер-Петросяну присвоили звание почетного доктора Сорбонны. После Парижа Читечян был не только послом в Бенилюксе, но и главой миссии при Евросоюзе и НАТО. При нем Армения вошла в программу «Партнерство во имя мира» и в план сотрудничества с НАТО. При нем Бельгия и Нидерланды официально признали факт геноцида армян в Османской империи.

* * *

Не так-то просто выйти из Амстердама. Мост разводится строго по расписанию. Иначе железнодорожный и автомобильный пролеты с двух сторон создадут такие пробки, что на дорогах всего региона начнется чехарда и неразбериха. А так все системы подстраиваются под строгий ритм и режим движения — и никакой тебе чехарды, никакой паники. Мы спокойно ждали своего часа в два часа ночи в понедельник 12 июня. Конечно же, наши предки не смогли бы, как мы, быстро и без хлопот перебраться из Северного моря в Балтийское. Полуостров Ютландия — продолговатая, относительно узкая полоса суши, северная часть которой принадлежит Дании, южная —

Германии. У порта Киль начинается стокилометровый искусственный канал, значение которого трудно переоценить. Достаточно сказать, что до открытия канала (1895) все суда должны были плыть триста километров строго на север, чтобы, обогнув Ютландию, преодолеть еще триста километров к фарватеру. Надо учитывать и штормы, особенно частые в северных водах, омывающих полуостров. И вот вместо этих мытарств — всего-то пятьдесят миль гладкой ленты глубиной одиннадцать и шириной сто метров. Берега ухожены, обустроены, с двух сторон проходит ровная автомобильная трасса.

Переход в Балтийское море осуществили с голой мачтой, без парусов, на моторе. Честно говоря, не очень привычно находиться на «Киликии», которая не качается из стороны в сторону.

Я решил просмотреть последние записи в последнем блокноте. Начал с той, что сделал накануне: «11 июня, воскресенье, церковь, отец Татев». Татев увидел нас в церкви среди прихожан и, чтобы подвести проповедь к морской теме, начал разговор о том, как однажды, когда Христос спал крепким сном на судне, вдруг начался шторм. Возникла паника, не знали что делать... Наконец, разбудили Христа и загалдели: мы вот-вот утонем, а ты ничего не предпринимаешь. Иисус успокоил матросов. Заодно успокоил и море. Так отец Татев дал понять, что в любой ситуации надо только верить в Бога. Долго говорили мы с отцом Татевым о действенности веры...

И еще одна запись, которую я просто обязан расшифровать.

...Это было в Северном море. Выйдя из каналов Голландии, мы осторожно шли по участку, где встречаются частые отмели. Шли строго по фарватеру. При большом ветре такому судну, как «Киликия», с его архаичным штурвалом не так-то легко на парусах соблюдать «правила уличного движения». Казалось, все у нас идет нормально. Хорошо видны буи и справа, и слева. Мало того, мы обратили внимание, что справа стоит большое судно, которое одними своими габаритами внушает спокойствие. Ибо осадка этого гиганта намного глубже, чем у «Киликии». Значит — все в порядке. А потому главный рыбак судна Самвел Карапетян традиционно взялся за свою удочку. Однако, как говорится, не тут-то было. Такое с нами случилось впервые, поэтому мы не сразу догадались, что происходит. Самвел первым произнес страшное для нас слово «мель». Удивительное явление — не дожидаясь даже команды капитана, все стремглав бросились спускать паруса. И было это сделано с такой быстротой, что экипаж большого грузового громила, который при-

стально следил за нами, наверняка поразился сноровке моряков древнего, как мир, деревянного судна. И тут только мы поняли, что судно-то стоит на мели. Оказывается, они нас предупреждали о мели, а мы думали, что это, как всегда, приветствуют старушку «Киликию», о которой уже знают все моряки.

Тотчас же Самвел запустил мотор. И начались удивительные по своей профессиональности колдовские действия. Искусным маневрированием армянский парусник без парусов был выведен задним ходом, ибо Самвел Карапетян не только хорошо знал, что с мели нужно сниматься исключительно тем путем, которым ты шел, но и прекрасно умел это делать на практике. Под громкие приветственные возгласы экипажа уныло стоявшего на мели судна мы подняли паруса.

Было трогательно видеть, как моряки, сами попавшие в беду, искренне радуются тому, что их коллеги сумели вырваться. Правда, мы знали, что ничего страшного с незадачливым судном не случится. Его величество Прилив скоро снимет корабль с мели.

* * *

Балтийское море. Продолжение Атлантического океана, от которого отделяется (или с которым соединяется) Датскими проливами и, конечно, Кильским каналом. Первым дал «качественное» определение Балтике Самвел Бабамян. Причем сделал это по-своему, по-операторски. Сначала сказал, что у этого моря холодный цвет, который разливается пятнами и полосами, как тельняшка, а потом предложил мне самому посмотреть через его видеокамеру, поскольку невооруженным глазом этого всего не увидишь. И он оказался прав. Вроде бы не бинокль, не телескоп, многочисленные линзы у камеры не цветные. Но вот удивительное различие в цветах, в красках, в свете. Я вспомнил, как великий русский художник Илья Репин в книге «Далекое близкое» рассказывает о своих наблюдениях за тем, как Клод Моне писал на пленэре картину. Репин никак не мог понять, что же тот рисует. Внимательно вглядывался в горизонт, затем переводил взгляд на холст. Картина только-только была начата, и пока он видел лишь напоенный светом и воздухом фон будущего полотна. Великий портретист-реалист спросил у великого пейзажиста-импрессиониста: «Что там темнеется вдалеке?» Моне пожал плечами и ответил: «Пока не знаю. Вот когда завершу картину, тогда и видно будет на холсте». И Илья Ефимович, пристально следя за движением кисти

мастера изображения свето-воздушной среды, первым определил то, что не видно было на горизонте. Это был стог сена.

Так и у Самвела Бабасяна. Его знаменитые восходы и закаты больше воспринимаются чувством, то есть это, скорее, импрессионизм, нежели натурализм или даже реализм. Часто в момент съемок он не может скрыть своего восторга. В этом я не раз убеждался, когда Самвел просил, чтобы кто-то непременно взглянул в объектив телекамеры на пойманный им живой кадр живого моря.

И вот в момент, когда Бабась сделал свое открытие в Балтийском море, я спросил его:

— Уже третий год ты день и ночь снимаешь в море, казалось бы, одно и то же. Не устаешь от такого однообразия?

— О каком однообразии может идти речь, когда я только что показал вам необычную картину? — ответил он вопросом на вопрос.

— И все же по большому счету мы всегда видим море с его вечными волнами и гладью, видим крохотную палубу и одних и тех же людей.

— Хотите, открою тайну? Я уверен, камера моя является живым существом. Мало того, ее объектив воспринимает мир не объективно, а субъективно.

— Чувственно? Импрессионистски?

— Да, если хотите, — согласился Самвел.

— Камера-импрессионист. Это звучит.

— Так что мы с камерой видим в этом однообразии нескончаемое многообразие как в море, так и на палубе.

Могу с уверенностью сказать, что пройдут годы, а, может, и десятилетия, и будущие поколения увидят одиссею «Киликии» исключительно глазами Самвела Бабасяна.

* * *

Сколько раз — и в разгар шторма, и при самом нудном штиле, в ходе бесед и споров на палубе с ребятами и на берегу с соотечественниками — я ловил себя на мысли, что в беседах и спорах участвует и «Киликия». Вот, к примеру, запись: «Я говорил вначале очень тихо, потом громко, потом очень громко, не давая никому вставить слово. Речь шла о порядке и беспорядке, об анархии и о том, что нет ничего страшнее, когда человек привыкает к бардаку». И тут же подчеркнутая фраза: «Все это происходит на борту судна, следовательно, все определения и оценки должны быть специфическими. Надо поговорить с «Киликией» об этой специфике «нашего» порядка».

Конечно, на судне всё, в том числе и порядок, должно быть особым. Ибо речь идет не только о том, что постель должна быть прибрана, а личные вещи не разбросаны по палубе. За всем этим следит боцман. Речь о порядке в нас самих, о порядке в душах, сердцах, мыслях, о порядке в отношении к другим членам экипажа и к самому судну.

Многие кошмары в обществе, в доме, в коллективе, в семье — не от беспорядка и анархии, а от непродуманного порядка, от самоцельной строгости.

— Знаешь, «Киликия», человек внешне может показаться несобранным. Но вот проследишь за его поведением, за его профессиональной деятельностью, и увидишь, что у него есть принципы, есть чувство предупреждения беды через установление действенного порядка.

— Как это ты себе представляешь? — спросила «Киликия».

— Это хорошо себе представлял еще в четвертом веке до нашей эры китайский философ Лао-цзы, который вывел весьма простую и лаконичную формулу: «Наводить порядок надо тогда, когда еще нет смуты».

— По-твоему, формула китайского философа способна предотвратить смуту во время плавания?

— Дело в том, что для меня смута — не только бунт, восстание, время толпы, но и отсутствие чувства ответственности. Честно тебе скажу: экипаж, или, говоря словами капитана Карена Балаяна, костяк, у нас сложился. Сегодня это абсолютно другое физическое, философское, профессиональное, моральное состояние, нежели на старте. Воспитательных факторов было много: и наличие в команде людей старшего поколения, и первый шторм, который в одночасье дал понять, что море — это не только очень серьезно, но и очень опасно, и безоговорочный профессиональный авторитет многоопытного моряка Самвела Карапетяна, и ты, «Киликия», в которую поверили после первого же испытания.

— А, может, стоило быть еще строже с теми, кто нарушал порядок? Помнится, по отношению к некоторым вы, старики, применяли довольно крутые меры. И помогло. Я же все это чувствовала.

— Тут вот в чем дело, «Киликия». В твоё время, примерно восемьсот лет назад, убежден, многое было по-другому. На судах были хозяева и слуги. Не думаю, что хозяева легко переносили штормы и шли мористее в ночное время. Нашим предкам не было надобности плавать таким способом, как наш. Они в

основном шли днем, чаще при попутном ветре. У нас строгий маршрут, строгий график...

— Вот я и говорю о строгом порядке, о строгой дисциплине.

— Я тоже об этом говорю. Но при этом мы должны помнить, что насильственно насаждаемый слишком строгий порядок может обернуться беспорядком. Все эти кесари, тираны и прочие харизматические лидеры губили свои империи тем, что фанатично наводили в них «идеальный порядок», который был для них самоцелью. Я иногда перечитываю Сент-Экзюпери, с именем которого почему-то связывают только аллегорическую сказку «Маленький принц», хотя все его произведения не менее согреты мудростью и добротой, а незавершенная «Цитадель» — вообще чисто философская книга. И вот философ де Сент-Экзюпери писал, будто специально для нас с тобой, «Киликия», что только жизнь может сотворить порядок, но вот сам порядок не может сотворить жизнь. Это очень важно.

...Знала бы «Киликия», как в перерыве между этапами плавания, да и в процессе путешествия, я выискиваю у историков, философов, путешественников всякого рода схожие ситуации, провожу параллели с нашим временем, с нашей экспедицией. И раньше меня мучили тревожные мысли о том, что нынешние бешеные скорости прогресса, культ новейших технологий (таких, как, скажем, цифровые), все растущее отдаление от природы и дедовских традиций непременно приведут к катастрофе на планетарном уровне, в планетарных масштабах. Сама обстановка на паруснике, где нет никакого современного оборудования, подталкивает к размышлениям о прошлом...

— Куда правильнее думать о будущем, находясь на моей палубе, — сказала «Киликия», как всегда прочитав мои мысли.

— По большому счету, я так и делаю. Вот погляди-ка. В четвертом веке все тот же Лао-цзы (это его псевдоним, а настоящее имя — Ли Эр) считал, что прогресс и цивилизация зашли слишком далеко, и сам этот факт чреват опасными последствиями.

— И это в четвертом веке до нашей эры? — удивилась «Киликия».

— Да, двадцать четыре века назад, когда не было электричества, автомобиля, самолета, искусственных спутников, Интернета, телевидения, атомной бомбы, химических удобрений, словом, всего того, что ежеминутно разрушает экосистему планеты и самого человека. Но тогда уже были не просто зачатки, а выраженные элементы цивилизации: колесницы, плуг, одомашненные животные, виадуки, акведуки, продукты питания и даже

диетология, отопление жилищ каминами и так далее, и тому подобное. Думаю, специалисты могли бы привести огромный перечень «элементов цивилизации», которые по нашим меркам вряд ли представляли большую опасность во времена Лао-цзы. И, тем не менее, китайский философ разрабатывает целую теорию воздержанности, отказа от соблазнов, от борьбы во имя спасения будущего. Он считал преступным как отдельного человека, так и целое поколение, если они живут за счет своих внуков. Уже во времена Лао-цзы была развита культура, были разработаны моральные принципы. И философ считал, что если, не оглядываясь назад, шагать только вперед, то человечество погибнет: насколько оно продвинется вперед, настолько же оторвется от природы и нанесет ей смертельные удары. Лао требовал от правителей-мудрецов, «отвергнув роскошь и войну, возвратить свой народ к примитивной простоте, чистоте, неведению, существовавшим до возникновения культуры и морали»...

— Но ведь это другая крайность, — перебила меня «Киликия», — этак можно вернуться к сохе и довести дело до абсурда.

— Согласен, что крайность. Но на крайность всегда отвечают крайностью. Вот только один пример: духовный лидер Ирана аятолла Хомейни (в миру он носил имя Рухолла Мусави Хомейни)...

— А что значит аятолла?

— Высшее духовное звание у мусульман-шиитов, как, скажем, католикос, патриарх, папа римский. Так вот, аятолла Хомейни, возглавив исламскую революцию в Иране, вынужден был не просто из одной крайности удариться в другую, но и ответить крайностью на крайность. Долгое время воспевалась дружба между США и Ираном, а при президенте Джимми Картере и шахиншахе Мохаммеде Реза Пехлеви она достигла своего апогея. И в исламской стране с ее вековыми религиозными устоями вдруг на глазах одного поколения Западом, особенно США, стали навязываться такие «свободы», такая самоцельная раскрепощенность, особенно среди молодежи, которые грозили расшатать эти устои и религиозные традиции. В то время Хомейни находился в изгнании во Франции, где читал проповеди, которые записывались на магнитофонные кассеты и тайно отсылались на родину. Рассказывают, что когда духовному лидеру показали фотографии, на которых были запечатлены полураздетые иранские девушки с американскими офицерами на пляже или в ресторанах, он уже тогда решил, что пойдет на крайние меры, которые спустя годы вызовут в народе обратную реакцию. Де-

вочки с восьми лет уже должны одеваться так, чтобы открытыми оставались одни глаза. Не меньше ограничений было и у мужчин, которым запрещалось даже пригубить спиртное. Водка считалась такой же контрабандой, как и наркотики. Я убежден, крайности постепенно сглалятся. То, что было доведено до абсурда, отменится нормальным, можно сказать, законодательным путем. Но в любом случае история будет хранить имя и образ Хомейни, спасшего народ от аморальности, от обезличивания.

— Знаешь, я внутренне и соглашаюсь, и противлюсь. Чувствую, что крайности — это всегда плохо. И могу лишь советовать вам, людям, поискать и найти спасительную середину между этими крайностями, ту самую золотую середину.

— Видишь, как старик Лао пришел в наш век, чтобы разбудить нас. Есть армянская песня «Проснись, Лао, умерь мне за тебя!». А тут наоборот — китайский Лао, который бодрствовал двадцать четыре века, призывает нас проснуться, остановиться, оглянуться и задуматься. Я об этом помню постоянно. И во время нашей экспедиции сам себе кажусь старцем в возрасте Мафусаила и еще сильнее чувствую приближающуюся опасность от необузданности прогресса во имя прогресса.

— И все же, если во времена китайского философа Лао-цзы не было ни техники, ни бурного мореплавания, ни воздухоплавания...

— Не было, значит, и особых причин для беспокойства о «разрушении» человека.

— Когда настоящий философ выражает беспокойство по поводу завтрашнего дня человечества, он всегда бросает взгляд на тысячи и тысячи лет вперед...

— Но ведь за тысячи и тысячи лет многое меняется! Все предвидеть невозможно.

— Ничего не меняется за тысячи и тысячи лет. Ни скорость вращения Земли вокруг своей оси и вокруг солнца, ни параметры земного притяжения...

— А человек? — перебила меня «Киликия». — Разве можно сравнить интеллект человека, жившего до нашей эры и даже во времена Киликийского царства, с вашим современником?

— Конечно, нельзя. Тогда человек был куда мудрее, ибо он был куда ближе к природе, чем наш современник. Ты сама просила рассказать о Лао-цзы. Я стал изучать китайского философа после смерти деда Маркоса, который для меня был просто Аристотелем без образования. И часто сравнивал дедушку Маркоса с Лао, который за четыреста лет до рождества Христова высказывал

мысли, подтверждающие высокий интеллект и мудрость своего времени. В философии ученого отражалась его эпоха. И вот что интересно, «Киликия»: оказывается, и в те времена государство только и делало, что занималось законодательной деятельностью. И Лао-цзы часто выступал перед соотечественниками, публично доказывая, что чем больше принимается законов и указов, тем больше становится разбоев, грабежей и прочих преступлений. Вот представь себе, какие он тогда изучал явления: красота, добро.

— Но если философ изучал красоту и добро, значит, он изучал также уродство и зло.

— Лао считал, что изначально в мире существовали только красота и добро. Просто их никто не замечал, поскольку они были нормой в природе и жизни. Но как только люди узнали об их существовании, тут же появились уродство и зло. Знаешь, «Киликия», не надо спорить с философом с высоты нашего времени. Я всего лишь предлагаю проследить за ходом его мыслей. Главное то, что красота и добро — от Бога, а уродство и зло — от человека. И здесь есть над чем подумать. Вот мы сейчас на всех углах кричим, что надо помогать страждущим, надо быть добродетельными...

— Разве это плохо? Разве Лао не так думал?

— Нет, не так. Он говорил о конкретной помощи конкретному страждущему. За четыре века до рождения Христа он учил людей, что нельзя рекламировать добродетельность. Он говорил, что когда люди ссорятся, воюют, они должны помнить о времени, когда наступят мир и согласие. Это значит, что согласие и мир не должны быть поверхностными. Вот смотри, каким виделся ему тогда настоящий человек, или, как Лао говорил, мудрый муж: только знающий меру может быть доволен своим положением. Только мудрый муж избегает всякой крайности. Он говорил своим ученикам: будьте внимательны к своим мыслям, ибо они являются началом ваших поступков. Если бы ты знала, «Киликия», как мне на борту, особенно в опасные моменты, помогают мои философы, мой дед Маркос, мой кумир Монтень, мой друг Лао-цзы, который всегда успокаивает, говоря, что не надо бояться несчастья, ибо оно является опорой счастья. Такой вот парадокс. Но такова истина. Именно поэтому он предупреждает, что в самом счастье уже заключается несчастье. Даже в этом страшном парадоксе есть свой естественный порядок.

— Возвращаемся к теме порядка?

— А мы и не уходили от нее. Часто на твоём борту я чувствую себя в другом времени: то оказываюсь в Средневековье, то в

древних веках. И вижу, как меняется порядок вещей, как в старину люди беспокоились о завтрашнем дне, о судьбах будущих поколений и как беспечны мы сегодня. Я считаю архиопасным всякого рода спекуляции демократией и правами человека ради оправдания, скажем, однополых браков. Убежден и в том, что не менее опасным является нынешнее очередное «разрушение до основания» старого мира во имя сплошной компьютеризации всей планеты, во имя установления нового порядка на земле, во имя замены книг и классных досок Интернетом. Все это делается бездумно, без учета того, что в «счастье заключено несчастье», что непременно настанет час, когда миллиарды компьютеров, триллионы мобильных телефонов, не меньшее число предметов, изготовленных из нефтепродуктов, превратятся в опасный мусор. Уже сейчас люди не знают, как выращивают хлеб. Выживут лишь те, кто в ладах с природой, с землей. Выживут земледельцы, чья философия сводится к тому, что надо уметь обходиться малым, надо уметь преодолевать себя ради того, чтобы сохранить в доме и в стране разумный порядок. Я часто думаю, что судно, носящее твое имя, олицетворяет прошлое. Не случайно у экипажа есть еще одна общая судовая роль — впередсмотрящий. Думаю также о том, что таких судов, как ты, в мире должно быть много, и у всех должны быть свои впередсмотрящие. Из прошлого в будущее. Вот это уже будет порядок. Разумный порядок.

* * *

Момент прощания с Северным морем мы решили отметить. Предложение сделал кок. С некоторых пор долговязая фигура Самвела Саркисяна как-то выпрямилась. Даже в уродливых параметрах камбуза с низким потолком он старался не сутулиться. Накануне я спросил его:

— Скажи-ка, Сэм, что это с тобой произошло, что ты ходишь, словно лом проглотил? Да еще нос задираешь. Опять воспоминания о любимой?

— Конечно. Это же моя Рузанна подарила мне моего Давида...

— И ты поэтому будто лом проглотил?

— Нет, не поэтому. А потому, что Давид мой уже принял присягу. Представляете, не успел оглянуться, а он уже служит в армии. И не где-нибудь, а в Арцахе. Вот я и предлагаю прощание с Северным морем отметить не банальным ромом, а легендарной арцахской туговой водкой.

— Тогда давай посвятим прощание с морем, вернее, переход из одного моря в другое, принявшему присягу Давиду.

— Не только Давиду, но и всем, кто в тот день стоял с нами в одном строю. И еще: я предлагаю провести презентацию второго тома вашей книги о плавании прямо здесь, на борту.

...Кок — просто молодец. Я уже говорил, что организовать презентацию книги ««Киликия»: путь к океану» в Ереване мы не успели. Сигнальный экземпляр я оставил дома, а тираж вышел, когда мы уже были в море. И Михаил Багдасаров в качестве главы Армянских авиалиний (Армавиа) решил проблему нашего «цыганского» багажа — перебросил не только сотни экземпляров книги, не только два ящика карабахской водки и карабахского вина, доставленных в Ереван из Степанакерта, но и огромное количество больших календарей с уникальными фотографиями «Киликии». Тут я не могу не сделать рекламу Арегу Назаряну, автору и редактору «Календаря 2006 года». Кроме прекрасного снимка судна на обложке, что ни месяц — то просто живописное полотно. «Киликия», снятая с разных точек. Владелец календаря, уверен, в конце года поместит эти картины в рамку, и получится неповторимая панорама, от которой будет веять свежестью и красотой. Мы взяли с собой достаточное количество арегговских календарей и в Лондоне подарили один экземпляр баронессе Кокс. Керолайн попросила свой экземпляр подписать всех членов экипажа. И тотчас же (а это было в разгар торжественных проводов судна) на борту и на причале началась чуть ли не потасовка, и наши соотечественники обчистили все запасы Арега.

Идея презентации книги в открытом море пришла по душе всем. Карен Балаян решил придать этой церемонии официальный статус. Он объявил аврал и зачитал приказ о проведении презентации.

Бабась снял этот «творческий вечер». Презентация свежее испеченной книги о плавании и о море прямо в ходе плавания, прямо в море — это, конечно, уникальный праздник для автора. И здесь, думаю, есть необходимость сказать несколько слов о моих книгах. Хочу признаться, что путевые заметки — мой самый любимый литературный жанр. Можно утверждать, главный жанр. В нем — весь я. Десятки книг написаны мной именно в этом жанре, причем начаты и завершены в дороге. Но пусть никто не думает, что я, как ашуг, отправляясь в путь, что вижу, о том и пою. Вот несколько примеров. На Камчатке зимой 1972–1973 годов я организовал многомесячное путешествие на собаках по маршруту горстки красноармейцев, которые зимой 1922–1923 годов совершили переход на собаках от Петропавловска-Камчатского до берегов Ледовитого океана. Историки

назвали тот переход «Ледовым путем». Два года я изучал архивные документы, в которых содержались удивительные данные. В каждом населенном пункте по обоим побережьям далекого полуострова красноармейцы проводили своеобразные социологические исследования. Еще до старта экспедиции я как правский диссертант изучил всю историю огромного края, историю каждого поселка, обычаи, нравы аборигенов. Не говоря о том, что за долгие годы работы врачом на полуострове написал сотни очерков и рассказов о Камчатке и камчадалах. Надо сказать, что во время похода вездесущие краеведы обеспечивали нашу экспедицию свежими данными. Я регулярно посылал репортажи в «Камчатскую правду» и вместе с участником похода Никитой Михалковым — в «Комсомольскую правду». Так что к концу путешествия книга была готова. Оставалось вместе с редактором поработать над рукописью еще несколько месяцев, чтобы к моменту издания начать новое путешествие.

То же самое было в процессе работы над книгой «Очаг», которую я писал не только во время путешествия по Армении на протяжении почти полугода, но и дома — задолго до старта. В намеченный мной маршрут входило тысяча шестьдесят семь населенных пунктов. И я успел собрать обо всех тысяча шестидесяти семи городах и селах необходимые материалы. В первых двух книгах о плавании на «Киликии» я время от времени вспоминал свои прошлые путешествия, но сейчас разговор идет о так называемой технологии работы в жанре путевых заметок, страниц из дневника писателя, заметок путешественника. Бывали случаи, когда материал для будущей книги приходилось собирать в очень короткие сроки. В ноябре 1978 года «Литературная газета» командировала меня во фронтовую Бейрут. И надо было всего за пять дней подготовиться к поездке. Я поднял на ноги всех моих друзей в Москве и Ереване. Они выписывали материалы о проблемах Ближнего Востока вообще и Израиля — Палестины, в частности. На четвертый день у меня в корреспондентском пункте уже некуда было ставить пачки, мешки, толстые портфели, картонные ящики. Я понял, что если буду все эти материалы читать один, мне понадобится целый месяц. И друзья-добровольцы во главе с собственным корреспондентом «Учительской газеты» Генрихом Григоряном и собственным корреспондентом «Советской культуры» Иосифом Вердияном взялись за систематизацию материалов. Я делал выписки, подчеркивал строчки, целые абзацы, делал пометки на полях, то и дело ставил привычный еще со студенческих лет знак NB

(Nota Bene, что означает «обрати внимание»). Ну и, конечно, взял пишущую машинку с собой в Бейрут, где две недели, можно сказать, не спал. Зато вернулся домой с готовой рукописью будущей книги и серией статей для родной газеты.

Путешествуя по США, я посетил 148 городов, где имеются армянские церкви, школы, офисы, организации, партии, — словом, где живут или жили армяне. Повез туда целый чемодан «подсобных» материалов, а через пять месяцев вернулся с готовой книгой в пятьсот страниц.

Когда в холодном, не очень приветливом Северном море на борту «Киликии» проходила презентация второй книги «“Киликия”: путь к океану», я думал о молодых коллегах. Подумал о том, что сегодня расколот вовсе не народ и отнюдь не обществу, а политические лидеры и их печать. Раскол в печати опасен тем, что власти игнорируют любую критику, откуда бы она ни исходила — справа или слева. Это и впрямь опасно для будущего нашей журналистики. Ибо отсутствие действенности публикаций, вообще печати со временем притупляет даже самые острые и талантливые перья.

* * *

Бремерхафен — последний порт в Северном море, где мы бросили якорь. Когда вошли в бухту, сразу несколько матросов обратили внимание на армянский флаг, развевающийся на высоком флагштоке. Оказалось, он заранее был поднят по распоряжению градоначальника Артура Бенеккена у места стоянки «Киликии». Таким образом, некоторое время флаг нашей родины служил для нас маяком.

Со всех концов Германии прибыли в этот небольшой уютный город наши соотечественники. Митинг был организован посольством Армении в Германии, мэрией Бремерхафена и руководством порта.

Особый интерес вызвало выступление капитана порта Бремерхафена Андреаса Мая. Одетый в парадную морскую форму, он, не скрывая волнения, сказал: «С этой минуты можете быть уверены, что в моем лице приобрели верного друга армянского народа. С гордостью хочу признаться: когда мэрия приняла решение поднять здесь, в самом центре исторической части города, армянский флаг, я это сделал с величайшей радостью. Я счастлив встречать вас в нашем порту и видеть сегодня на борту этого замечательного судна посла Армении в Германии Карине Казинян, которая выразила добрые пожелания нашей стране и нашему народу».

После того как отец Керовбе освятил очередной участок маршрута «Киликии», на причале начался традиционный концерт армянского детского ансамбля песни и танца. Выяснилось, что не успели к встрече армяне из Гамбурга, небольшая группа детей давно готовилась к концерту, но, увы, их не смогли привезти в первый день. А нам к ночи надо было уже выйти в море. Посол Армении и отец Керовбе настоятельно просили нас остаться до утра и дождаться детей. Конечно же, мы дождались. Родители и шестеро празднично разодетых девочек привезли свой магнитофон с кассетой. На палубе, у самого флага, включили музыку, и тут выяснилось, что от дорожной ли тряски, по другой ли причине магнитофон забарахлил. Музыка была едва слышна. Но это ничуть не помешало девочкам блестяще исполнить номер под дружные хлопки зрителей. Танец продлился всего пять минут. Двести с лишним километров ехали к нам детишки ради того, чтобы станцевать для «Киликии» пять минут. Но это были самые трогательные минуты для нас и, думаю, самые сладкие для детей, которые после выступления с большим аппетитом уплетали терпкий армянский изюм.

* * *

В последние дни я часто связывался по телефону с чрезвычайным и полномочным послом Армении в Германии Карине Казинян. Еще за два месяца до старта «Киликии» из Лондона мы говорили с нею о провокации турецких властей, которые решили отметить восьмидесятипятилетие со дня казни палача армянского народа Талаата, и отметить не где-нибудь у себя в Турции, а в центре Берлина. Карине Казинян проводила активную работу с властями города, и эти планы были сорваны.

И вот посол Армении прибыла в Бремерхафен, чтобы встретить «Киликию». Соблюдая традицию, хочу рассказать об очередном армянском после в очередной стране.

— Что вы оканчивали, Карине? — спросил я.

— Ереванский государственный университет, романо-германский факультет...

— Интересное совпадение. Румыния — от слова «романо». Вы были послом в Румынии, а теперь вот — в Германии. Романо-германский факультет — и посол в Румынии и Германии.

Оказалось, дипломатом она была еще с советских времен. Муж ее, Георгий Казинян, выпускник Московского института международных отношений, был направлен в Мозамбик вовсе не случайно. В 1975 году Георгий работал над диссертацией о независимости

Мозамбика. Интересное совпадение: именно в том году эта африканская страна обрела независимость. Так что кадровики МИД СССР сказали ему: тебе и карты в руки. Референт, третий секретарь, второй секретарь. Супруги Казиняны пришлось по душе послу СССР в Мозамбике Валентину Вдовину. И когда посла перебросили в Лиссабон, он настоял на том, чтобы чета Казинянов тоже была переведена в Португалию. А тут еще выяснилось, что Карине изучала, кроме прочего, и португальский язык. И пошел карьерный рост: у Георгия — первый секретарь, советник, а Карине — ассистент. Все шло, как они и мечтали. Но в момент развала СССР Георгий обратился к послу России с заявлением о том, что Армения стала независимой и место обоих супругов-дипломатов — на Родине. Так что Георгий стоял у истоков становления армянской дипломатии в качестве заместителя министра иностранных дел Армении. А с 1994 года стал первым нашим послом в Бухаресте.

Через три года Георгий умер в своем рабочем кабинете. Президент Армении Левон Тер-Петросян назначил Карине Казинян поверенной в делах Армении. А в 1999 году президент Роберт Кочарян назначил ее чрезвычайным и полномочным послом Армении в Румынии. С 2003 года Карине работает в Германии.

— Чем же закончилась турецкая провокация в связи с восьмидесятипятилетием казни Талаата? — спросил я.

— Мы, собственно, были спокойны, ибо еще в прошлом году бундестаг принял резолюцию о геноциде армян в Османской империи. Так что в Германии никто не отважится на митинг, где устно или письменно — плакат, лозунг — будут отрицать факт геноцида.

* * *

В порту Бремерхафен есть морской музей. Сюда приходят не только туристы. Среди посетителей можно увидеть как самих бремерхафенцев, так и многочисленных гостей со всего мира. Дело в том, что кроме осмотра уникальных морских экспонатов здесь можно попытаться счастья, надеясь только на свои знания и опыт: сдать довольно серьезный экзамен. И если повезет (а это не лотерейная игра, чтобы повезло случайно), тебе официально выдадут сертификат, то есть самый настоящий диплом штурмана дальнего плавания.

Большой, но неглубокий водный бассейн. Это не для плавания. Здесь проводят экзамены. Объем бассейна примерно 75 квадратных метров. В нем плавают игрушечный танкер, сухогруз, пассажирский лайнер и рыболовецкий сейнер. Все они радиоуп-

правляемые. У тебя в руках крохотный штурвал с кнопками для управления одновременно всеми этими плавательными средствами, которые нужно провести от старта до финиша, обходя многочисленные буи, бакены, вехи, как горнолыжники обходят флажки. В течение примерно часа в этом нелегком испытании принимают участие более двадцати претендентов на звание штурмана дальнего плавания. Случается, что за неделю никто не удостоивается желанного сертификата. Слишком много одновременно плавающих судов, слишком много «дорожных знаков» и слишком сложный, я бы сказал замысловатый, маршрут. Нужно, чтобы все четыре судна без единой ошибки прошли весь маршрут. Это и понятно: ведь ошибка — это кораблекрушение, катастрофа.

В числе двадцати с лишним абитуриентов экзамен сдавали два матроса с армянского парусного судна «Киликия», которое в эти дни само стало уникальным музеем, — бремерхафенцы подолгу стояли в очереди, чтобы посетить его. Председатель экзаменационной комиссии громко представил Мушега Барсебяна и Ваагна Матевосяна, не без труда справившись с их именами.

В те дни по всей Германии кипели футбольные страсти в связи с мировым чемпионатом. Так вот, в морском музее эмоциональный накал был ничуть не ниже. Когда все суда и Мушега, и Ваагна без единого штрафного очка, не выходя из узкого фарватера, четко обошли все знаки то с правой стороны, то с левой (а это целая наука) и пришли к финишной ленте, обычно сдержанные немцы с шумом бросились к нашим небритым ребятам и без конца трясли им руки.

В торжественной обстановке многократным чемпионам Армении по парусному спорту, боцману «Киликии» Мушегу Барсебяну и уже опытному матросу Ваагну Матевосяну были вручены дипломы штурманов дальнего плавания. Севанские ребята, студенты-второкурсники Ереванского института физкультуры, даже не успели осознать, что произошло.

Вечером на борту «Киликии» экипаж отметил это поистине историческое событие пятьюдесятью граммами карабахской туговой водки (естественно, на человека). Обладатели дипломов вместе со своим сверстником Гайком Садояном обошлись лишь кока-колой. Устав «Киликии» не позволяет: им еще далеко до тридцати.

* * *

Участок маршрута от порта Бремерхафен до порта Засниц с многочисленными каналами чем-то напоминал отрезок от Антверпена до Амстердама. Стокилометровый канал, а по обе сторо-

ны на лесной опушке расположились белые домики на колесах. Всмотриваешься в очертания одного берега, переводишь взгляд на другой и ловишь себя на том, что думаешь о своих детях, о своих, к счастью многочисленных, внуках. Думаешь о них и завидуешь аккуратным немцам, которые весело носятся по берегу с детьми. В советское время каждый год люди возили детей на море. Тогда это практически было доступно всем. На худой конец, можно было отдыхать дикарем. Сейчас это уже почти неразрешимая проблема. Случается, с женой отправляюсь в зарубежную поездку, где кроме официальных встреч можно позволить себе и отдохнуть. Но с моей Нелей никогда нормально не отдохнешь. Через день-другой она уже вздыхает по детям и внукам, на четвертый-пятый — уже стонет. Такая вот досталась мне жена. Золотая, а точнее — карабахская. В книге очерков и эссе, изданной в Москве под названием «Расплата», я рассказал, как однажды в присутствии жены, занятой кормлением наших малышей, вслух прочел абзац из какого-то журнала, в котором говорилось о том, что через пять миллиардов лет погаснет солнце и придет конец всей Солнечной системе. И она совершенно спокойно спросила: «А это не опасно для наших детей?». Я ахнул от счастья: она, не вникая в суть каких-то там дурацких миллиардов, думала только о своих детях. С тех пор прошло тридцать с лишним лет, многое изменилось под солнцем, не изменилась лишь моя жена. И в этом мое самое большое счастье. Что же касается семейного отдыха на берегу моря, я думаю, что к тому времени, когда у наших внуков тоже будут внуки, многое изменится на этой земле, но ничего не случится с нашей Солнечной системой.

Такие вот странные (а, может, и не странные) мысли одолевали меня на борту «Киликии», которая медленно шла по Кильскому каналу, с каждой минутой все более осязаемо чувствуя дыхание Балтийского моря. Переход от глади канала к бугристой поверхности моря был уж больно резким, контрастным. Наверное, такое ощущение может быть у бегуна, если после участка дорожки стадиона с синтетическим покрытием он вдруг оказывается на свежевспаханном поле. Но в переходе из одного качественного состояния в другое, в этой тряске и качке, в этом качании и подпрыгивании было нечто родное. Правда, длилось такое состояние не очень долго...

* * *

Оказавшись в устье германской реки Везер, «Киликия» окончательно оставила за кормой коварное Северное море с его

бесконечными отмелями. Теперь до самого Санкт-Петербурга нам предстоит плыть только по Балтийскому морю. По родному моему сердцу морю, где я служил целых четыре года...

Мы решили взять курс на порт Засниц, который был на нашем маршруте на особом счету. Давно еще, прочитав в Интернете о путешествии «Киликии», бургомистр Засница Дитер Хольц откликнулся и прислал нашей экспедиции официальное приглашение. Однако мы не предполагали, что нас встретит сам бургомистр. Из переписки с капитаном он узнал, что на острове Рюген, где и находится Засниц, есть церковь святого Андреаса и там хранится бесценный исторический экспонат: серебряный кубок, изготовленный армянскими ювелирами в XVII веке. Бургомистр ничуть не удивился тому, что с места в карьер, не успев прийти в себя и немного отдохнуть, мы попросили, чтобы нас повезли в ту церковь. Дитер Хольц не только понял и оценил наше желание, но и сам вызвался сопровождать нас к «армянскому кубку».

Невозможно было спокойно созерцать этот никому (я уверен) не известный шедевр. Серебряная фигура с крыльями, заменяющая ножку кубка, держит на полусогнутых руках чашу. Все наружное пространство испещрено неповторяющимися, как на хачкарах, узорами. Конечно, обо всех подробностях этой находки мы расскажем в специальном фильме о «Киликии», а сейчас хотелось бы отметить, что легко прочитывается армянский текст, который хранит в себе интересную информацию. Наш въедливый оператор Самвел Бабамян добрый час скрупулезно, при разных освещениях, снимал детали этой филигранной работы по серебру. Так что, надеюсь, читатель наш увидит на экране и на снимке этот шедевр собственными глазами.

Бургомистр отвез нас в ратушу. Он сам сидел за рулем. По дороге я едва успевал заносить в блокнот философские раздумья человека, который родился и вырос в Германской Демократической Республике, а сейчас живет при капитализме.

Этот добродушный человек с загорелым лицом сам стал гидом для экипажа. Влюбленный в свой порт, он показывал и рассказывал о своем городе, как о собственном детище. Куда бы он нас ни водил, маршрут составлялся так, чтобы возвращаться на «Киликию». Это ему нужно было для того, чтобы еще и еще раз осмотреть судно, спуститься в трюм. По всему было видно, что он скуп на похвалу. Однако, отведав жареной картошки с котлетами «а-ля Рузанна», он без конца хвалил кока.

На всем острове Рюген, площадь которого составляет менее тысячи квадратных километров, живет лишь одна армянка Марина Овсепанц (именно так пишет она свою фамилию). Предки по материнской линии из Гориса, по отцовской — из Шуши и из арцахского Чанахчи, из рода меликов. Марина родилась и выросла в Баку, где познакомилась с курсантом Бакинского военно-морского училища — молодым, спортивным, светлолицым, без пяти минут офицером флота ГДР с несоветским именем Франк. Тогда, в начале восьмидесятых, бакинки обходили курсантов стороной. Всем было известно, чем заканчивались любовные игры с иностранцами даже из социалистического лагеря. Кажется, об этом табу не знала только молодая, спортивная, смуглолицая карабахская девушка меликских кровей. Началась традиционная тяжба, из которой, как говорила Настасья Филипповна у Достоевского, они «чистыми вышли». Романтическая борьба увенчалась свадьбой и рождением на немецком острове Рюген двух девочек с воспетыми в легендах армянскими именами — Лусине и Гаяне.

* * *

Все было необычно в гостеприимном Заснице, даже прощание. Здесь не принято приходить на причал, чтобы в момент отчаливания судна радостно шуметь и махать руками. За час-два до отхода любой экипаж должен оставаться один на один с судном. И это, наверное, правильно. Выход в море — слишком ответственное дело. Надо проверить, все ли в порядке на палубе и в трюме, в голове и в душе.

Перед отплытием мы получили подробности показателей погоды. Максимальная скорость ветра на ближайшие три дня не будет превышать семнадцати метров в секунду, дождь, гроза... Показатель скорости ветра, конечно, не для прогулок на катерах и яхтах. Еще пять единиц — и можно объявлять штормовое предупреждение, которое запрещает выход в море. Так что в таких случаях перед путешественниками всегда стоит дилемма: выйти в море или ждать?

Путешественники всегда выбирают первое. Иначе ничего не получится. Будешь сидеть и гадать на кофейной гуще в ожидании хорошей погоды, не забывая и о том, что очень хорошая, то есть тихая, безветренная погода, — это для нас плохо. Хуже некуда.

Выйдя за ворота бухты Засница, мы ничуть не огорчились, что открытое море встретило нас неприветливо: гроза, огромные волны и встречный ветер. Это значит — к двумстам пятидесяти милям, которые разделяют Засниц и польский Гданьск,

надо прибавить еще и несметное число морских единиц длины из-за вынужденных галсов, то бишь зигзагов и кривунов, без которых паруса не смогут надуть грудью воздухом.

Три ночи и три дня мы спешили к Гданьску. Чтобы дойти без большого опоздания, пришлось работать, не покладая рук. Это значит, еще искуснее управлять парусами, чтобы не уменьшить скорость, и искуснее управлять судном, чтобы не увеличивать реальное расстояние до цели. Капитан дал команду юнгам спать, но не тут-то было. Никогда прежде не случалось, чтобы ребята отказались выполнить приказ капитана. Но такое нарушение устава только поощряется.

На следующий день, к великому счастью, ветер сменил направление. Стал почти попутным. Тотчас же был объявлен аврал, и мы подняли рею, иначе говоря, большой парус.

Давно у нас не было такой скорости в открытом море. Около семи узлов. Однако неожиданно по курсу появился военный корабль. Тральщик с бортовым номером 673. Это боевая единица флота для обнаружения морских мин с помощью тралов. Есть у тральщиков еще одна задача — проводить корабли через минные заграждения. Тральщик на расстоянии одного кабельтова (185 метров) прошел мимо нас, вскоре резво развернулся и пошел за нами. Приблизившись вплотную, связался по ультракоротковолновой связи и передал стоящему на корме капитану-наставнику Самвелу Карапетяну, чтобы «Киликия» следовала за ним. Именно в это время раздались выстрелы и взрывы. Ясное дело, идут учения. Мы ничего об этом не знали. Но, к счастью, поляки знали о «Киликии». Именно поэтому приглашение следовать за тральщиком прозвучало приветливо, если не сказать — по-братски.

С такого рода задержками в пути ничего не поделаешь. Это жизнь. И я сообщил по телефону послу Армении в Польше Ашоту Галояну, что мы опаздываем, и попросил не очень переживать. Но выяснилось, что сообщение не успокоило, а прибавило послу переживаний, поскольку он уже все организовал для встречи. Нас ждали и мэр Гданьска (здесь он называется не иначе как президент), перенесший все свои дела, чтобы встречать «Киликию», о которой давно наслышан, и начальник порта, и директор морского музея. Но в наши планы властно вторгся непрекращающийся шторм с грозой. Хотя было у нас и счастлирое «окно». Буквально два часа света подарил нам Бог. Самое удивительное было то, что это солнце грело. Мы сразу сбросили с себя штормовки. Веселее стало на душе. Вскоре все размякли, ужасно хотелось спать. Однако счастлирое состоя-

ние длилось недолго. Сделав большой круг, чтобы обойти мораторий боевой тревоги и польского военно-морского флота, мы продолжили борьбу с волнами, с милями и со временем.

Думали, опоздаем часов на двенадцать-шестнадцать, а опоздали «всего» на пять часов. Одному Богу ведомо, чего стоило нам это наверстывание. Надо было слышать радостный голос Ашота Галояна, когда в кабинете мэра-президента он узнал, что мы уже входим в бухту Гданьска.

* * *

Итак, после трех долгих и бессонных дней и ночей, оставив за кормой очередные сотни миль и еще на сотни миль сократив расстояние до дома, «Киликия» вошла в бухту знаменитого польского Гданьска. Нам не нужен был лоцман, который, находясь на борту «Киликии» или на катере, идущем впереди, показывает путь к месту причала. Как и в немецком Бремерхафене, плутать не пришлось. Государственный флаг Армении был поднят на высоком флагштоке прямо у причала, где армянский парусник должен был пришвартоваться. Но это еще не все. Стоявшая на причале большая группа людей приветствовала медленно приближавшуюся к ним «Киликию», размахивая маленькими красно-сине-оранжевыми флажками.

Конечно, заранее никогда не знаем, кто будет встречать в том или ином порту. Если в стране есть наши соотечественники, кто-то непременно будет стоять на причале. В Гданьске нас ожидала вся крохотная община города вместе с послом Армении в Польше Ашотом Галояном, мэром-президентом Павлом Адамовичем, работниками порта, деятелями культуры. Не обошлось и без традиционного хлеба-соли. Были, как всегда, приветственные и ответные речи. Из выступлений посла и хозяев мы узнали, что нас ждет какой-то сюрприз.

Завесу тайны приподнял Ашот Галоян. От него мы узнали, что в часе езды от Гданьска находится маленький городок Пелплин, известный как духовный центр Польши. Этаким польский Эчмиадзин. Кроме величественных церквей, есть там историческая типография с историческим музеем. И мы с ходу отправились туда. Встретил нас улыбающийся человек с пышными усами. Зовут его Тадеуш Сероски. Он типографский и музейный работник, выдающийся организатор и мастер по созданию копий древних рукописей.

Все экспонаты музея открыты, будь то живописные полотна и скульптуры или предметы старины. Лишь два, по словам Таде-

уша, шедевра находятся под герметично закрытым колпаком с сигнализацией. Директор музея показал нам одну из двадцати сохранившихся Библий, изданных первопечатником Иоганном Гутенбергом. Она была издана в Майнце (родина Гутенберга) в середине XV века. Гутенберг напечатал так называемую 42-строчную Библию, которая стала первым полнообъемным печатным изданием Священного писания, признанным шедевром ранней печати. Конечно, матрос-оператор «Киликии» Самвел Бабасян снял для нашего фильма экспонат со всех сторон.

Надо было видеть, как торжественно шел впереди экипажа «Киликии» Тадеуш, ведя нас к самому главному экспонату музея — Евангелию Скевры (или Львовскому), написанному на армянском языке. Рассказ Тадеуша об этом бесценном экспонате мы записали для армянского телевидения. Переводил с польского сам Ашот Галоян. Привожу текст беседы с директором музея, которого я попросил хотя бы в общих чертах рассказать об истории Евангелия.

— Прежде всего — почему оно называется Львовским или Скеврским?

— Подобного рода шедевры обычно называются по месту их создания или обнаружения. Это Евангелие получило название по монастырю Скевра. Оно хранилось у армян во Львове, который с XIV века был городом польским. С конца XVIII века город отошел к Австрии, где его назвали Лембергом, потом, с 1918 года, снова стал польским. А с 1939 года он в составе Украины. Евангелие, которое вы видите, создано задолго до появления города Львова. Это было в 1198 году. У него интересная история. В нем указывается, что оно было создано мастерами киликийской школы переписчиков. Известно имя заказчика: Стефан Адам (Степанос Адамян). Заказчик сделал все, чтобы работа получилась уникальной. И надо сказать, своего он добился.

— А кто исполнил заказ? Тоже известно?

— Да. Это признанный и популярный в то время киликийский переписчик Григор, о котором написано: «В роду человеческого достиг высочайшего совершенства в искусстве использования специальных чернил, а также и в миниатюрном мастерстве, которое основывается на сочетании цвета и оттенков». Рукопись эта выполнялась на территории двух армянских монастырей. Чтобы обеспечить высокое качество работы, сам заказчик отправился на Кипр, где для него подбирали, так сказать, «нежные» шкуры для изготовления пергамента. Нетрудно представить, во что это ему обошлось. Ведь объем армянского

Евангелия составляет 426 почти квадратных листов размером 30 на 32 сантиметра. Это тексты четырех Евангелий, которым предшествуют объяснительные канонические таблицы.

— А почему оно называется также Львовским?

— В середине XIX века оно оказалось во Львове и было собственностью львовских армян. Достаточно сказать, что хранилось оно в ризнице кафедрального собора, который считался единственным памятником армянской архитектуры в Западной Европе. Судя по всему, Евангелие хранилось там до конца Второй мировой войны.

— Насколько я понимаю, в канун и после войны в его истории появились белые пятна?

— Именно, — ответил Тадеуш. — Тут дело вот в чем. Армянские священнослужители Львова, переехавшие на юг Польши, взяли с собой наиболее ценные книги, экспонаты, рукописи, которые хранились в Львовской армяно-католической епархии. После войны, предполагая, что советские власти попытаются вытребовать рукопись обратно, бесценный манускрипт окружили глубочайшей тайной. С тех пор долгое время Евангелие Скевры считалось пропавшим.

— Где и как обнаружили следы «пропавшей» книги?

— О, это длинная история. На эту тему написана целая монография, но я скажу в двух словах. Следы ее были обнаружены в Тынецком монастыре. Оттуда в восьмидесятых годах прошлого столетия краковским кардиналом Франтишекком Махарским армянский шедевр был передан в руки примата польской католической церкви Юзефа Глемпа. Тут, разумеется, нужно отметить, что Юзеф Глемпа является ординариусом армянско-католического обряда в Польше. Такая церковная должность у нас в Польше существует очень давно. А ординариус обладает функциями опекуна и пастыря всех польских армян.

— Мы сегодня с душевным трепетом созерцали раскрытый оригинал Евангелия Скевры и держали в руках удивительную копию. Удивительную по своему исполнению и идентичности с оригиналом. Сколько существует таких копий?

— Вы знаете, в этом отношении мы уже спокойны. Когда еще не было ни одной копии, вокруг оригинала было много разговоров, слухов, интриг. Некоторые, оставаясь инкогнито, хотели приобрести его, как говорится, за любые деньги. Но мы сделали все, чтобы никто даже не мечтал об этом.

— То есть, дорогой Тадеуш, вы спасли бесценный манускрипт от опасной приватизации. Ведь, вполне возможно, этот,

как вы говорите, инкогнито мог оказаться нашим недругом. Так ведь часто бывало в армянской истории, и мы не раз лишились многих шедевров...

— В 2005 году по распоряжению кардинала Юзефа Глемпа начались работы по созданию редчайшей по своей технологии копии Скевры. Это довольно дорогостоящий проект, который финансировался Министерством культуры Польши в рамках национальной программы «Культурное наследие» (глубоко убежден, нам тоже нужно иметь такую же, как в Польше, обстоятельную, узаконенную парламентом, я бы сказал, новую национальную программу «Культурное наследие». — *З.Б.*). Копия эта была преподнесена Папе Римскому Бенедикту XVI во время его визита в Польшу месяц назад.

А теперь этот скромный, улыбчивый человек, патриот своей родины, для которого неповторимая армянская рукопись, представляющая собой общечеловеческую ценность, является также национальной ценностью Польши, загорелся идеей: сделать еще одну копию всех страниц текста и миниатюр для Армении. И мы, экипаж «Киликии» (по инициативе Арама Салатяна), решили расходы по созданию обложки, которая сама представляет собой художественное произведение, взять на себя. О чем было подписано совместное соглашение с участием посла Армении в Польше Ашота Галояна.

P.S. Мы на борту «Киликии» очень сожалеем, что наша тревога о судьбах многих шедевров армянской истории и культуры так и не нашла отклика ни в Министерстве культуры Армении, ни в Академии наук, ни в ее соответствующих учреждениях. Проводя так называемые акции «Киликия», мы ни в коем случае не претендуем на роль специалистов. Всего лишь позволяем себе указывать место, которое мы посетили, и называть исторические памятники, о которых, надеемся, знают отечественные специалисты. Но в то же время мы, несомненно, имеем право выразить свое беспокойство по поводу судьбы такого мирового шедевра, как, скажем, прижизненный портрет Христа, который находится в армянской церкви в итальянской Генуе, или о судьбе самого древнего манускрипта — Библии царицы Млке (остров Святого Лазаря, Венеция), или целого музея уникальных живописных работ Гарзу в крохотном французском поселке Маноск, или серебряного кубка с филигранными ажурными узорами, находящегося в германском Заснице, о котором мало кому известно... Не знаю, к счастью или к сожалению, список этот можно продолжать долго. Пережившая тысячи бед и приключений армян-

ская рукописная Библия XII века, созданная при киликийском царе Левоне II и признанная специалистами самым ценным манускриптом, находящимся в Европе, оказалась вне поля зрения и наших специалистов, и, стало быть, нашего народа.

Неужели кому-то будет спокойнее, если мы обойдем стороной национальные ценности, являющиеся ценностями общечеловеческими?! Но в любом случае мы оставляем за собой право испытывать естественную тревогу за судьбу памятников культуры и истории нашего народа.

* * *

Об «армянской» Польше я много читал, готовясь к моменту, когда «Киликия» войдет в территориальные воды этой страны, о которой еще в XIX веке политики говорили: «Пока не решится польский вопрос, в Европе не будет мира». Сейчас, кажется, вопрос этот решен окончательно, и в Европе устоялся мир. Иначе никаких разговоров не может быть ни о Евросоюзе, ни о Европарламенте, ни, тем более, о евро, который просто положил доллар на лопатки. Хотя кто знает, что будет завтра, тем более послезавтра. Было время, когда меня интересовала не только история армянской общины в Польше, но и сама Польша. В 1980 году мы пристально следили за событиями в стране, от судьбы которой зависела судьба Европы. Тогда тридцатисемилетний рабочий из Гданьска Лех Валенса основал знаменитое профсоюзное объединение «Солидарность» и показал миру, что можно и нужно бороться за свободу и в условиях репрессивного режима. Помнится, мы гордились не только Валенсой, но и самой Польшей. Много читали о ней, о ее нескончаемой национально-освободительной борьбе. И пока «Киликия» бороздила волны Балтийского моря, посол Армении в Польше, Литве, Латвии и Эстонии Ашот Галоян по несколько раз в день звонил на борт и, справляясь о времени прибытия в Гданьск, рассказывал о населенных пунктах, исторически связанных с армянами, о музейных экспонатах, о хачкарах, о новостях Армении.

Ашот окончил исторический факультет Ереванского государственного университета с красным дипломом. Был комсомольским вожаком на факультете истории, помощником ректора. Продолжил учебу в США. Далее — ассистент кафедры истории родного университета, затем — депутат Национального Собрания Армении, член комиссии по международным отношениям. Работал в Страсбурге. Был советником министра иностранных дел РА по европейским вопросам. Работал в Ев-

ропейской комиссии по борьбе с коррупцией. Можно продолжить составленную мной «объективку», но спешу отметить самое для меня главное. Ашот — зять Альберта Азаряна. Отец трех сыновей. И, конечно, один из них носит имя легендарного чемпиона Олимпийских игр. Но, судя по всему, младший Альберт никогда не сделает крест на кольцах, как это делал его дед, «король колец». Маленький Альберт Галоян, который вместе с отцом сопровождал экипаж «Киликии» по городам и весям Польши, на небосклоне армянского спорта, скорее, сможет занять место не менее легендарного Серго Амбарцумяна. В свои десять лет он похож на состоявшегося тяжелоатлета.

Супруга Ашота Альбина Галоян-Азарян тоже активна и вместе с женами других послов готовит различные мероприятия.

* * *

Перед самым выходом из Гданьска на причале появился настоящий десант, который возглавлял чистокровный поляк по имени Збышек Шмурло. Он обратился к нам со словами: «Армяне, жители города Эльблонга считают, что если «Киликия» не может обойти длинную тонкую косу и подойти к Эльблонгу, то экипаж «Киликии» просто обязан посетить этот красивейший город планеты». Збышек Шмурло добавил к сказанному: «Я выпускаю журнал «Тигель», в котором печатаю материалы об Урарту, подборки стихов Кучака, Сагияна, Севака, Терьяна, Давтяна в переводе на польский язык». Но это еще не все. Выяснилось, что Збышек работает над диссертацией, в первой главе которой поместил 1100 фотографий. И это неудивительно, ибо диссертация называется «Современное искусство Армении на фоне культурных перемен XX столетия». И еще от него я узнал, что термин «геноцид» по-польски звучит очень точно — «людобуйство».

Конечно, мы все, кроме вахтенных, отправились в красивейший город планеты Эльблонг. По дороге люди захлеб рассказывали нам об уникальном хачкаре, который не так давно установлен в городе.

Мы благодарны жителям Эльблонга за то, что они отняли у нас несколько часов. Иначе нам не увидеть бы величественный хачкар, высеченный Робертом Оганесяном из красного туфа; не узнать бы, что одним из тех, кто воплотил в жизнь эту идею, был депутат Национального собрания Армении Агаси Аршакян, который, как нам сказали, «достал камень». Мы узнали, что настоятель церкви «Божество Милосердия» охотно дал свое согласие установить хачкар во дворе храма Божьего и теперь,

как нам говорили, не нарадуется, видя, как возле армянского хачкара играют дети. Не только армяне, но и поляки проводят здесь праздничные и церковные мероприятия. И, наконец, мы так могли и не узнать, что хачкар из Еревана перевезла на своей машине армянка по имени Алла, которая ехала со священным грузом через Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Словакию, через всю Польшу — с юга до самого севера.

* * *

По возвращении на судно выяснилось, что здесь нас терпеливо ожидают польские пограничники. Дело в том, что обычно после оформления выездных документов уже никто не может покинуть судно и, конечно, никто не может подняться на борт. А мы чуть ли не всей командой отправились на экскурсию. Мы ужасно переживали, а они встретили нас с улыбкой. Такие пограничники тоже встречаются.

Приветливые улыбки польских пограничников еще больше подняли наше настроение. Я спустился по крутому трапу к себе в «камеру», чувствуя, что «Киликия» хочет перекинуться со мной несколькими словами. Я даже соскучился по ее глаголу «чувствовать». И решил поговорить именно об этом.

— Скажи-ка, «Киликия», ты всегда даешь мне знать, что не видишь, не слышишь, не говоришь, не думаешь, а чувствуешь. Что для тебя — чувство?

— Не удивляйся тому, что у меня любое действие — это чувство. А действовать, — значит чувствовать. И ты, и вы все на борту должны твердо знать: всякий раз, когда ничего не чувствуете, вы теряете ощущение счастья, а, стало быть, — смысл жизни. Чувство очень похоже на море. Ибо можно заставить чувство молчать, как безветрие заставляет молчать море.

— Ты знаешь, «Киликия», честно говоря, чем дольше живу, тем больше пишу, но чем больше изучаю жизнь и время, в котором мы живем, тем тревожнее становится на душе. Ужасно страдаю от постоянных парадоксов. В каждом новом открытии в науке и технике вижу некую катастрофу для будущего, будь то обуздание атома или цифровые технологии. Ты не думай, что я повторяюсь. Я живу этим. Этой темой. Этим чувством беспокойства за завтрашний день, за будущее внуков. Весь прогресс сводится к тому, чтобы все дальше и дальше отходить от природы, при этом гробя ее. Об этом мы с тобой много говорили, но сейчас речь идет о чувстве. Такое создается впечатление, что человечество сегодня готово пожертвовать исторической памятью, пожертвовать

своим счастьем — и все это ради прогресса. Хотя по логике вещей смысл всякого прогресса заключается в достижении счастья. Воспевая эфемерное и мифическое будущее, мы, по сути, отравляем настоящее и, в первую очередь, все живое, уродуя при этом образ самого человека, который родился на земле, а не в лабораторных условиях. Неповторимый Бернард Шоу, проживший на земле почти век и написавший целую библиотеку книг, под конец жизни пришел к убийственному выводу. Он вывел формулу, достойную настоящего мудреца. По Шоу, разумным можно назвать того человека, кто приспосабливается к миру, к природе, а вот неразумный, наоборот, пытается приспособить мир, природу к себе. «Прогресс всегда зависит от неразумных». Неразумный человек с презрением относится к чувству. Я думаю: если мы ничего не предпримем, то человечество погибнет именно от бесчувствия. Всю свою долгую жизнь, от начала и до конца XVIII века, великий мыслитель, великий философ и не менее великий педагог, знаток секретов души Жан Жак Руссо искал ответ на главный для него вопрос: «Кто в конце концов правит человеком?» И ведь нашел: «Человека просвещает разум, а руководит им чувство».

— Вот и прекрасно, — перебила меня «Киликия», — значит, я права, что употребляю лишь одно универсальное слово — «чувствовать».

* * *

Долго длилось прощание с соотечественниками в Гданьске. Выстроившись в одну длинную шеренгу, они пели знаменитую «Зим Киликию» и дашнакские марши. Получив добро на выход в море, мы отдали швартовы... Бухта Гданьска узкая и длинная. Пока добирались до выхода или, как здесь говорят, до Старого маяка, рядом с которым находится пограничная застава, на берегу время от времени появлялись армяне с маленькими триколорами в руках. Так они догоняли «Киликию» на своих машинах. У Старого маяка мы причалили. Так положено. Нужно в последний раз поставить в паспортах штампы о выходе из страны. Длилась эта обязательная процедура недолго. Пограничники хорошо знали «Киликию» и экипаж.

До самого выхода в открытое море, согласно правилам, «Киликия» должна идти при спущенных парусах и исключительно на моторе. Получив паспорта, Самвел Карапетян взялся за ручку управления двигателем, находящуюся в правом углу кормы. И вдруг этот мощный атлет с добрыми глазами весь побагровел. Впервые за все три этапа плавания мотор не заводился.

После нескольких тщетных попыток завести шведский мотор «Вольво-Пента», не раз выручавший «Киликию» в проливах и каналах, в устьях рек и даже в самих реках (Гибр, Темза, Везер и другие), капитан-наставник и моторист Гайк Бадалян спустились в трюм. Через минуту Гайк громко произнес вслух слово «редуктор». Без этого устройства невозможно менять скорости оборотов винта, невозможно двигаться вперед и назад. Пока Гайк разбирал редуктор, я позвонил послу Армении в Польше Ашоту Галояну, который вместе с супругой Альбиной и сыном Альбертом уже находились в пути к Варшаве. Выяснилось, что отремонтировать редуктор на борту нельзя. Нужна мастерская. Если бы посол не повернул свою машину и не связался с активистами армянской общины, которые в нерабочий день разыскали нужных мастеров, мы надолго бы застряли у Старого маяка.

Редуктор оказался сильно поврежден, но польские мастера быстро отремонтировали его. Однако мотор все еще не заводился. Тогда решили осмотреть винт (трехлопастный пропеллер, который, отталкиваясь от воды, двигает лодку вперед). В эту холодную погоду (до середины июня вода в Балтике не видела ни одного солнечного дня) надо было, нырнув, на ощупь проверить винт. Сначала прыгнул в воду матрос Ваагн Матевосян, за ним последовал его друг — севанец боцман Мушег Барсегян. Минут десять они без конца ныряли под «Киликию». И, вынырнув в очередной раз, вместе произнесли слово «сетка». Дело в том, что винт весь был обмотан рыболовной сетью, да еще и с толстыми капроновыми веревками.

Долго пришлось возиться под водой Ваагну и Мушегу, пока большими ножами они не разрезали сеть на куски и не освободили винт. Сеть оставили на память. Отрезал себе кусок и Ашот Галоян.

* * *

Кажется, я уже все уши прожужжал членам экипажа «Киликии» рассказами о годах моей службы на Балтийском флоте.

И вот полвека спустя «Киликия» медленно приближается к дорогому моему сердцу, все еще закрытому порту Балтийск (бывшему немецкому Пиллау).

С восходом солнца, как и положено, подняли флаги Республики Армения и Карабах. Учитывая, что «Киликия» все еще находилась в нейтральных водах, третьего флага на борту не было. По нашим расчетам, где-то к семи часам мы должны были поднять флаг России.

Стоя на мерно качающейся палубе у правого борта, я внимательно всматривался в горизонт. Знал, что приближаемся к «моему» Балтийску. Вахтенный Армен Назарян, оглянувшись, первым заметил, что к нам приближается какое-то судно. Но не уделил ему особого внимания: сплошь и рядом снуют на море плавсредства. Неожиданно последовали подряд два зеленых ракетных выстрела. Все поднялись наверх. Послышались сигнальные хрипы ультракоротковолновой связи. Прозвучала команда: «Остановиться, спустить паруса и лечь в дрейф! К вам подойдет резиновая лодка». Капитан Карен Балаян тотчас же дал команду спустить два стакселя.

Военный сторожевой корабль с бортовым номером 067. Расстояние около одного кабельтова — примерно 180 метров. Вскоре с корабля спустили спасательную моторную лодку с пятью военными, которая направилась к нам. Трое из них поднялись на борт «Киликии», двое остались в лодке. Все было по уставу. Первым поднялся командир. Поверх формы на нем был надет спасательный жилет, а посему нельзя было определить знаки различия.

— Представьтесь, — сказал я, наверное, на правах бывшего матроса Балтийского флота и комиссара «Киликии».

— Капитан третьего ранга Голубев, — ответил он, не скрывая своего удивления оттого, что с ним говорят на русском. — Вы нарушили государственную границу России. Предъявите документы. Мы вас вызывали по радиации, вы не отзывались.

— Мы ничего не слышали, — сказал капитан и добавил: — По нашим данным, мы только-только вошли в ваши территориальные воды и должны были вот-вот поднять российский флаг.

Двое матросов молча стояли у левого борта. Карен пригласил командира сторожевика в кают-компанию, где тот внимательно рассмотрел судовую книжку — сертификат армянского судна с портом приписки «Ереван, Армения». Непрошенный гость на «Киликии», которая в свою очередь была непрошеным гостем в территориальных водах России, ничего не понимал. Человек с высшим образованием, несомненно, знает географию. Вот и подумал про себя: «Где Ереван, где море? И вдруг — порт приписки». Я положил на стол мою вторую книгу о плавании «“Киликия”: путь к океану». На форзаце изображена карта маршрута всех трех переходов с надписью «Плавание по семи морям». Маршрут «Киликии» просто ошарашил профессионального моряка.

— Я служил в Балтийске, — сказал я, — когда тебя еще не было на свете. А вот скажи-ка, товарищ капитан третьего ран-

га, помнят ли сегодня у вас, что когда-то был такой комендант Балтийска по прозвищу Полтора Ивана?

— Помнят, конечно, помнят, — обрадовался командир сторожевика и засиял. От его строгости и надменности и следа не осталось.

— Так вот, — продолжал я, — этот самый Полтора Ивана без конца со своими патрулями сажал меня на губу. Бывало, патрули говорили ему, что я трезвый, а он пресекал: «Взять его, все равно напьется».

Хохот капитана третьего ранга Голубева свидетельствовал об окончании инцидента.

— Все в порядке! — сказал он.

— Нет, не в порядке, товарищ капитан третьего ранга. Вам придется пройти на палубу и собственноручно поднять государственный флаг России, — ответил я.

В это время из трюма показался долговязый, как всегда иронично улыбающийся в свои пшеничные усы кок, держа в руках поднос с тутовой водкой из Карабаха.

Тост был один-единственный: «Под государственными флагами наших стран мы пьем за официальное начало нашего общего праздника «Год Армении в России»! И делаем это в самой западной точке Российского государства».

* * *

С циркулем в руках капитан изучил по карте точное местонахождение «Киликии» в море, затем достал из своего рундучка соответствующий государственный флаг, передал его боцману, который с одним из ребят привычно занялся выполнением строгого морского закона. Было свежо в памяти замечание российского патруля, что мы вовремя не подняли красно-бело-голубой флаг в территориальных водах России, и капитан сделал все, чтобы литовский символ подняли там, где это нужно.

Итак, Литва. Но прежде о том, как мы добирались до литовского портового города Клайпеда. Шли строго на север. Не скажешь, что западный ветер задул неожиданно. Он набирал ускорение плавно, без всяких рывков. Но скорость ветра нарастала с каждой минутой.

Казалось, мы уже привыкли ко всему, что связано с качкой. В такие минуты я часто стою спиной к тесно натянутым толстым плетеным канатам, с помощью которых поднимается на самую верхушку мачты двадцатидвухметровая рея, и крепко держусь за канаты полусогнутыми руками.

Давно выработал для себя некую рабочую позу, при которой удается, наловчившись, достать из кармана блокнот с привязанной к нему ручкой. Надо признаться, что чаще всего достаю блокнот, когда ребята, стоящие у рулевых весел, упираясь обеими ногами в борт, то и дело изо всех сил тянут за румпель, чтобы хоть на один градус повернуть тяжелую «лопату-лопасть» рулевого весла и тем самым выпрямить и выправить курс. Нашим юнгам в таких случаях приходится туго. Им не хватает собственного веса. Тяжелее всех приходится Гайку Садоюну, выступающему на палубе в наилегчайшем весе. И надо видеть, как этот худющий жилистый юноша старается. При этом все у него всегда получается хорошо.

...Ветер в тот день начал стихать лишь тогда, когда мы уже подошли к берегу. Приближаясь к Куршскому заливу, можно заметить, как разнится цвет моря и прибрежных вод песчаной косы. Именно здесь тридцать шесть лет тому назад я и двое моих камчатских друзей вышли в Балтийское море. Нам предстояло дойти до Ленинграда и через Неву, через Волго-Балтийский водный путь спуститься по Волге к каналу имени Москвы, чтобы по Москва-реке добраться до столицы. За три года до этого, в 1967 году, на наших самодельных лодках мы прошли Черное и Азовское моря и по Дону, Волго-Дону, Волге шли против течения до самого истока главной русской реки в европейской части России. Так что в далекой молодости мне приходилось в разное время идти и по течению, и против течения Волги. И помнится, все это время я и мои друзья мечтали о том, чтобы по западноевропейским рекам добраться до берегов Атлантики, хотя бы до берегов Северного моря, которое вместе с Норвежским морем является составной частью Атлантического океана, ибо с севера они не ограничиваются проливом.

Однако, нам тогда не позволили, хотя это нетрудно было осуществить. По крайней мере, пройдя к Куршскому заливу по белорусскому Неману, который на территории Литвы меняет название на Нямунас, мы могли бы свободно пройти по искусственному каналу в Вислу, из Вислы в Одру (или Одер), из Одры в Эльбу, из Эльбы в Рейн, или Везер, и войти в Северное море. Но никто не смог нам помочь. А ведь ходатайствовали за нас очень известные в СССР люди: Михаил Шолохов, Константин Симонов, Корней Чуковский, космонавт Павел Попович, легендарный полярник Иван Папанин и многие другие. Тщетно. Такие вопросы решаются только после того, как получено «добро» от компетентных органов и, конечно, политбю-

ро. (Подробнее об этом см. в книге «Голубые дороги», помещенной в четвертом томе Собрания сочинений).

Пока я при бортовой качке вспоминал свое далекое прошлое, «Киликия» успела к вечеру войти в Клайпедскую бухту. Спустили паруса и под мерный гул мотора подошли к отведенному нам причалу.

* * *

Интересно изучать психологию и менталитет жителей портовых городов. Сами порты очень похожи друг на друга и очень отличаются от «сухопутных» населенных пунктов. Сходство бросается в глаза уже при входе в бухту: это не только огромные портовые краны, выстроившиеся в ровный ряд, и разбросанные повсюду разнокалиберные суда, но и густой лес тонких высоких мачт яхт. За каждым судном стоит человек или группа людей. И вот на что я обратил внимание: хотя суда эти по своим параметрам и характеристикам сильно отличаются друг от друга, хозяева их, точнее, их характеры — схожи. Существует даже самостоятельная наука, которая так и называется, — характерология. В тематических словарях можно встретить известное выражение Аристотеля: «Характер — это то, в чем обнаруживается направление воли». Великий философ придает этому понятию нечто векторное, движущееся. Но Аристотель, изучая тему, не просто связывал понятие характера с понятиями души, природы, нрава, темперамента. Он предугадывал будущее своих учеников по их поведению, по их... характеру. В своем способном ученике Александре он увидел прежде всего юношу, у которого всегда отмечалась «направленность воли». Многие столетия спустя в официальном учении о характере человека появится понятие «интенция», которое будет вбирать в себя именно аристотелевское направление сознания на конкретную цель. Все это действительно интересно, ибо речь идет не просто о «направлении сознания», но и о стремлении, о намерении, о концентрации воли, о проявлении чувства при попытке решить задачу, достигнуть цели. Огромное значение тут имеет генетика, наука о наследственности и изменчивости организма. Вернемся к теме коренных жителей приморских городов. У них и впрямь иной характер, иное «направление воли». Гёте удивительным образом выразил суть этой темы. Он сказал, что если таланты образуются в покое, то характеры в основном — среди житейских бурь. И вот что удивительно: в характере многих наших соотечественников, обосновавшихся на берегу моря, заметно некое «морское начало». Еще раз вспом-

ним формулу-память, столь популярную у армян: «Армения от моря до моря». Чуть ли не в каждом порту мы встречали армян — моряков от Бога. Каждый раз я непременно заношу в свои записные книжки имена тех соотечественников, которые и по духу, и по натуре являются моряками. И я все хотел подобрать как-нибудь такую биографию, которая будет и характерной, и генетически морской. Давно решил про себя, что этого героя нужно искать в Клайпеде. Тут есть своя логика. Три члена нашего экипажа служили на Балтике, и им не раз доводилось бывать в Клайпеде. Сыграло роль и то, что я заранее ознакомился с биографиями послов, консулов, почетных консулов, священников, руководителей общин, известных общественных деятелей. Конечно, не оказалась исключением и армянская община Литвы. Руководитель общины — Гарник Казарян. Еще в советское время он окончил мореходное училище в Пярну. Мне было известно и то, что с морем связаны имена многих армян, живущих в Литве.

* * *

Казалось, мы давно свернули с традиционного маршрута киликийских моряков. Возможно, в те времена некоторым купцам удавалось добираться до берегов Прибалтики через многочисленные каналы. Но думаю, что это, скорее, были исключительные случаи. И, тем не менее, у армян Киликийского государства существовали довольно крепкие связи со странами Балтии, куда они добирались большей частью по суше. К примеру, в Литве в XII—XIV веках обосновались армянские купцы и мастера. Чаще всего это были ювелиры, кожевенных дел мастера, строители и даже профессиональные переводчики. Однако «Киликия» посетила Литву не только из уважения к памяти наших предков, которые, кстати, поддерживали торговые отношения и с Латвией, и с Эстонией с XIV века.

Выбор пал на Клайпеду, кроме всего прочего, еще и потому, что Армен Назарян, Самвел Саркисян и автор этих строк в разное время служили на Балтике, и наши корабли не раз посещали этот знаменитый порт. Что ни говори, а есть ностальгия.

По прибытии в Клайпеду вспомнили первый постсоветский порт на нашем пути — Сочи. Мужчина и женщина в пограничной форме строго предупредили, чтобы никто не поднимался на причал. Правда, когда они познакомились с картой маршрута «Киликии», то от их черствости не осталось и следа. Появились улыбки и извинения за то, что строгий закон не позволяет выйти экипажу на берег, где стояла большая группа наших соотечественников.

Здесь, в Клайпедде, я увидел в толпе встречающих мальчика лет двенадцати. Спросил его: «Как тебя зовут?» Назвал сначала фамилию, потом имя и фамилию вместе: «Саакян. Эдгар Саакян». Я решил-таки подняться на причал. Пограничник, наверное, из уважения к моей седой бороде, улыбнулся. Я обнял мальчика. Стоявший рядом отец сказал за сына: «Лауреат международных конкурсов пианистов и кларнетистов». Об этом я сообщил экипажу. Раздались громкие возгласы и аплодисменты. Хорошее начало встречи с армянской общиной.

Впервые за все время плавания обстоятельства сложились так, что экипаж в буквальном смысле попал с корабля на бал. В тот же вечер, сразу после прибытия и оформления документов, нас повезли в гости к Юрию и Асмик Петросьянам, которые собрали в просторном зале чуть ли не всю общину, чтобы отпраздновать сороковой день рождения их дочери Элин.

Команду «Киликии» принял мэр Клайпеды Римантас Тарашкявичюс.

Местные газеты широко освещали наше пребывание в литовском порту. Руководитель отделения международной классификационной организации по регистрации судов «Ллойдс реджистр» Константин Мотанов выдал армянскому парусному судну «Киликия» сертификат, дающий официальное право на плавание во всех морях и океанах мира.

* * *

Армянская община Литвы просто удивительна. Сплошь профессиональные моряки. Я думал, что на свете есть только один капитан-наставник, да и тот у нас на «Киликии» — Самвел Карапетян. Ничего подобного. Есть еще один армянин — капитан-наставник Борис Мовсесян, хотя и с приставкой «экс», но такие профессионалы, подобно олимпийским чемпионам, до конца жизни зовутся полными званиями. Борис плавал на Черном море. Потом его перебросили на Балтику. Служил даже на Дунайской флотилии. Воинское звание — капитан первого ранга. В Клайпедде живет армянин-пограничник, капитан второго ранга Хачик Ганоян. Есть даже судостроители. Словом, есть все судовые и несудовые роли. Список у меня получился длинный. Все нынешние и вчерашние армянские моряки составляют одну дружную, сплоченную команду, которая занимается проблемами трехтысячной армянской общины. Здесь есть воскресная школа, есть взаимопомощь, есть совместный бизнес, есть помощь матери-Родине. Есть даже общинный врач — Альберт

Альбертян, он же — депутат Клайпедской ратуши. И во главе этого большого экипажа стоит бывший профессиональный моряк Гарник Казарян. О нем стоит рассказать подробнее.

Родился в 1960 году. После окончания школы в Ереване всю свою энергию направил не на то, чтобы поступить в институт, а на переговоры с военкоматом. Цель была одна: служить на флоте. Посещал занятия в республиканском ДОСААФе (нынче эту когда-то всем известную аббревиатуру следует, пожалуй, уже расшифровать: Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), где осваивал азы морской службы, в том числе и радиолокацию. Однако юношу, мечтавшего попасть на флот, послали в Забайкалье, в город Читу, не подозревая, что все годы службы он будет продолжать грезить морем. После демобилизации, прочитав в газете объявление о приеме в Пярнуское мореходное училище, Гарник отправился в Литву.

В те годы было не так просто выходить в море, тем более, — посещать заморские страны. Выпускник мореходного училища стал невыездным. Видите ли, племянница замужем за бейрутским армянином. Этого оказалось достаточно, чтобы оказаться под подозрением. Но вдобавок его угораздило переписываться с одноклассниками, которые со своими родителями выезжали за рубеж. Словом, Гарник был на учете в КГБ.

Представьте себе состояние души моряка-мечтателя, который с отличием окончил мореходку, получил назначение в Клайпеду, но со страшной припиской в документах: «без права выезда за границу и работы в порту». После долгих мытарств и визитов в чиновничьи кабинеты, Гарник добился-таки того, что ему позволили работать хотя бы на буксире. Зимой большей частью стояли. Ему приходилось зарабатывать деньги ремонтом квартир. Боролся за право стать выездным. И добился своего. Правда, помогли ему... перестройка, гласность, демократизация. Плавал на сухогрузах до енисейских речных портов, до Кубы, Египта, стран Скандинавии и Средиземноморья. Штурманом прошел по всем океанам. Но все равно мечтал о другой судовой роли — капитана дальнего плавания. Прибыв в родной порт, решил, не расставаясь с морем, начать собственное дело. Бывший моряк говорит: «Теперь у меня одна из крупных компаний по продаже индивидуальной одежды для портовых рабочих... У меня счастливая семья. Я помогаю в Ереване родным и близким. С общиной нашей все в порядке, дети наши ходят в армянскую воскресную школу. Но меня всегда тянет в море. Одно утешает: если бы я продолжал плавать, да еще на

сухогрузе, думаю, не было бы у меня такой замечательной семьи. Мне ведь очень по душе и роль родителя».

* * *

Когда «Киликия» отошла от причала Клайпеды, я долго смотрел на провожавших нас соотечественников. В центре шеренги стоял Гарник. Наверное, все-таки он завидовал экипажу, который через каких-нибудь четверть часа поднимет паруса и возьмет курс на Стокгольм. Одной рукой он беспрерывно махал, другой держал за руку сынишку.

В словосочетании «судовая роль» есть нечто языческое. Наверное, это потому, что моряков по специальностям распределял еще языческий бог Нептун, или Посейдон. Но если у артистов роль «играют», то у моряков ее «выполняют». Это оттого, что и роли у артистов и моряков разные. Хотя, если призадуматься, между ними можно найти много общего. И в том и в другом случае речь идет о самоотверженности, о которой Лев Николаевич Толстой говорил: «Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть». Мне подумалось, что именно здесь «родительская роль» соответствует толстовской философии. Вот и захотелось поговорить о родителях, о родительской роли с «Киликией». Давно мы с ней не беседовали, хотя тем у нас накопилось немало.

— Я надеюсь, ты догадываешься, о чем мы будем говорить? — спросил я «Киликию».

— Конечно. Ты хочешь, чтобы мы определили, кто способен пожертвовать собой ради другого.

— И кто же, по-твоему, на это способен?

— Родитель.

— Как всегда, ты поражаешь меня. Кстати, знаешь ли ты, что на борту одного из древних судов было написано: «Богам — почет, родителям — честь»?

— Это хорошо. И хорошо то, что Бог и родители стоят рядом.

— Убежден, вовсе не случайно тема родителей, тема семьи, детей встречается у нас с тобой так часто. Здесь, на твоём борту, говорить об этом просто необходимо. Нередко после пережитого шторма и сильных потрясений я стараюсь, особенно с юнгами, завести разговор о родителях, в первую очередь, — о матерях. Это очень важно — в тяжелые минуты вспоминать не только детей, но и родителей, живых или умерших...

— Я согласна, что это очень серьезная тема, — перебила меня «Киликия».

— Ты не согласишься, но тема эта привлекала даже Сократа — этого философа философов.

— И что говорил о родителях Сократ?

— Вот слова, которые Сократ сказал двадцать пять веков назад, обращаясь к современнику, относящемуся к своим родителям без почтения: «Берегись также того, чтобы люди, заметив твое непочтение к родителям, не стали сообща презирать тебя, и чтобы тебе не остаться вовсе без друзей, потому что как только они заметят твою неблагодарность к родителям, никто не может быть уверен, что, сделав тебе доброе дело, получит благодарность».

Аристотель, который капитально занимался вопросами государственного управления, еще задолго до Макиавелли пришел к выводу, что правительству нужно формировать, кроме всего прочего, учитывая то, как будущий правитель и начальник относится к своим родителям. Я думаю, по этому же принципу следует подбирать морские и даже космические экипажи. Я всегда старался следовать этому принципу в организованных мной многочисленных экспедициях, путешествиях и походах...

— Да, этот принцип ты применял и по отношению к членам нашего экипажа.

— Понимаешь, «Киликия», по моему убеждению, отношения в семье, любовь и уважение друг к другу, святое и глубокое преклонение перед памятью предков — все это суть понятия стратегические. Благодаря именно этому качеству удалось сохранить армянство даже в таких условиях, когда само государство армянское казалось навсегда потерянным. Такая стратегия действует сегодня и на твоём борту.

* * *

Помню, в 1954 году, как тогда пели, широким клешем подметая улицы Клайпеды, я обратил внимание, что на стене одного из домов уже выцветшими красками было выведено крупно «700», а внизу чуть помельче — «1252–1952». Тогда же я узнал, что два года назад жители Клайпеды широко и пышно отметили семисотлетний юбилей родного города.

И вот теперь, стоя на корме «Киликии», я всматриваюсь в очертания Клайпеды, в силуэты кранов, мачт, вышек и не без гордости думаю о том, что я неплохо знаком с биографией давно полюбившегося мне города, расположенного в устье реки Данге. 754 года назад здесь была воздвигнута крепость Мемельбург. Киликийские купцы отмечали, что в этих местах практически не прекращаются войны, что город этот отнюдь не похож

на обычный город. Здесь живут только солдаты. Те же, кто не держит в руках оружие, занимаются рыболовством и собирают на берегу после каждого шторма янтарь.

Чем дальше отходила «Киликия» от Клайпеды, чем гуще заволакивала ее дымка, тем четче я вспоминал мои записи, сделанные в разное время. Вот одна из них: «В XVIII веке этот порт называли городом ста мельниц. Хлеб пекли для горожан, которые часто страдали от междоусобиц. Здесь жили немцы, евреи, англичане, литовцы, армяне, голландцы, австрийцы. И все они исповедовали разные религии. Этим город был похож на Иерусалим». Приведу цитаты из монографии «Клайпеда»: «В конце улицы Тургаус вознеслась в небо башня лютеранской кирхи. На улице Тилту друг против друга стояли церкви реформаторов и литовских лютеран. Неподалеку от них Старый город украшала еврейская синагога. В северной части Клайпеды находились еще и молитвенные дома баптистов, католиков, англикан». Со временем многоконфессиональная общность сформировала спасительную идею мирного сосуществования в пределах одного города. Но пришедший к власти Гитлер имел свое, особое, отношение к подобного рода вопросам. Кроме всего прочего, он должен был отомстить за поражение рыцарей Тевтонского ордена в 1410 году. И не случайно в предсмертных судорогах, уже весной 1945 года, он с особой жестокостью разрушал города, которые в той или иной степени оказались повинны в исторических неудачах Германии. Фашисты варварски уничтожали не только архитектурные памятники, но и все живое. Вот фраза, которую я выписал из подаренной мэром Клайпеды книги: «Когда в январе 1945 года Красная Армия вступила в Клайпеду, в ней оставалось всего лишь два жителя».

При разных режимах разные праздники отмечались в Клайпедe. Но неизменным во все времена оставался праздник моря. Нам не повезло. Мы посетили Клайпеду на месяц раньше праздника моря. Но когда она окончательно скрылась за горизонтом, я подумал, что это один из тех немногих городов, который всегда остается с тобой.

* * *

В мире постоянно совершенствуются многочисленные спасательные средства. На таком фоне «Киликия» — это, конечно, нонсенс. Ведь она пришла к нам из времен викингов, из времен Левона II, из времен Марко Поло.

Кстати, о Марко Поло. После четверти века странствий по суше, полных приключений, он возвращался домой по морю,

ориентируясь на север по Полярной звезде. Из пятнадцати судов, взявших курс с острова Занзибар на Персию, дошел только один корабль, которым командовал Марко Поло, заменивший умершего капитана. Четырнадцать судов, как пишут исследователи великого путешественника, «растерялись в штормовых морях».

Готовясь к путешествиям, в том числе и на «Киликии», я перечитал множество книг о великих мореплавателях, о великих открытиях, о великих кораблекрушениях. Словом, все сплошь великие. А вот, скажем, о рядовых кораблекрушениях, если даже их было четырнадцать, не пишут. Отмечают лишь одной фразой, да и то в связи с Марко Поло. Прочитал фразу и, перелистав страницу, забыл о ней. А ведь звучит страшно... Четырнадцать средневековых судов «растерялись в штормовых морях». Это начало XIII века. Васко да Гама еще не открыл путь из Европы в Индию. Суэцкий канал еще не прорыт. Остров Занзибар находится на восточном побережье Африки. Прямо посередине. Там Марко Поло оказался случайно: он заблудился. Точнее, их занесло туда из Индии экваториальным течением. Вот и надо было идти только на север, где находится его родная Италия. Благо, есть на небе Полярная звезда. Значит, пятнадцать судов, на одном из которых находился Марко Поло, шли по Индийскому океану. На таких судах экипажи составляли от ста до трехсот человек. Выходит, «растерялись в штормовых морях» минимум две тысячи человек. И вот что примечательно: не было бы и этой брошенной вскользь фразы, если бы не спасся один человек — Марко Поло.

Справедливости ради надо отметить, что книгу свою писал не сам Поло. С ним ведь случилась страшная трагедия. Вернулся домой в самый разгар войны между Генуей и Венецией. Генуэзцы выиграли войну. Семь тысяч венецианских моряков попали в плен. Среди них оказался Марко Поло.

Я не все вспоминаю здесь этот хрестоматийный факт. Дело в том, что к моменту пленения Марко Поло не успел привести в порядок свои записи, которые он делал на протяжении двадцати четырех лет. Кстати, в самом начале он рассказывает о своем пребывании в Армении. Я употребил глагол «рассказывает» не случайно: сочинения великого итальянца дошли до нас в пересказе. Находясь в плену, он рассказывал о своих путешествиях соотечественнику из Пизы Рустичиано.

Рукопись о странствиях Марко Поло расплзлась по всему белу свету. Текст переписывало множество людей, подчас украшая его собственными домыслами. Венеция, познакомившись с записками, ахнула. Никто не хотел верить, что в

Китае производят какие-то доски, на которых печатаются книги, что деньги могут быть бумажными, что земля круглая. Еще впереди долгие века до той поры, когда инквизиция сожжет на костре одного гения, замучает другого, требуя раскаяния. Пока обозвали своего соотечественника «сеньором Миллионе», то бишь Лжецом. Но народ в конце концов поверил.

Марко Поло уже не было в живых, когда ученые-историки и ученые-географы поняли, что проморгали гения. По его рассказам теперь составлялись профессиональные карты, которые, к удивлению всех, полностью соответствовали истине.

Говорят, он очень страдал от сознания того, что в основу его книги не были положены его собственные записи, которые, подобно тем четырнадцати экипажам, «растерялись в штормовых морях».

Признаюсь, что под впечатлением драматической истории, связанной с судьбой книги Марко Поло, я вот уже почти полвека свои записи, сделанные в дороге (будь то на собачьих упряжках, или на палубе судна, или в салоне автомобиля), прямо с маршрута отправляю в редакции и издательства. Слишком дорогой ценой дается каждая страница, чтобы позволить себе растерять их в штормовых морях или пуржистой тундре...

* * *

«Шесть часов утра 30 июня. До Стокгольма сто пять миль». Первая запись, сделанная на первой странице нового блокнота. Через какое-то время позвонил Сос Саркисян. Обычно мы всем экипажем приветствуем его криком: «Сос! Сос! Сос! Спасите наши души!» Но сейчас еще крепко спали ночные вахтенные, и я пригласил тех, кто уже находился на палубе, к носовой части судна. Там мы исполнили наше хоровое приветствие человеку, который, и впрямь, каждым своим звонком спасает наши души.

Чаще всего Сос звонил нам во время своих встреч с друзьями. Понятное дело: застолье само по себе дает повод вспомнить друзей. А тут еще время от времени появляются репортажи о «Киликии» на телеэкране, на страницах газет, — вот и тянется рука к телефонной трубке. Сос часто повторяет: «У меня такое впечатление, что я всегда нахожусь с вами на борту “Киликии”».

Мне такое состояние хорошо знакомо. Я сам когда-то чувствовал себя в одной лодке с французским врачом Аленом Бомбаром. И не только с ним, но и с Френсисом Чичестером, с Туром Хейердалом и многими другими. Но о Бомбаре разговор особый.

Он слыл человеком, которому чужда романтика. О море не мечтал. Даже плавать не умел. И вряд ли взялся бы на утлой надувной лодочке без руля и весел переплыть Атлантический океан, будь он врачом-клиницистом. Просто ему в голову не пришла бы дикая мысль выйти в открытый океан без грамма питьевой воды, без куска хлеба, без теплой одежды, без штормовки. Но, будучи практикующим врачом в приморской больнице, он обратил внимание на то, что в специализированном лечебном учреждении среди пациентов часто оказываются люди, чудом спасшиеся от кораблекрушения. Медицина делает все, чтобы спасти не только тело, но и душу этих счастливицков. Доктор Бомбар выяснил, что ежегодно в мире гибнет до ста тысяч человек. По его мнению, многие могли бы спастись, если бы сумели прежде всего пересилить свой страх. Вот что писал Ален Бомбар перед выходом в океан: «Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха».

Доктор Бомбар обращался с этими выверенными словами не к тем, кто утонул вместе с кораблем, не к тем, кто замерз в холодной пучине, не к тем, кто после кораблекрушения оказался без подручных средств. Он обращался к тем десяткам потерпевших бедствие, кто находился в спасательных лодках, имел спасательные жилеты и пояса, кто держался на досках, на каких-то нетонущих кусках развалившегося судна. Известно, что девяносто процентов из этой группы людей погибает в первые три дня. Погибают потому, что паникуют и теряются.

Своим экспериментом-подвигом Бомбар доказал, что в экстремальной ситуации морская вода может заменить пресную. Главное, чтобы с самого начала постепенно приучить организм к тому, что морская вода — не яд. Полинезийцы, оказавшись после кораблекрушения в открытом океане, месяцами пили морскую воду. Конечно, нужно уметь это делать. В этом как раз и была суть бомбаровского эксперимента. Исследователи считают, что французский доктор своей книгой ежегодно спасает от гибели тысячи людей. Изучив жизнь полинезийцев, Ален Бомбар усвоил, что эти мужественные люди издревле знали: оказавшись один на один с океаном, нужно прежде всего приучить свой организм к борьбе с жаждой. Для этого следует с первых часов пить морскую воду буквально каплями. Надо знать, что любая рыба, любое морское растение, особенно капуста и водоросли, содержат пресную воду. Надо, несмотря на омерзительный вкус, жевать их и выплевывать.

Я не хочу пересказывать рецепты моего великого коллеги Алена Бомбара, переплывшего Атлантический океан в роли жертвы кораблекрушения. Тому, кто не читал его книгу, советую найти ее и прочитать.

Тему эту подсказал мне мой друг Сос Саркисян, который в очередной раз признался, что чувствует себя рядом с нами на палубе «Киликии». Он часто подчеркивал, что проект «Киликии» нужен был нам именно сейчас. Я думаю, вообще любой жизненный пример, в котором заложена философия обреченности на победу, обреченности на преодоление себя, нужен нам всем и каждому в отдельности. Если каждый из нас поверит в себя, все мы в конечном итоге поверим в то, что вместе мы можем все.

В книге «Белый марафон» я рассказывал о многомесячном путешествии на оленьих и собачьих упряжках по камчатской и чукотской зимней тундре до берегов Ледовитого океана. нас было всего-то с каюрами восемь человек. Двое из нас близорукие. Без очков — почти слепые. Всё мы учили перед началом экспедиции. Но вот не могли предвидеть, что при пятидесяти пяти-шестидесятиградусном морозе стекла очков трескаются. Этот факт вызвал у всех, в том числе и у видавших виды каюров, страх. У нас был единственный выход из создавшейся ситуации — непременно преодолеть страх за судьбу наших товарищей. Помимо этой беды случилась и другая: в шестидесятиградусный мороз на наших глазах стали расплзаться голенища меховых сапог, сшитых из оленьей шкуры. Дело в том, что во все времена в тундре шили одежду исключительно жилами, то есть естественным материалом. А в наши дни в целях экономии и перевыполнения плана для шитья торбасов (сапог) использовали синтетическую леску.

Казалось, продолжать поход просто бессмысленно. Смертельно опасно. Два человека не могут ходить без поводырей. Трое, лишившись торбасов, срочно надели запасные торбаса, к счастью, сшитые жилами. Но страх продолжал оставаться. Кто-то и впрямь предложил вернуться. Однако мы находились посередине огромной, как пустыня Сахара, Пенжинской тундры, и абсолютно не имело значения, куда двигаться — вперед или назад. Был один-единственный выход. Только двигаться. Жизнь — такова цена силы духа, силы воли, силы веры в собственные возможности. Сос прав, считая, что нам всегда нужны яркие примеры из жизни, подтверждающие неисчерпаемые возможности человеческого организма и духа.

Конечно, эти возможности тела и духа чаще всего проявляются в экстремальной ситуации, там, где идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот почему людям дорог образ моря.

Сам я с образом моря никогда не расстаюсь, в том числе и в своих книгах. В подтверждение сказанного приведу цитату из книги «Очаг» (1981 г.):

«Вспоминая наше прошлое, мы часто говорим о том, как нам не везло. Не везло прежде всего потому, что мы находились на перекрестке караванных дорог, по которым проносились варвары и вандалы, сметая на своем пути все прекрасное. Они топили в волнах крови наш корабль, имя которому — Пятитысячелетняя Армения. Но корабль жил. Он разламывался на маленькие шлюпки. И каждая шлюпка продолжала плавать в одиночку. Они упорно держались на воде. Приставали к чужим берегам. И везде, где отдавали якоря, поднимали свой флаг, на котором были изображены школа, церковь и книга. И ничто не могло уничтожить флаги, символизирующие Веру. Веру в справедливость. Веру в объединение...»

...Тема эта не оставляла меня в покое. Однако я не забывал, что «Киликия» не только плавает, но и время от времени бросает якорь в нужном порту. А тут уже прямо перед носом — Стокгольм.

* * *

Еще задолго до прибытия в Стокгольм я много раз связывался с Мушегом и Лили Серобянами. Имена эти и их телефоны дал мне генеральный секретарь Министерства иностранных дел Армении Шаген Авакян. Чем ближе была столица Швеции, тем чаще я пытался представить себе, как они выглядят, какой у них характер, откуда они родом... И кого я еще узнаю через них...

Вон стоят на причале бок о бок Мушег и Лили. Более сорока лет живет Мушег в Стокгольме. Приехал сюда из Бейрута. Долгое время не мог найти себе невесту. Вдруг захотелось побывать в Аргентине. Взял да и полетел. В одной армянской семье познакомился с девушкой по имени Лили, которая не отходила ни на шаг от своей матери Жанет-Анаит. Вот тут-то все и началось. Мушегу полюбилось смуглое лицо будущей жены и влюбился в двойное имя будущей тещи. Перевез их обеих в Швецию, где родилась дочь, за которой день и ночь ухаживает теща.

А вон — Пол и Анаит Минасяны. Рост у Пола два метра один сантиметр. У Анаит другое преимущество. Роста она ниже среднего, но зато стан прямой, как у березки. Это оттого, что

постоянно смотрит она на мужа с запрокинутой головой. Переводят с армянского на шведский и со шведского на русский. Это не только их увлечение, но подчас и работа. В свободное от переводов время катаются на своем белом катере.

И еще об одной встрече, которая состоялась буквально за четверть часа до отхода «Киликии» от причала Стокгольма. Накануне вечером с Сергеем и Геворгом Налбандянами я беседовал на борту «Киликии», и отец предложил попить чайку. Рядом, в двух метрах — кафе. Пили чай. Вдруг Геворг взглядом указал на соседний стол, за которым сидел мужчина с ужасно знакомым лицом. И Геворг тихо произнес его имя: «Дольф Лундгрэн». Я плохо знаю современных артистов. По именам — только некоторых очень и очень знаменитых, которых просто невозможно не знать. Но тут другое. После показа фильма Сильвестра Сталлоне «Рокки-4» я прочитал в каком-то журнале об артисте, сыгравшем роль русского боксера, скорее, какого-то костолома. Я-то думал, что этот артист и в жизни такой же костолом. А прочитав очерк в журнале, поразился, насколько многогранен талант этого человека. Никакой он не костолом, а самый что ни на есть интеллеktуал, даже ученый. Окончил Королевский технологический институт в Стокгольме, учился в Вашингтонском университете, окончил в Австралии Сиднейский университет, получив степень магистра химического машиностроения. Учился в Массачусетском технологическом университете. Получал Фулбрайтскую стипендию. Стал фантастически популярным, сыграв роль русского боксера Ивана Драго в фильме Сталлоне. Хотя сам этот многообразованный человек, почти двухметрового роста атлет, снимал много фильмов как режиссер. Так что поистине притягательная личность. Вот и возникла идея пригласить Лундгрена на борт «Киликии». Вместе с Геворгом подошли к нему. Увидя нас, он широко улыбнулся, потом показал пальцем на логотип «Киликии» на моей форменной майке и сказал: «Это то самое судно, о котором вчера показывали сюжет по телевидению?» Дальше все пошло гладко.

* * *

Распорядок дня экипажа на берегу зависит от меня. Это вовсе не культ личности, а элементарный рационализм: надо составить расписание так, чтобы за два-три дня пребывания в той или иной стране увидеть и сделать как можно больше, встретиться со многими соотечественниками и, что самое главное, — успеть вовремя отправить репортаж для телевидения и газет, не забывая при этом о книге и о будущем фильме.

Многие из собравшихся на встречу с экипажем «Киликии» охотно рассказывали о жизни в стране, где царит удивительный порядок. Я едва успевал записывать в блокнот отдельные фразы, не приводя имен говоривших:

«Мы привыкли к порядку и покою... Не поверите, вот уже тридцать лет живу здесь и недавно вдруг подумал о том, что я не просто законопослушный человек, но и люблю законы... Первое, на что обращаешь внимание, — это то, что невыгодно обманывать, невыгодно нарушать закон... Я жил, и жил подолгу, в пяти странах и скажу, что всюду существуют проблемы с чиновниками, с бюрократией. Есть они и здесь. Но они не в тягость. Скорее, наоборот — от них веет удобством и надежностью. Знаешь, что если вопрос твой решился, то никто и ничто уже не будет помехой... И все же тянет домой, в Армению. Порой чувствуешь, что тебя раздражает и этот покой, и этот порядок, и отсюда это страшное однообразие. Фанатичная страсть к порядку приводит к болезненной скуке. Такое впечатление, что ты являешься деревом, которое взяли и пересадили в почву, где нет ни грамма соли».

* * *

Меня, честно говоря, поразило то, что человек может пресытиться порядком и покоем. И подумал: а, может, здесь есть некая логика? Известно, что каждый день, да еще большими ложками, невозможно есть мед. Этот образ я привожу часто. В самом деле, что может быть слаще, приятнее и, главное, полезнее, чем мед? И все же к нему не привыкаешь. Чего не скажешь о хлебе, который хочешь есть каждый божий день без исключения. А, может, здесь есть великая закономерность? Мед больше всего едят те, кто великим трудом создает его, — пчелы. А хлеб больше всего любят и едят люди, которые великим трудом создают его. Нетрудно представить, каким невкусным окажется хлеб, если обрабатывать землю, пахать, сеять, поливать, жать, убирать, молотить, печь хлеб будет человек бесстрастный. Страсти, бесспорно, надо уметь сдерживать, но при этом сознавая, что без них ничто великое не совершается и не создается на земле (так, кажется, говорил Гегель), в том числе не выращивается хлеб, не куется меч.

Записывая обрывки фраз во время той встречи в Стокгольме, я обратил внимание, что одни собеседники оказались здесь не по своей воле, другие продуманно выбирали географию, третьи приехали по делам совместного бизнеса, четвертые — погостить к хорошо устроившимся детям.

Сергей Налбандян. Отец, Цолак, из Эрзурума, мать, Амаспюр, из Гюмри. У Амаспюр было пятеро детей. А вот у ее родной сестры Гоар детей не было. И решили годовалого Сергея отдать на воспитание родной тете. Вырос счастливым мальчиком в счастливой семье. В двадцать два года, после летних каникул, проведенных в Ереване, отправлялся поездом в Тбилиси, где он учился в Институте железнодорожного транспорта. За пять минут до отхода поезда ему сообщили новость, которая чуть было его не убила. Оказывается, Гоар — не его родная мать. В глазах потемнело. Мир вокруг сразу изменился и потерял всякую привлекательность. Сергей решил бросить институт. Плевать на то, что надо продолжать тренировки по прыжкам в воду, по акробатике, по гимнастике. По всем этим трем видам спорта он выполнил норму кандидата в мастера спорта. Побеждал на всесоюзной студенческой спартакиаде по прыжкам в воду. И вдруг — все ему стало не мило. Задался вопросом: как же родные мать и отец решились отдать родного сына другой женщине, пусть даже любимой тете Гоар?

Рассказывая свою историю, Сергей признался, что недолго длился бунт, начатый его вторым «я». Внезапно нахлынувшая на него беда стала отступать, давая место другим чувствам. «А что, собственно, случилось? — размышлял он под стук колес поезда, уносившего его в Тбилиси. — Меня безмерно любила мама Гоар, и меня безмерно любила мама Амаспюр. У меня было две матери — родные сестры. Я сделал счастливой тетушку Гоар и вдвойне счастливой родную мать, которая радовалась, что родная сестра больше не страдает...» Вот так, счастливый от сознания того, что нашел мать, которую никогда не терял, продолжал он жить, добиваясь новых успехов. Заслуженный инженер Армении, почетный транспортный строитель СССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Сергей Налбандян строил мосты, причалы, железнодорожные линии в десятках стран мира. Строил на родине дороги Севан — Шоржа, Масис — Нурнус, Иджеван — Раздан. После распада Советского Союза он, всю жизнь проработавший в системе Министерства транспортного строительства СССР, оказался за бортом, ибо прописан был в Армении. И на финише трудовой жизни получает такую же пенсию, как и его жена. Слава Богу, в Швеции процветает бизнес его сына Геворга.

— Сергей-джан, судя по всему, ты приехал в Стокгольм отдохнуть под крылышком сына. «Я так думаю», как сказал бы Фрунзик Мкртчян.

— А я так не думаю, — улыбаясь, ответил он. — Я, скорее, хотел бы под моим крылом увидеть Геворга в Ереване.

— Это не папа так хочет, а я, — твердо добавил сын.

* * *

Первоначальная линия маршрута нашего путешествия в северо-восточной части Балтийского моря обходила стороной Швецию, и порта Стокгольм не было. Однако, в ходе плавания мы по той или иной причине не раз меняли маршрут, стараясь при этом сохранить неизбежность графика, то есть сроков. Дело в том, что цель экспедиции «“Киликия”»: плавание по семи морям» не просто пройти «галопом по Европам». Мы постоянно освежаем в памяти прошлое, связанное с историей нашего народа.

Именно этот фактор сыграл главную роль в изменении маршрута «Киликии» в Балтийском море. И вот сейчас, находясь в Швеции, мы невольно задаемся вопросом: «Простили бы мы сами себе, если бы не посетили Стокгольм?» Глубоко убежден, что стоило преодолеть штормовые трое с половиной суток, пережить драматические часы, когда чуть было не потеряли судно, когда чудом спаслись наши друзья Гайк Бадалян и Самвел Бабасян, чтобы прикоснуться к одной из страниц истории нашего народа.

Взаимоотношения армян и шведов сложились еще в десятом веке, во времена легендарных викингов и варягов, которые в Малой Азии занимались не только торговлей, но и грабежом, да вдобавок еще брали людей в плен, и делали это избирательно. Скажем, выслеживали и находили талантливых мастеровых и даже деятелей искусства и насильно доставляли их к берегам Варяжского моря (так раньше называлось Балтийское море). Эти пленные армяне учили викингов различным искусствам и ремеслам. Работали переводчиками и даже дипломатами. Так необычно завязывалась дружба между двумя народами, которая изобилует замечательными историческими примерами.

Вот только один такой пример. Шведка Алма Йогансон. О ней мне рассказывал историк Джон Киракосян (книга о Д.Киракосяне «Жизнь после смерти» опубликована во втором томе Собрания сочинений) четверть века назад. В 1908 году в возрасте двадцати семи лет Алма работала в германской миссионерской организации и в сиротском приюте. Оказалась не просто свидетельницей трагедии армянского народа, но день и ночь оказывала помощь страждущим. В 1930 году, в период зарождения фашизма, она написала небольшую книгу «Народ в изгнании». Книга тотчас же стала библиографическим раритетом. К тому времени в Европе уже успели

подзабыть о трагедии армянского народа. Алма словно предчувствовала появление фюрера, который хорошо использовал опасное манкурство Европы. Он призывал головорезов выбросить из головы мысли о чувстве вины и греха. Мол, это все пустой звук. Мир сегодня знает риторический гитлеровский вопрос: «Кто сегодня помнит о резне армян»? А ведь была такая женщина в Швеции, которая хорошо помнила об этом. И через год (в 1931-м) она выпустила вторую книжку — «Жизнь депортированных армян».

Конечно, мы взяли бы великий грех на душу, если бы прошли мимо кладбища, где покоится прах этой замечательной женщины. Весь экипаж «Киликии» в сопровождении активистов армянской общины Мушега Серобяна и Карапета Манукяна посетил могилу Алмы. Мы возложили свежие букеты цветов к скромному надгробию, на котором рядом с именем Алмы Йогансон написано: «Миссионерка в Армении».

Я держу в руках маленькую книжку с иллюстрациями. Она является еще одним доказательным аргументом, обличающим фальсификаторов истории, которые неслыханную трагедию целого народа сводят лишь к жалким спорам вокруг термина «геноцид». Прав был незабвенный Джон Киракосян: книжки Алмы следует переводить на многие языки и распространять по всему свету. Ибо миссия ее продолжается...

* * *

Последние дни я часто связывался по телефону с консулом Армении в Санкт-Петербурге Рубеном Акопяном. Санкт-Петербург для нас не просто очередной пункт маршрута. От северной столицы России до Ростова-на-Дону (а это около четырех тысяч километров) армянское парусное судно пройдет без мачты, а, значит, без парусов. Именно в Санкт-Петербурге будет меняться система управления. Наши знаменитые тяжеловесные рулевые весла будут высыхать, лежа на палубе у самого борта. Вахтенные уже не будут напрягать бицепсы. Но это вовсе не значит, что управлять судном станет легче. Каждую минуту, днем и ночью, нам придется думать о зловещих порогах, коварных кривунах и извилинах. Мало кто знает, что заблудиться можно не только в морях и океанах, но и в реках. К примеру, в устье рек образуются участки суши, так называемая дельта. И вот здесь река делится на великое множество протоков на пути к морю. Каждый год рисунок этих протоков может меняться. Тут и впрямь можно плутать, как в лабиринте. Так что в Санкт-Петербурге надо готовиться к дальнейшему пути капитально.

Немудрено, что мы постоянно связываемся с Рубеном. Последний его звонок здорово озадачил нас. Впервые нам придется круто (в буквальном смысле слова) поменять и маршрут, и график. Мой давнишний приятель Рубен Акопян сообщил, как в «Ревизоре», пренеприятнейшее известие: на пути крохотной «Киликии» встала Большая восьмерка — главы восьми самых могущественных стран мира, которые в очередной раз собрались вместе, чтобы решать судьбы целых народов.

На две, если не на три недели закрывается Финский залив и многочисленные подступы к нему. Зная ситуацию в мире, думаю, к Питеру не смогут приблизиться даже разумные дельфины. Так что перед нами во весь рост встал знаменитый закон «о примирении с неизбежным». В довершение ко всему в регионе было объявлено штормовое предупреждение. Но, как говорится, нет худа без добра. В Стокгольме есть на что посмотреть.

* * *

Кто-то из ребят еще в прошлом году обронил фразу: «У Карена есть хобби — он коллекционирует директоров морских музеев мира». В этом смысле не был исключением и Стокгольм. Фред Хоккер — директор музея погибшего военного корабля «Ваза» (в некоторых изданиях пишется через «с» — «Васа»). Уникальный, конечно, музей, где представлен всего один экспонат: поднятый со дна моря спустя триста тридцать три года военный корабль «Ваза». Все остальное — это то, что взято с самого судна, начиная с человеческих черепов и кончая монетами, мушкетными пулями и кухонной утварью.

В 1625 году самый знаменитый шведский король Густав II Адольф решил удивить мир. И удивил. Для постройки «Вазы» было отобрано 1000 «сигар» из бесчисленного числа срубленных деревьев. Такого до этого нигде в мире не было.

В те времена не принято было на борту судна писать его название. Кстати, именно поэтому на борту «Киликии» ничего не написано. Ее узнают по флагу Армении и историческим флагам Киликии и Арцаха. Но это не значит, что в древние и средние века обходились только полотняными символами. На самом верху высоченной кормы «Вазы» выгравирована аббревиатура из заглавных букв слов: «Густав Адольф — король Швеции». Над буквами установлен бюст молодого короля с двумя грифами, держащими корону над его головой. В верхней части кормы — шведский государственный герб высотой два метра и шириной более трех метров. Герб, как и все остальное,

вырезан из дуба и состоит из 22 частей. Известно и имя скульптора — Морген Редтмер.

Хотелось бы сравнить основные характеристики «Вазы» и «Киликии». Пусть такого рода сравнение ни у кого не ассоциируется с басенными образами Слона и Моськи. Дело в том, что оба судна построены из дуба. Длина «Киликии» — 20 метров, «Вазы» — всего в три раза больше. Ширина — пять метров, «Вазы» — в два раза больше. Осадка — полтора метра, у «Вазы» в три раза больше. И главное — водоизмещение у «Киликии» 50 тонн (при чистом весе всего двадцать тонн), а у Вазы в 24 раза больше. У «Киликии» площадь большого паруса около 120 кв. метров, а у «Вазы» при всех поднятых парусах на трех мачтах — 1275 кв. метров. Мы при ураганном ветре в течение нескольких минут спускаем большой парус и поднимаем два стакселя. Иначе большой парус или порвется, как это было у нас во время потийского шторма, или перевернет судно, или вырвет мачту с корнем. Все это законы физики. На «Вазе», кроме ее огромного собственного веса, имелись 64 тяжеленные пушки, не считая около ста членов экипажа и еще до сотни почетных пассажиров вместе с детьми.

Десятого августа 1628 года «Ваза» отошла от причала. Как отмечаются в десятках документов (в том числе и судебных), «ветер был слабый, но порывистый». Я только успевал старательно записывать рассказ директора музея Фреда Хоккера, ставшего закадычным другом Карена Балаяна. Корабль прошел всего 1300 метров. Меньше одной мили. В письме Государственного совета (правительства Швеции) королю отмечалось, что в открытой бухте все паруса наполнились порывистым сильным ветром, корабль начал крениться и на глазах тысяч и тысяч стокгольмцев с поднятыми парусами и флагами ушел на дно в течение нескольких минут. Это было в пять часов пополудни.

Об этой катастрофе и невинных жертвах Швеция скорбела триста тридцать три года кряду. Скорбели от короля Густава II, которому принадлежит знаменитая формула «Процветание королевства Швеции зависит от Бога и нашего флота», до короля Карла XVI Густава, который 15 июня 1990 года и открыл музей.

Подняли «Вазу» 24 апреля 1961 года, и тотчас же началось медицинское (в буквальном смысле слова) исследование и лечение. Сохранилось более восьмидесяти процентов материала. Уникальный экспонат уже посетили около 25 миллионов человек. Швеция сумела превратить давнюю национальную трагедию в символ национальной гордости.

Перед прощанием я сказал директору музея: «Глубоко убежден: когда-нибудь у вас найдется новый Альфред Нобель, который построит абсолютную копию «Вазы», но уже без ошибок, связанных с законами судостроения». Фред словно ожидал такого разговора: «Подобная идея носится в головах у шведов. Кстати, я внимательно всматривался в загорелые лица матросов «Киликии», которые слушали меня битый час, и сам подумал о том же. Вы же построили копию судов ваших предков. Причем речь у вас идет о восьмисотлетней и даже девятисотлетней давности. И ведь получилось! Вчера мой друг Карен знакомил меня с «Киликией», и мне подумалось, что это не просто историческая реплика. Это — ваша национальная гордость. Многие пытаются создавать копии судов своих предков, но мало кому удается осуществить подобное плавание. Это ведь самое главное. Так что наступит время, или, как вы сказали, придет новый Альфред Нобель, и мы последуем вашему примеру — примеру «Киликии».

Этот добрый малый не знал, что ненароком попал в десятку. Во время традиционных бесед с членами экипажа я неоднократно заводил речь о будущей судьбе нашей «Киликии». Ребята предлагали разные варианты, больше говорили о Севане, но с существенной оговоркой: «Правда, в пресной севанской воде трудно хранить деревянное судно. За ним нужен будет постоянный уход все двадцать четыре часа в сутки, иначе в один печальный день судно может утонуть».

У меня другая идея: установить «Киликию» на невысоком постаменте, как это сделал Тур Хейердал, который перевез из далекого Чили свой легендарный плот «Кон-Тики» в Осло. И сегодня норвежцы безумно гордятся своим уникальным музеем. Я не хочу сравнивать «Киликию» ни с «Вазой», ни с «Кон-Тики» (хотя, собственно, почему бы нет?), но убежден: нам давно следовало бы иметь в Армении музей с условным названием «Армяне и море». Бесценных экспонатов для подобного музея предостаточно. Чего стоят одни только исторические документы — как тексты морских законов, принятых еще в Киликийском Армянском государстве! Так что в Ереване, вместо возведения очередной высотки, можно построить музей под землей, под самой «Киликией». Такая вот у меня мечта. Мы-то ведь знаем, что если мечта осуществима, то это уже план. Может быть, ее осуществят наши потомки.

И все же я верю в то, что нашу мечту претворим в жизнь мы сами. Не надо перекладывать это на потомков, у которых будут свои планы и проекты. Нет ничего слаще осуществленной мечты, и слава Богу! Это чувство мне знакомо. Анатолий Франс говорил,

что сама по себе мечта — высшая реальность, она — душа сущего. И я в этом не раз убеждался: мечтая, ты вовсе не уходишь от реальности, а, скорее, приближаешься к ней. Вот почему я люблю слово «действенность». Но впереди еще тысячи и тысячи миль. Впереди уже не Санкт-Петербург, а Таллин — порт, который был на нашей карте запасным. Правда, пока мы не можем выйти в море, ибо еще не отменено штормовое предупреждение. Ничего страшного, нам есть на что посмотреть и о чем поговорить.

* * *

Знала бы Большая восьмерка, сколько она нам прибавила проблем! Мы, конечно, решим их. У нас ведь не было виз, позволяющих посетить Эстонию. Но при таком после Армении, как Ашот Галоян, все вопросы решаются оперативно. Пока мы находились в дороге, ведущей к посольству Эстонии в Стокгольме, консул Суен Толп уже готовился к встрече с нами.

Легко решив вопрос с визами, мы продолжали уныло стоять перед фатальным фактом штормового предупреждения. Мудрость вкупе с осторожностью обязывает в таких случаях ждать минимум еще сутки, если не двое. При спаде скорости ветра потребуются полдня, а то и целые сутки, чтобы утихомирились волны. По нашим расчетам, до Таллина двое с половиной суток при утихающем, но зато попутном ветре.

Первые двадцать четыре часа, начиная с полудня восьмого июля, никто из нас не сомкнул глаз и вообще не знал ни минуты покоя. Конечно, выйди мы из Стокгольма на сутки позже, смогли бы легче пройти участок маршрута. Но вот что произошло в реальной жизни. На следующий день после прибытия в Таллин, то есть ровно через двадцать четыре часа, мы узнали, что двенадцать часов назад на подступах к городу, в разгар неожиданного нового шторма с прерывистым ураганым ветром перевернулся сейнер, и два баркаса выбросило на берег. К счастью, жертв не было. Как тут не подумать о том, что если бы мы вышли из Стокгольма на день позже, «Киликия» оказалась бы именно на подступах к Таллину, где ярый смерч перевернул сейнер и выбросил баркасы на берег. Может быть, и у нас жертв не было бы, но экспедиция наша вошла бы в историю как «плавание по шести морям». Ибо до седьмого, Азовского, моря мы бы явно не добрались. И уж одна жертва была бы точно. Это — «Киликия».

Но не надо полагать, что, идя на риск, ты не думаешь о завтрашнем дне. Может, больше всего думаешь о нем именно когда идешь на риск.

На верхней палубе всматриваемся в очертания Таллина. Уже издали бросаются в глаза высотные, так называемые, элитные дома, которых не было тридцать шесть лет тому назад, когда я со своими камчатскими друзьями входил в порт Ревель — старое, если не сказать древнее название Таллина. Моряки часто называют порты по-старинному. У Таллина еще до Ревеля были другие названия: в русских летописях — Колывань, в ливонских хрониках — Линданис. На облике города не могли не сказаться его история, его судьба. В разное время он оказывался под властью Дании, затем Швеции, России. Я чуть подробнее остановился на биографии и ономастике (раздел лексикологии, изучающий собственные имена и географические названия) Таллина, ибо, посещая столицы прибалтийских республик, да и многие другие древние города, всегда с белой завистью обращал внимание на то, что там, несмотря на многочисленные войны, сопровождаемые вандализмом, все-таки сохранились архитектурные памятники, являющиеся главными участниками и свидетелями истории городов и народов. Рассказывая о Таллине, я вспоминаю наш Ереван. И, учитывая, что Ара Таманян, отслужив свой трехнедельный срок, оставляет борт «Киликии», самое время поговорить с ним на прощание о современном Ереване, являющимся детищем его прадеда Александра Таманяна.

— Не будем говорить о специфике твоей работы, из-за которой ты опять, как и в прошлом году, должен вернуться в Ереван, — начал я беседу с Араиком.

— Не будем, тем более что насколько я серьезно отношусь к проекту «Киликии», настолько и к своей работе, которая связана с организацией приема и пребывания в Армении иностранных посетителей и туристов.

— Соблюдая традицию, перед расставанием поговорим на тему, которая вызывает боль не только у нас с тобой, но и чуть ли не у всех наших соотечественников, особенно ереванцев. Речь об опошлении идей твоего прадеда.

— Знаете, я не только изучал биографию прадеда, но и старался вникнуть в суть идей выдающегося градостроителя, автора первого генплана Еревана. Наверное, первого после Аргишти, то есть спустя двадцать семь веков. Сегодня делается все, чтобы в некогда красивейшем и очень уютном городе жить стало неуютно. Выйдешь в город — сплошные неудобства и проблемы. Моему сыну Месропу, праправнуку Александра Таманяна, сейчас три с половиной года, ему хочется поиграть,

побегать на улице, в парке. И видишь, что в огромном городе просто негде безбоязненно погулять, походить, побегать. Весь ужас в том, что это уже невозможно исправить. Наоборот, смотришь по сторонам и видишь огромное количество возвышающихся небоскребов-уродов, которые не только закрывают соседние дома от Арарата и от восхода и захода солнца, но и занимают те площади, которые предназначались для садов и парков.

— У меня есть повесть, главная героиня которой — журналист, воспевающий свой родной город (повесть «Страшный суд» опубликована во втором тома Собрания сочинений). Она родилась в Ереване в начале тридцатых годов прошлого века. На ее глазах рождался новый Ереван — на развалинах Эребуни и Эривани. По сути, при Таманяне и развалин-то не было. Одни только пустыри с глинобитными жилищами, названными на турецкий лад «геджи-конда» — жилище-временка. Но при этом было множество архитектурных россыпей и великолепных церквей, которые атеистическая советская власть сносила на глазах Таманяна. На месте этих разрушенных церквей нужно было в обязательном порядке, как это было сделано в Москве с храмом Христа-Спасителя, восстановить, возродить именно церкви. В миллионном городе, в столице страны, которая первой в мире приняла христианство как государственную религию, необходимо иметь множество церквей и храмов.

Многие ли знают о том, что Гандзасар и Казанчецоц, Амарас и Дадиванк, останки разрушенных церквей, километры стен циклопической кладки, огромное количество древних и средневековых хачкаров, уникальных надгробных камней с великолепием узоров и другие исторические сооружения считались настоящими фронтовиками в годы Арцахской войны. И все они воевали наравне с нами. Храмы верили нам, мы — им.

— Сегодня невозможно уже ездить по городу, — сказал Ара.

— Об этом все говорят, считая, что завтра проблема машин и пробок обретет еще более страшные формы. Я же могу сказать, что в будущем автомобильные пробки будут меньшим из зол. Гораздо страшнее обострение моральной, психологической и даже психической ситуации.

— Поясните, пожалуйста, эту мысль, — попросил Ара.

— Речь о том, что в Ереване бешеными темпами увеличиваются жилые площади. Это значит — такими же темпами будет продолжать расти число горожан, причем за счет тех, кто заработал деньги в дальнем и ближнем зарубежье.

— Никуда ведь от этого не денешься. Каждый хочет жить там, где лучше.

— Ереван — это уже мегаполис, куда входят и Аштарак, и Арташат, и Абовян... Продолжая расти по принципу интенсификации (имею в виду плотность заселения и отсутствие площадей для зон отдыха и для зеленых легких города), Ереван скоро невольно станет адом. Большая часть подрастающего поколения никогда не сможет найти работу в городе.

— Что же делать?

— Поблагодарить всех, кто уже воздвиг высотки. И все финансы перебросить на армянское село, ибо в нем наше спасение.

Замечу, кстати: эстонцы следят за тем, чтобы число жителей их столицы не перевалило за полмиллиона. И без того около восьмидесяти процентов населения страны — жители городов. Философы и психологи считают этот показатель опасным для сохранения национального менталитета, национальных традиций, национальной культуры. Так что у нас с эстонцами много схожих проблем.

* * *

Посещение Таллина не было обусловлено только объективными причинами, связанными с закрытием входа в порт Питера. На то появилась и чисто человеческая причина, о которой мы узнали в Стокгольме. Опять, как это было в столице Швеции, мы спешили на свидание к святой женщине, на сей раз к эстонской миссионерке Бюль Майрик (Матушке Бюль). Так звали в начале XX века армяне, пережившие геноцид в Западной Армении и исторической Киликии, Анну Эдвиг Бюль родом из Эстонии. В каждой общине всегда находится свой летописец, который собирает материалы о соотечественниках, пишет статьи, выпускает монографию. Не была исключением и армянская община Эстонии. Мы увидели книгу на эстонском и русском языках «Армянская диаспора Эстонии». Автор Рафик Григорян.

Григорян правильно подчеркивает различие между понятиями «национальное меньшинство» и «диаспора».

История изобилует примерами, когда по разным причинам переселившиеся на чужбину этнические группы не противились ассимиляции. Такие группы никак не назовешь диаспорой. Ведь в корне этого термина — «спора-семя-плод», отделившиеся от основного растения и размножающиеся на новом месте, при этом оставаясь «самими собой». Говоря о народах, имеется в виду сохранение самосознания, культуры, истори-

ческой памяти, языка. Однако не дай Бог, если эти этнические группы на новом месте, в чужой стране со временем начнут предъявлять претензии, особенно территориальные.

Всюду, где мы знакомились с жизнью наших соотечественников, мы видели действенную «взаимоблагодарность» и действенное содружество армянской общины и народа, приютившего ее. В этом отношении особое место занимает Эстония. Наша история зафиксировала даже день, ставший точкой отсчета дружбы между армянским и эстонским народами: 3 сентября 1830 года, когда двадцатипятилетний Хачатур Абовян прибыл в Дерпт (ныне Тарту). Вряд ли великий армянский просветитель, основоположник нового литературного языка, автор первого светского армянского романа («Раны Армении»), друг Александра Сергеевича Грибоедова, мог тогда предположить, что в главном здании университета, где он учился, установят его бюст и что потомки на берегу реки Эмайыги, где любил бродить писатель, воздвигнут прекрасный монумент, олицетворяющий дружбу между армянским и эстонским народами.

Абовян стал истоком великой реки армянского просвещения. Целая плеяда выдающихся деятелей армянской культуры и литературы вошла в жизнь через овейанный легендами Дерптский университет. В 1848 году была организована армянская община в Тарту. Именовалась она землячеством. Воскресная армянская школа разделена на две части: для детей, владеющих и не владеющих армянским. Эстонский язык обязателен. Национальные и церковные праздники отмечают в таллинской церкви Святого Григория Просветителя. Большая группа художников регулярно выставляет здесь свои работы.

Четырнадцать лет назад, 30 мая 1992 года супруги Вартаняны, русскоязычный Юрий и полиглот Гоар с армянским образованием, выпустили в эфир первую «ласточку». Так они назвали Армянское радио в Таллине — в честь знаменитой песни Комитаса «Цицернак». Диалоги, концерты, аналитические передачи, комментарии к событиям. И все это на армянском, эстонском, русском. Супруги Вартаняны здорово помучили и меня. И, конечно, разговор шел не только о плавании «Киликии».

* * *

Мы знали, что армяне Эстонии в присутствии городских властей и общественности установили мемориальную доску в городке Хаапсалу, где родилась Бюль Майрик, и теперь намереваются возвести ей памятник.

В армянских источниках и энциклопедических словарях можно найти короткие биографические справки о жизни как шведской миссионерки Алмы Йогансон, так и эстонки Анны Эдвиг Бюль, о которой историк и публицист Вардан Григорян написал книгу. Однако, думаю, этого мало, когда речь идет о великих гуманистах и подвижниках, совершивших в трагические для нашего народа годы поистине моральный подвиг. Уверен, наша народная память о них должна быть более действенной. И как бы ни был далек от таллинского порта дом, где родилась Бюль Майрик (похоронена она в Германии), мы решили непременно посетить его.

Вез нас на своей машине Артем Давидянц. В моей записной книжке среди многих эстонских армян есть и его имя: «Артем Давидянц живет в Эстонии с 1975 года. Женат на эстонке. Три дочери и один сын. Дочь Бригитта сопровождала нас в качестве гида. Она корреспондент популярной в республике газеты «Ээсти Пяэвалехт» (ежедневная газета). Я знал, что с места стоянки судна мы поедем на юго-запад в городок Хаапсалу, где родилась Бюль Майрик. Наш гид Бригитта Давидянц сказала, что родина Бюль Майрик находится прямо на берегу пролива Вяйнамери, добавив, что это тихое, спокойное место, которое давно облюбовали деятели культуры, поэты, композиторы, художники. Достаточно сказать, что сюда не раз приезжал Петр Ильич Чайковский.

Наконец добрались до Хаапсалу. Долго мы ездили по улицам, где более века назад бродила Анна Эдвиг Бюль, не ведая, что когда-нибудь армянский народ ласково назовет ее Матушкой Бюль Майрик. Нашли крохотный магазин, где продавали крохотные букеты большей частью полевых цветов. И поспешили к Матушке Бюль.

Родилась она 23 октября 1887 года. Скончалась 3 октября 1981 года в Германии. Как и шведка Алма Йогансон, она прожила девяносто четыре года. Начальное образование получила в Хаапсалу. Высшее — в Санкт-Петербурге. Училась также в Германии. В разгар геноцида армян, организованного новоиспеченным младотурецким правительством в киликийской Адане, двадцатидвухлетняя миссионерка Анна Эдвиг Бюль отправилась в Киликию и с тех пор посвятила себя делу спасения армянских сирот. Активную благотворительную работу проводила в годы Первой мировой войны. Долгое время работала воспитательницей в сиротском приюте в Мараше. В Алеппо открыла госпиталь для армянских беженцев. Основала трикотажную фабрику, где работали пятьсот армянских девушек и женщин.

Открыла несколько армянских школ. Работала собственным корреспондентом нескольких европейских газет, для которых готовила материалы о трагической доле армян, лишившихся родины. Только в 1951 году, в шестьдесят четыре года, она вернулась с Ближнего Востока в Европу, где продолжила борьбу за сохранение исторической памяти. По утверждению Бюль Майрик, жертвой этой трагедии стал весь цивилизованный мир. Не случайно обе миссионерки, Алма Йогансон и Анна Эдвиг Бюль, в разное время вернувшись в Европу, пытались разбудить дремлющую совесть Старого света, чтобы напомнить миру об опасности патологической амнезии человечества.

Алма Йогансон начала писать книги о трагедии армянского народа именно в конце тридцатых годов прошлого столетия. И это понятно. Ведь уже с 1921 года Гитлер возглавил фашистскую национал-социалистическую партию. И только слепой мог не видеть, куда идет Европа. Уже в 1926 году в Германии была основана массовая молодежная нацистская организация Гитлерюгенд. Йогансон и Бюль не могли не знать, что для организации в будущем геноцида уже не народа одной страны, а целого континента фашизм взращивает новое поколение головорезов, для которых христианство и мораль — пустой звук. Когда фюреры превращают народы в толпу, они прежде всего лишают их памяти. «Кто сейчас помнит о резне армян?» — риторически вопрошал Гитлер. И прав был по-своему этот ирод, ссылавшийся на короткую память Европы. Мир молчал. Не молчали лишь отдельные люди, похожие на Нансена. Турция нагнала все больше от сознания своей безнаказанности. Не случайно турки больше всего опасались живых свидетелей их злодеяний, какими являлись Алма Йогансон и Бюль Майрик. Эти женщины не молчали до конца своих дней. И здесь самое время привести начало книги Алмы «Народ в изгнании»:

«Бог по своей милости дал нам, людям, способность как помнить, так и забывать. Божья милость дала нам возможность забывать страдания и страшные для нас времена — или во всяком случае смягчить боль с годами. Иначе ведь многим из нас стало бы невыносимо жить. Однако я считаю своим долгом сделать все, чтобы память моя сохранила совершенные на моих глазах злодеяния. Речь идет о жизни и страданиях одного народа, история которого написана кровью и слезами. Память о тех годах со временем начинает тускнеть. Но для тех, кого трагедия коснулась непосредственно, память стала словно темной и бурной рекой, в грохочущем шуме которой постоянно слы-

шится стон страха перед смертью и перед повторением кошмара. До сих пор не могу понять, как турки могли уничтожить целый народ на глазах у всего цивилизованного мира?..»

О том же самом писала и Бюль Майрик в своих репортажах, отправленных в европейские газеты с места событий в 1909, и в 1910, и в 1911, и в 1912 году... Конечно, Бюль Майрик не единственная свидетельница трагедии нашего народа. Но сегодня мы идем к ней. Идем, не забывая и о многих других свидетелях и гуманистах.

Артем легко нашел дом, где родилась Бюль. За зданием городского музея — церковь. Рядом угловой дом. Угол двух улиц — Коли и Линда. Там сейчас загс. На стене, со стороны Коли — памятная доска. Надпись на двух языках, армянском и эстонском: «Анна Эдвиг Бюль. Эстонская миссионерка, посвятившая свою жизнь делу спасения армян от турецкого геноцида в странах Ближнего Востока».

...Удивительный этот человек жил на земле давно. За пятьсот лет до Рождества Христова. Довольно обстоятельно познакомился я с ним тоже давно, четыре десятилетия назад на Камчатке. Мне попался в руки журнал, в котором были опубликованы главы из книги «Беседы и суждения». Я даже выписал это название на языке автора книги «Лунь юй». Выписал также настоящее имя автора — Кун-цзы, который вошел в историю как Конфуций. Сорок лет назад он удивил меня своей мыслью, ставшей итогом длительного исследования, долгих наблюдений: «Кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человеком». А вот в годы войны в Арцахе китайский философ меня удивил уже другой абсолютно точной мыслью: «Кто полон милосердия, непременно обладает мужеством». Тогда, в Арцахе, я подумал о том, с какой точностью подтверждают мысль Конфуция такие имена, как Джордж Байрон, Фритьоф Нансен, Керолайн Кокс и другие. И вот благодаря «Киликии» мы осязаемо открыли для себя имена действительно бесстрашных женщин — Алмы Йогансон и Анны Бюль.

* * *

Я не сомневался, что «Киликия» чувствует мое состояние. Все долгие месяцы плавания она безошибочно угадывала мое желание уединиться, забыться, отключиться ради того, чтобы в свою очередь понять ее чувства. Обладая идеальной памятью, она напоминала мне, что я обещал поговорить с нею. И вот я, по сути, завершаю «свой» маршрут на Балтике, и мы встретим-

ся только после того, как ее перебросят по русским рекам до Азовского моря. Стало быть, откладывать обещанное нельзя. Мы договорились вновь вернуться к истории Киликийского Армянского государства, особенно к трагическому периоду его распада. Речь о причинах падения государства, название которого носит наш парусник. В медицине есть целое учение о причинах болезни. Называется оно этиология. Великий армянский врач Мхитар Гераци, расцвет творчества которого пришелся на эпоху великого киликийского царя Левона II (конец XII — начало XIII вв.), вывел простую, как крест, формулу: «Нашел причину болезни — найдешь дорогу к излечению».

— «Киликия», вот, как я часто напоминаю, ты всегда произносишь глагол «чувствовать», а скажи, пожалуйста, ты чувствуешь, что произошло с твоими предками? Что произошло с твоей Родиной, с ее двадцатью четырьмя (или двадцатью пятью) морскими портами и тысячью парусных судов?

— Я чувствую не горечь потери, а, скорее, гордость возрождения части Родины.

— Как ты чувствуешь тысяча триста семьдесят пятый год — последний год Киликийского Армянского государства?

— Практически весь четырнадцатый век представлял собой один долгий тысяча триста семьдесят пятый год. А что касается деталей, то нужно отыскивать их в истории.

— Собственно, я только этим и занимаюсь. Еще до встречи с тобой я многое знал о героической и трагической судьбе Киликии. Но на твоём борту я то ли готовлюсь к защите диссертации, то ли собираюсь переквалифицироваться в историки с узкой темой — «Киликийское Армянское государство»...

Я выискал именно то, что нам нужно. Нас с тобой сейчас интересует именно XIV век. Я нашел в монографии Григора Микаеляна главу под названием: «Дипломатические сношения с папством, Францией и Англией. Войны с Египетским султанатом в 1307–1361 гг.». Вроде ясно, о чем идет речь. Но достаточно прочитать пространный подзаголовок — и становится понятным, в какой драматической ситуации пребывало Армянское государство. Все отражено в этом подзаголовке. Вот послушай:

«...Ухудшение международного положения Киликийской Армении в начале XIV века. Обострение борьбы при попытке царя Ошина (1307–1320 гг.) заключить унию с папством (в данном случае речь об объединении Армянской апостольской и католической церквей с обязательным признанием главенства Папы Римского, правда, при сохранении своих обрядов и

богослужения — З.Б.) и распространить в стране католичество. Левон V (1320—1342 гг.); вторжение мамелюков в Киликию и расширение дипломатических сношений Киликийской Армении с папством, Францией и Англией. Приход к власти Гвидо (Ги) Лузиньяна. Продолжение переговоров с папством об унии армянской церкви с римской. Войны с Египетским султанатом в 40—50-х годах XIV века. Неудача попыток папского престола навязать Киликийской Армении церковную унию».

Картина ясная. Дело идет к фатальному концу.

— Если ты хочешь извлекать уроки, а стало быть, проводить, как я чувствую, параллели с сегодняшней Арменией, то я тебе помогу. Это не только наша с тобой история, это моя судовая биография. Но сначала зададимся вопросом: как могло случиться такое? Почему сильное государство с флотом, армией, наукой, культурой вдруг стало чахнуть? Вот это и есть главное. Ты сейчас процитировал название главы. А предыдущие главы? В них наверняка ведь показана другая картина — картина прогресса, расцвета? Ведь Киликия была могущественной страной...

— Именно так. Вот послушай подзаголовки предыдущих глав:

«Расширение территории Киликийской Армении. Переговоры с Константинополем и Римом по поводу принятия Левоном II царского титула. Взаимоотношения Левона II с духовно-рыцарскими орденами и папством. Города Киликии как центры промышленного производства и торговли. Торговые сношения с Генуей и Венецией. Транзитные пути Киликии. Торговые связи Киликийского Армянского государства со странами Востока, Крымом и Черноморским побережьем. О развитии феодальных отношений в Киликии, о росте крупного феодального землевладения, о взаимоотношениях между феодалами и царской властью, о государственном строе и о праве по «Судебнику» Смбата. О собирании, переписывании и изучении литературных, богословских и научных трудов. О тесных отношениях между Киликийским Армянским государством и Великой Арменией.

— Позволь прервать тебя, чтобы спросить: в чем конкретно выражались отношения между Киликийской Арменией и Великой Арменией?

— Вот что я извлек из истории твоих предков. На протяжении всей истории Киликийской Армении, то есть с XI по XIV век, все литературные и научные произведения создавались на основе единства и общности армянской культуры и тесного общения творцов и авторов Великой Армении и Киликийского Армянского государства. История сохранила многие свиде-

тельства их тесной и живой связи. Достаточно отметить, что писатели и ученые Киликии и Армении часто переписывались друг с другом. Вот одна интересная деталь: если в начальный период ученые и специалисты ездили из Киликии в Армению, что называется, поучиться уму-разуму, пройти, говоря сегодняшней терминологией, курсы усовершенствования, то впоследствии все чаще ездили из Армении в Киликию.

— В Киликию приезжали учиться даже морскому праву...

— И это самое главное для нас. В большом своде исторических документов о Киликии подчеркивается, что сам Мхитар Гош включил в свой «Судебник» материалы по морскому праву, которые применялись в Киликийском Армянском государстве. Словом, существовало нормальное, сильное государство со своей армией, своим флотом, своей культурой. И вдруг его не стало.

— Я чувствую, что для подробного разговора о падении Киликии времени у нас будет немного, — сказала «Киликия», — и предлагаю перечислить главные причины. Мы ведь хотим извлечь уроки из истории.

— Скажу то, что без устали повторяю вот уже четверть века: горе носителю стратегической идеи, если она не нацелена на перспективу. В Армению приходила беда, когда ее правитель не думал о завтрашнем дне. Даже Тигран Великий, завоевав многие страны, не подумал о том, что победа требует серьезного и бережного отношения к себе. То же самое можно сказать о Левоне II. Что проку от того, что при нем Армения была могущественной, ведь после него начался распад. Вот послушай, каким был последний киликийский царь Левон VI и что стало с самой Киликией. Опустим то, что долгое время историки спорили о порядковом номере последнего царя. Гевонд Алишан, например, считал, что счет надо вести не с князя Левона, а с первого царя из династии Рубенидов — Левона. И тогда последний царь — Левон Лузиньян (Лусинян) — должен именоваться Левоном V. Конечно, для нас важна не эта арифметика, а то, что из-за длившихся долгие десятилетия распрей, раскола, и, главное, вероломства создалась ситуация, при которой к власти пришел человек, считавший себя «французом, истым католиком и преданным сыном Святой Римской церкви». Достаточно сказать, что коронавание и начало правления Левона VI совпало с конфликтом по вопросам вероисповедания. Вот что пишут историки: «Этот конфликт временно был улажен шатким компромиссом, таившим в себе будущую борьбу между царем и феодалами...» Можно выразиться иначе: «Таившим

в себе смертельную опасность». Компромисс тогда означал, кроме всего прочего, и ориентацию на Запад, на Европу.

— Это и есть то, что мы называем «извлечением уроков из истории». Я хорошо чувствую, что произошло тогда со страной, с моими предками, киликийским флотом и портами Корикос и Айас.

— Спустя два года Киликии не стало. Не стало не потому, что пошли все-таки на компромисс.

— А почему?

— Страшно прозвучит, но скажу: потому только, что помышляли о компромиссе, таившем в себе смертельную опасность. Так что бывают случаи, когда одна только мысль о компромиссе должна быть наказуемой. Могу отметить, что, например, в русской православной церкви в подобных случаях жесткость, даже жестокость сыграли в конечном итоге спасительную роль.

* * *

Я делаю записи в Финском заливе 16 июля 2006 года. День знаменательный — день рождения матери Самвела — тикин Седы.

...Уже виднеются в туманной дымке невысокие силуэты финских островов. Держим курс на Хельсинки. Знаем даже точное место причаливания. Не знаем пока одного: ждет ли нас сам Хельсинки?

«Киликия» с каждой минутой приближается к столице Финляндии. Но мысли устремлены не к тому месту, где мы отдадим якорь, а к последнему на Балтике порту — Санкт-Петербургу. Снова вспомнили недобрым словом глав стран Большой восьмерки. Ведь собрались они в этом прекраснейшем городе только для того, чтобы лишний раз самоутвердиться. Весь ужас в том, что беда, от которой страдает один народ, зачастую оказывается вне интересов Большой восьмерки.

Могут ли моряки жить, трудиться и дружить, придерживаясь принципа «личных интересов»? Казалось бы, очень даже логично соблюдать пальмерстоновскую формулу: «У Англии нет постоянных друзей, у Англии нет постоянных врагов, у Англии есть постоянные интересы». Ущербность «формулы интересов» в том, чтобы не столько тебе было хорошо, сколько другому плохо. Все империи пали прежде всего из-за непрекращающейся реализации самоцельной формулы личных интересов. Я представляю, что будет если в шторм на борту окажутся люди, обуваемые корыстолюбием и собственными интересами. А чем, черт возьми, планета наша не судно в штормовом космосе?

Еще Томас Мор, которому давно перевалило за пятьсот лет, писал: «Гордыня и жажда суетной славы и власти — вот та ядовитая змея, которая, раз проникнув в вельможные сердца, внедряется в них до тех пор, пока разобшением и рознью не сокрушит всего, что есть, ибо каждый стремится сначала быть вторым после первого, потом — равным первому и, наконец, — главным и выше первого». Согласитесь, такой человек не может броситься в воду, чтобы спасти тонущего!

Лидер одной из могущественных стран поднял вой, что в Ираке производят атомную бомбу и химическое оружие, убедил мир (в лице сомнительного по своей объективности органа — Совета безопасности ООН) в том, что надо ударить по Ираку ракетами и бомбами. И вот годы подряд льется кровь невинных людей, в том числе и «замученного ребенка», однако в Ираке так и не нашли ни атома, ни химии... Кто следующий?

...Стоя у правого борта и вслушиваясь в шум подоспевшего, к счастью, попутного ветра и пенистых «усов» (так называют моряки разрываемую носовой частью киля толщу воды, которая и впрямь усами расходится по обе стороны носа судна), я продолжал смотреть на восток, где проходил саммит Большой восьмерки. И думал о том, что мир будет спасен только тогда, когда он (вместе с лидерами) твердо осознает, что, спасая утопающего, мы спасаем себя.

* * *

Хельсинки. Шведы называют его Гельсингфорсом. Я давно пришел к выводу, что развитие того или иного государства начинается с создания университета. Хельсинки был основан в 1550 году. Менее чем через сто лет был основан Хельсинкский университет. И несмотря на то, что страна то и дело подвергалась захватам — иногда на целые века, — в ней сохранилось национальное самосознание благодаря в первую очередь университету. Жан Поль Сартр считал, что уже с середины XIII века, то есть со дня основания Сорбонны, во Франции осознали такие понятия, как государство, народ, поколение и культура. Наверное, нечто подобное можно сказать и об Англии XII века, когда был основан Оксфордский университет. Даже теряя государственность, народ продолжал сохранять и крепить чувство государственности благодаря своим университетам. Так, армяне сохранили культуру, язык, чувство Родины, веру в возрождение благодаря многим монастырским учебным заведениям, которые зачастую перерастали в подлинные университеты. Полистайте мировые энциклопеды

дические словари, и вы узнаете, что еще в 1280 году в сюникском Гладзоре был основан университет, где изучали все (!) средневековые науки, где функционировали факультеты переводчиков, переписчиков научных трудов. При Гладзорском университете действовала самостоятельная школа миниатюры! То же самое было в Татевском университете и в высших школах Киликийского Армянского государства. Без них не была бы сохранена и спасена (несмотря на страшные потери) национальная культура, стратегическая мысль народа, нацеленная на будущее.

Финны считают, что это выпускники Хельсинкского университета добивались того, чтобы «простой город», в котором находилась их «альма матер», стал главным городом великого княжества Финляндского. Это было в 1812 году. А сразу после Октябрьского переворота выпускники университета, чутко уловив момент истины для своего народа, добились независимости. И именно с этого момента Хельсинки стал официальной столицей независимой Финляндии.

* * *

Если считать Санкт-Петербург первым портом, откуда начнется старт речного этапа, то Хельсинки — последний порт на пути нашего морского плавания. Уже здесь нам надо начать подготовку к качественно новому, большому отрезку путешествия «Киликии».

Финляндия для армян была *terra incognita* до XVII века, когда наши соотечественники прибыли сюда из Новой Джуги. Упомянув Новую Джугу, считаю нелишним напомнить, что так она называется только потому, что есть и Старая Джуга, находящаяся в Нахичеване. Это там к началу XX века сохранялось еще около десяти тысяч уникальных хачкаров, каждый из которых представлял собой надгробный камень. И всякий раз, знакомясь с историей армянской колонии в той или иной стране, куда одними из первых прибыли наши соотечественники из Джуги, невольно думаешь, что там, в нахичеванской Старой Джуге, на армянском древнем кладбище, уже не осталось ни одного хачкара и исчезли могилы тех, чьи потомки не только обосновались в иранском Исфагане (Новой Джуге), но и разбредлись по белу свету. В том числе дошли до Финляндии.

В библиотеке Хельсинкского университета сегодня хранится около четырех тысяч армянских книг, в том числе бесценные рукописи с миниатюрами. Здесь побывали революционер Степан Шаумян, поэт Ваан Терьян. Здесь на сцене финского

театра великий Ваграм Папазян играл Отелло. И сейчас здесь живет активной жизнью большая группа армян.

В Стокгольме мне дали домашний телефон одной супружеской четы с многозначительными именами — Абутовмас и Умтовмас. Знакомый с бытом армянских общин в арабском мире, я уже знал, что речь идет о первенце по имени Товмас. Абутовмас — это отец Товмаса, который до момента рождения сына был Саркисом Саргаряном. Умтовмас — мать Товмаса, которую зовут Вардуи. Накануне прибытия в очередной порт я связываюсь, как правило, с каким-то одним человеком. В Хельсинки это был Абутовмас.

Два слова о судьбе семьи Саргарянов, совершивших, я бы сказал, типичный, обычный на чужбине подвиг. У обоих родители родом из Тигранакерта (Западная Армения, сейчас — Турция). Мальшами они чудом спаслись от резни. Обосновались в Ираке. В пятнадцатом году отцу Абутовмаса было четыре года. В день свадьбы он скажет будущей матери Саркиса: «У нас нет другого выхода, кроме как иметь дюжину детей». Мать согласилась. И они сдержали слово. Родили шестерых сыновей и стольких же дочерей. Саркис родился в 1941 году. Систематического образования не получил. Сколько помнит себя, в Ираке и Кувейте не прекращалась революционная ситуация. Но ему хватило начального образования, чтобы жить в достатке, развить свой бизнес. Когда США начали войну в девяностом — девяносто первом, Саркис уже был отцом четверых малышей и потерял все. Абсолютно все нажитое. Дом, богатство, 25-миллионный бизнес. Саркис, шестидесятипятилетний жилистый и быстрый в движениях человек, искал пристанище, как наследка для своих птенцов. «В голове у меня были только дети, — говорит он, — и я не хныкал, не вздыхал, а вспоминал своих родителей, которые когда-то оказались в еще более плохих условиях, но в то же время думали только о том, чтобы не быть попрошайками. Я знал одно: нельзя сидеть сложа руки». И он нашел пристанище в Финляндии.

Еще об одном соотечественнике. Пожалуй, не было ни одного порта, где бы мы не познакомились с армянскими художниками. Хельсинки тоже не стал исключением. Арамаис Аветисян. Небольшого роста, круглолицый, с круглой белой бородой — в общем, весь округлый и улыбчивый. Вот уже двадцать лет живет и творит в Финляндии. Успел выставить свои работы более чем в десяти странах мира. Вместе со своими коллегами из двадцати двух стран создал творческую группу, которая организывает выставки, и каждый прославляет свою страну. Такой у них де-

виз. Арамаис мечтает перевезти все свои работы на Родину. Члены экипажа «Киликии» посетили его мастерскую.

...На судне я рассказывал ребятам о легендарном финне Пааво Нурми, который на трех олимпийских играх (Антверпен — 1920, Париж — 1924, Амстердам — 1928) завоевал девять золотых медалей в беге на длинные дистанции. Финский народ поставил своему прославленному сыну «живой» памятник. «Живой», потому что бронзовый бегущий Нурми антропометрически абсолютно повторяет оригинал. Вот уже десятки лет туристы выстраивают очереди, чтобы сфотографироваться у памятника.

Позируя у памятника Пааво Нурми, я думал о легендарном Серго Амбарцумяне, многократном рекордсмене мира по тяжелой атлетике. О том, что новое поколение начинает забывать даже имя неповторимого Юрия Врданяна. Кстати, на постаменте памятника Нурми приведены главные показатели легендарного спортсмена: кроме олимпийских медалей, это двадцать два мировых рекорда. Напомню, что Юрий Врданян установил... сорок три мировых рекорда! В том числе на Олимпийских играх в Москве в 1980 году. Восемь раз становился чемпионом мира и за свою спортивную карьеру завоевал 113 золотых медалей. Комментарии, как говорится, излишни.

Восемнадцатого июля в пять утра с борта «Киликии» мы хорошо видели восход солнца, которое, по словам финнов, рождается не просто на востоке, а прямо в Санкт-Петербурге.

Еще месяц назад, когда из Северного моря через Кильский канал вошли в воды Балтики, я уже думал о Финском заливе, где собирался сообщить экипажу о своих дальнейших планах.

И вот настал этот час. Мы в Финском заливе. Мне нужно объяснить ребятам смысл моего решения. На этом же собрании нам предстояло обсудить организационные вопросы, связанные с плаванием «Киликии» по рекам. Заранее было подготовлено письмо премьер-министра Армении Андраника Маркаряна на имя своего коллеги председателя правительства Российской Федерации Михаила Фрадкова. В письме говорилось о том, что «Киликия» прошла большую часть маршрута вокруг Европы и скоро прибудет в порт Санкт-Петербург. Далее участники экспедиции планируют пройти внутренними водными путями в Черное море под флагами Армении и России. Однако в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации проход иностранных судов, кораблей и иных плавсредств по России без специального решения правительства РФ запрещен. Вот армянский премьер и просил своего российского коллегу оказать содействие в этом вопросе.

Вскоре последовал положительный ответ Михаила Фрадкова. Так что я, как говорится, с чистой совестью попросил капитана объявить аврал. Сбор в кают-компанию. На руках у меня уже был текст моего выступления, который вовсе не был предназначен для печати. Однако главный почтмейстер «Киликии» Армен Назарян сам подготовил репортаж о собрании в кают-компанию, куда вошло и мое сообщение. Прочитирую вкратце:

«Дорогие друзья! Дорогая «Киликия»! Войдя в воды Финского залива Балтийского моря, мы, по существу, завершили, что называется, чисто морскую часть нашей многолетней экспедиции. Теперь «Киликии» предстоит пройти остаток нашего маршрута до Азовского моря исключительно по рекам, озерам, водохранилищам и каналам.

Я должен сделать искреннее признание. Еще в 1967 и 1970 годах вместе с двумя моими верными камчатскими друзьями я прошел полностью и тот участок пути, который с этой минуты предстоит пройти «Киликии». Так что для меня это уже пройденный путь и, согласно морским традициям, я не должен его повторять.

...С одной стороны, — традиция, с другой, — хочу напомнить, что нам срочно нужно построить в Ереване новый трейлер для переброски «Киликии» по суше от Поти до Севана. Так что я должен немедленно заняться решением этой важнейшей проблемы. Как только решу проблему трейлера, встретимся где-то на Дону.

Для меня традиции, если уж они сохранились в веках, будь то в памяти народа или на просторах морей, — сама святость. Их, как известно, нельзя унаследовать. Их можно только завоевать жизнью. Часто они заменяют нам надежный компас. И не случайно на всем протяжении нашего плавания для нас с вами морские традиции служили моральным кодексом, который предстоит строго соблюдать и после завершения экспедиции. Ибо «Киликия» — только начало большого пути.

До скорой встречи на борту «Киликии». Пожелаю вам уже, скорее, не попутного ветра, а бесперебойной работы двигателя и все тех же неизменных семи футов под килем».

Далее Арик во всех подробностях расписал ход этого спонтанного собрания. Последним выступил капитан Карен Балаян, поддержав предложение капитана-наставника официально избрать меня начальником экспедиции «“Киликия”»: плавание по семи морям».

Я не хочу цитировать здесь выступления ребят. И с самого начала не очень-то всерьез воспринимал повестку дня собрания, к которому, как можно было догадаться, ребята готовились тайком от меня. И в самом деле, какой смысл под конец экспеди-

ции, когда все моря остались за кормой «Киликии», поднимать вопрос об изменении штатного расписания? Но Арик завершил репортаж словами: «Могут, конечно, спросить нас: не слишком ли поздно экипаж решил официально избрать комиссара и летописца начальником экспедиции? На это я отвечу последней фразой его обращения: «“Киликия” — только начало пути».

* * *

Мне кажется, что я всю свою жизнь только и делал, что мечтал.

Так что, цитируя концовку моего обращения к экипажу и «Киликии», Арик хорошо знал, что именно означала фраза «“Киликия” — только начало пути». Это прежде всего мечта. Мечта, с которой я ношусь денно и ночью, кстати, вот уже полвека. При этом вовсе не думаю о том, что осуществить ее удастся лично мне. Я буду счастлив, находясь и на смертном одре, и на том свете, если она исполнится, если ребята из нынешнего экипажа «Киликии» или из будущего исполнят мою мечту, мечту моих друзей, по большому счету, всего нашего народа, — мечту о кругосветном путешествии на яхте «Армения» по маршрутам армянского спюрка. Мы не раз говорили, что маршруты эти на протяжении долгих веков преодолевались на парусных судах. От материка до материка только на парусах. И я ни на минуту не сомневаюсь, что придет день, настанет час, когда «Армения» выйдет в океан, и кому-то другому на ее борту предстоит выполнять судовую роль летописца.

Есть цели, которые перерастают в священный долг. Если мы серьезно не будем думать о будущем, то этого будущего у нас просто не будет.

* * *

Долго я собирал свои бумаги, перед тем как закрыть висячим столиком полки с книгами и рукописями. В моем черном дипломате поместились последние записные книжки, «Малый атлас мира», книга о многолетнем и многоэтапном межконтинентальном путешествии на лодках «Вулкан» и «Гейзер», которая вышла на армянском языке с очень красивым названием «Небесного цвета дороги». Таков буквальный перевод с русского «Голубых дорог». И в мое отсутствие на «Киликии» во время плавания по российским рекам репортажи должны регулярно выходить в средствах массовой информации. В «Голубых дорогах» рассказывается во всех подробностях о моем плавании тридцатипятилетней давности именно по тому маршруту, по

которому должна пройти «Киликия» сегодня. Знал, что у меня не возникнет проблем и с базовым материалом, ибо постоянно буду на связи с ребятами, да и Арик Назарян станет обеспечивать меня фотоснимками и текущей информацией с места.

Я работал даже в самолете, на котором летел из Хельсинки через Прагу в Ереван. Арик был удивлен, когда я ему отослал готовый материал сразу же по прибытии домой. Назывался репортаж ««Киликия» в Санкт-Петербурге». Пользовался, конечно, и страницами моей книги, которая вышла в свет более тридцати лет назад.

* * *

До сих пор «Киликия» не шла по воде ни одного метра без мачты. И сегодня она не похожа на себя. Прямо как человек с новой прической. И в таком виде ей предстоит плыть более четырех тысяч верст. Старинную русскую меру длины привожу здесь вовсе не для того, чтобы подчеркнуть географическое место нахождения «Киликии». На исторических картах и чертежах водных путей России все показатели приводятся в верстах. Не очень-то разнится верста от километра. Длиннее всего на 66 метров 80 сантиметров. Еще двести лет назад «Киликия», конечно, не смогла бы из Санкт-Петербурга добраться до дома. Ибо только в самом начале XIX века, при царе Александре I, была сооружена Мариинская водная система, соединяющая Волгу с Балтийским морем. Сейчас эта система называется Волго-Балтийским водным путем. Вместе с Беломорско-Балтийским и Волго-Донским каналами он делает Москву портом пяти морей. А пока задержимся в Санкт-Петербурге, где «Киликия» должна менять не только «прическу», но и систему управления.

По традиции несколько слов об «армянском» Санкт-Петербурге. Наши соотечественники здесь обосновались буквально в год рождения северной столицы России — в 1703 году. Сохранились документы, рассказывающие о том, что 27 мая 1703 года армянские строители и мастера принимали участие в закладке Петропавловской крепости. Вряд ли они предполагали, что именно этот день официально будет считаться днем основания Санкт-Петербурга. И немудрено. Ведь в России армяне появились в XI веке, еще во времена Киевской Руси. Крупные общины образовались в Новгороде, Казани, Астрахани, на Северном Кавказе и в начавшей застраиваться Москве. Армянские купцы из Новой Джуги (выходцы из Нахичевана) в Москве подписали исторический договор с царем Алексеем Романовым (отцом Пет-

ра 1) о предоставлении им беспрецедентных привилегий на право торговли шелком в России. Так что и впрямь немудрено, что среди первых строителей города Петра были армяне. Уже в 1711 году, за год до официального провозглашения Петербурга столицей России, Петр I подписал указ, еще больше укрепивший позиции армянских общин в России. Впоследствии традиции эти продолжили Екатерина II и последующие русские цари.

Так что «Киликия» причалила в городе, где еще в 1730 году существовали Армянская улица и Армянская церковь. При Екатерине II здесь действовали армянские типографии, печатались книги, буквари. В 1777 году вышел первый армяно-русский словарь, который был дополнен и переиздан в 1837 году при Николае I и с его письменного благословения.

Сегодня в Санкт-Петербурге проживает более шестидесяти тысяч наших соотечественников. Как сообщил во время очередной связи с бортом генеральный консул Армении Рубен Акопян, все они с нетерпением ждут встречи с «Киликией». Надо сказать, что организационные способности Рубена мы почувствовали и оценили еще на подступах к Питеру, когда в десяти милях от крепости Кронштадт у так называемого приемного буя нас встретил лоцман Андрей Мушкарев, который и «пилотировал» судно до места стоянки. К нашей общей радости, в Санкт-Петербурге судно ждали не только соотечественники и друзья, но и речная (отправленная из Москвы членом экипажа «Киликии» Арменом Есяном) система управления парусником, который до самого Азовского моря будет называться «моторкой».

Начались последние приготовления к речному плаванию, и скоро «Киликия» пойдет исключительно по каналам и рекам.

* * *

Вернусь на несколько дней назад, когда я летел из Хельсинки в Ереван. Этого требуют записи, сделанные тогда в блокноте. Дело в том, что я несколько часов сидел в ожидании ереванского рейса в пражском аэропорту. Но сидел не без дела: черный дипломат на колени — и журнальный столик готов. Могу и читать, и писать. В дипломате же, кроме книги «Голубые дороги», находились именно те материалы, которые нужны для описания плавания «Киликии» от Санкт-Петербурга до Ростова-на-Дону.

«...В эти минуты, наверное, «Киликия» обустроивается в Санкт-Петербурге. Помнится, во время службы на Балтике мы, кроме полюбившегося всем названия Питер, не менее любили и гордо звучащее словосочетание «Северная столица».

Заглянув в записные книжки тридцатипятилетней давности, я вычитал сведения, выписанные тогда из различных источников. Сейчас они воспринимаются мной совсем иначе. В 1713 году Петр перенес российскую столицу из древней Москвы в Петербург. Я представляю, что творилось в сердцах и душах москвичей. Понять их можно. С XIII века Москва — столица простого Московского княжества. С XV века — столица Великого Московского княжества. Двести пять лет Санкт-Петербург был не только стольным городом, но и официальным центром культуры, искусства, науки, исторической памяти, революционной мысли и самой революции. И вдруг — статус обыкновенного, рядового города.

...Первый учебный поход на линейном корабле «Октябрьская революция» в качестве курсанта второго курса радиолокационного военно-морского училища мне пришлось совершить от Кронштадта до Балтийска. Уже тогда было понятно, что Балтийский флот — идея Петра Великого. Но в юности я об этом не задумывался. А вот в 1970 году, путешествуя по Балтике уже в свои тридцать пять, постоянно размышлял о великой роли Петра I в деле укрепления мощи России, от судьбы которой так зависела судьба Армении. Уже тогда я считал, что путешествия, кроме утоления жажды опасных приключений, нужны для того, чтобы на живой карте изучать историю. Однако недремлющему главлиту не очень нравилось, когда советские авторы ударялись в дебри истории, а, тем более если он, автор, позволял себе какие-то комментарии. Я готов был зарыдать, когда из рукописи «Голубых дорог» выбрасывали даже то, что можно было найти в школьном учебнике. В московском издательстве «Советский писатель» цензор сказал мне: нельзя открытым текстом писать о том, что Кронштадт, по замыслам Петра, был форпостом, щитом для Ленинграда. И уж совсем нельзя было напоминать врагу, что если бы Петр I не открыл окно в Европу, то России пришлось бы по-прежнему пробираться в европейские страны через Архангельск.

По мнению цензора, в абзаце, который он вырезал, была заложена мина замедленного действия, ибо в нем содержался намек на то, что потенциальный противник СССР рано или поздно должен закрыть «окно в Европу». На него не действовали даже источники, на которые я ссылался. Вот он, этот абзац:

«...Многолетняя борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю была успешно завершена в начале XVIII века. Возвращение устья Невы и побережья Финского залива обеспе-

чило прямой путь во внешний мир. Если до открытия «окна в Европу» Россия, преодолевая долгие и трудные северные маршруты, с большими экономическими потерями добиралась через Архангельск до Англии, Голландии, Франции, скандинавских стран, то теперь путь этот был короткий, прямой и эффективный».

Далее я приволил известные со школьной скамьи мысли о том, что «окно в Европу» открыло новые возможности для внешних торговых связей России, которые способствовали экономическому развитию народного хозяйства. Да, подобного рода мысли тоже были засекречены, ибо «потенциальный противник» мог «вычислить» стратегическую роль Ленинграда для СССР. Мне потом сказали, что этого главлитовца вскоре уволили в связи с установленным не врачами, а самими коллегами диагнозом: маниакально-депрессивный психоз.

* * *

Волго-Балтийский водный путь. В былые времена — Мариинская водная система. «Киликии» придется пройти его от начала до конца, то есть от Невы до Рыбинского водохранилища, которое, по сути, является разлитой по берегам Волгой. Общая длина пути чуть менее 600 миль — 1000 километров. Наша теперь уже моторка в лучшем случае сможет преодолеть это расстояние в течение шести-семи суток непрерывного хода.

Хотелось бы рассказать читателям обо всех составляющих этой многосложной водной системы.

Итак, река Нева. Все 74 километра против течения надо пропыхать тремя лопастями винта, чтобы добраться до места рождения реки. Кстати, Нева в этом отношении напоминает Ангару и наш Раздан, которые тоже рождаются от озер — Байкала и Севана.

Ладожское озеро. В старину оно носило название Нево, давшее имя вытекающей из него реке. Маршрут «Киликии» пройдет по южной части озера до места впадения реки Свирь. Озеро буквально нашпиговано островами. Аж 660 штук. Глубины с лихвой хватят для нашего судна.

Свирь. Красивейшая река — естественный канал, соединяющий Ладогу с Онегой. Плыть опять придется против течения.

Уникальность Онежского озера заключается в том, что, скажем, та же «Киликия» отсюда могла бы запросто по Беломорско-Балтийскому каналу попасть через Онежскую губу в Белое море, а оттуда — в Баренцево море и далее везде. Однако пойдем дальше: по Онежскому — уже не озеру, а каналу — «Киликия» должна добраться до реки Вытегра, которая почти вся шлюзована.

Затем Мариинский канал (отсюда и старое название этой водной системы). Далее по Белоозерскому каналу, опять же с массой шлюзов, доберемся до реки Шексна, которая вытекает из озера Белое и впадает в Рыбинское водохранилище. Вот, пожалуй, и все. Все 1000 километров пути «нафаршированы» шлюзами. Экипаж, кажется, начинает привыкать к новой роли речников. Сравнить с морскими переходами, конечно, нельзя, но сказать, что это легкое дело — значит обмануть самого себя.

...А тем временем на «Киликии» заканчиваются последние приготовления. После небольшого обсуждения началась установка центрального руля, которая закончилась лишь двадцать пятого утром. Старые рули-весла пока не трогаем. Мачту сняли заранее и уложили ее на палубе. Все закреплено, все готово. С утра на судне — представители армянского консульства, таможенники, речного пароходства. Идет оформление необходимых документов. Все делается с многочисленными проверками. Ведь нам еще надо выходить из России, поэтому бумаги должны быть в порядке. Здесь же наши соотечественники. Все хотят быть полезными, каким-то образом облегчить те предполагаемые трудности, с которыми еще может встретиться экипаж «Киликии». Обстановка напряженная, но дружелюбная. Наконец все готово, и «Киликия» выходит в путь. В ее жизни начинается еще один, новый и суровый, этап, который ей обязательно нужно пройти до того, как она попадет домой. Счастливого тебе плаванья, «Киликия», в водах России!

* * *

Три года подряд с мая по сентябрь или октябрь я не бывал в Ереване. Конец июля 2006 года. Еще два дня назад был в довольно прохладном Хельсинки. И вот попал в настоящее пекло. В позапрошлом году в это время «Киликия» находилась на Черном море, где-то между Новороссийском и Ялтой. В прошлом году только-только вышли в Атлантический океан, и вот «Киликия» в Санкт-Петербурге и, как пишет Арик, стоит на том самом месте, где тридцать шесть лет назад стояли «Вулкан» и «Гейзер», а я нахожусь в Ереване, в Институте лазерной физики (так я коротко называю АОЗТ ЛТ — «Пиркал»). Именно здесь создали сварочным аппаратом уникальное в своем роде транспортное средство — трейлер. Слово не очень-то популярное. Куда привычнее и проще — прицеп. В нашем случае — довольно необычный прицеп. Это почти то же, что шить костюм для человека с очень нестандартным телосложением.

У «Киликии» был свой транспорт. По крайней мере, ее на нем возили со стапелей до главной площади Еревана. Оттуда — до Севана. Оттуда — до ереванских солерудников. Оттуда — прямо до Поты. Потом трейлер этот автогенном перерезали, как колбасу, на два куска, чтобы легче было доставить на грузовой машине до Еревана.

Никому из нас в голову не могло прийти, что наши соотечественники возьмут и перережут автогенном трейлер, чтобы растащить по деталям: тавровая, двутавровая, швеллерная, круглая балка. Словом, бесценный металлический профиль, столь нужный сегодня в Армении, где идут бурные строительно-ремонтные работы. Прибавьте к этому еще двадцать четыре колеса от УАЗика. Столько же дефицитных пружин, которые в свое время достали в Спитаке, где еще недавно выпускали известный на весь СССР спитакский лифт. Наши пружины взяты из лифтов, которых сейчас, конечно, уже нигде не найдешь.

Каждый день я ходил в Институт лазерной физики как на вахту. Конечно, институт этот ничего общего не имеет со всякими там трейлерами и стальными швеллерами. Просто с 2001 года и до старта «Киликии» там директорствовал сам Арик Назарян, который все и организовал. К счастью, те мастера-кудесники, которые создали трейлер-1, оказались в городе. Более того, в городе оказались сам действующий директор Гагик Буниатян и ветеран-лазерщик Жорес Авилян. В директорском кабинете, где некогда восседал Арик Назарян, провели первое совещание. Определили срок — две недели. И началось самое неприятное — доставание материала. Споры нет, в этом отношении капитализм выгодно отличается от социализма. Были бы деньги. Но только не в нашем случае. Ибо мы создаем механизм, который сходу станет раритетом, не имеющим аналога в мире.

* * *

На моих глазах и впрямь сотворилось чудо. Я видел, как с каждым днем конструкция обретает знакомые формы трейлера-1, веяло сладостным чувством окончания эпопеи «“Киликия”: плавание по семи морям». В один из визитов я привез на строительную площадку сотрудников «Айлора» (Телевести первой программы), который давно стал почетным коллективным членом экипажа «Киликии». Ребята готовили репортаж о том, как строится специальный транспорт, на котором армянское парусное судно, обогнув европейский континент, вернется домой. И именно в это время я вдруг почувствовал, как трепетно

сжимается сердце в груди. Такое бывает часто: вдруг представишь родное существо, и тебя охватывает шемящая тоска.

Теперь, видя, как с каждым днем наращивает стальные мускулы наш спасительный трейлер, я подумал о том, что «Киликия», плывущая по речному течению без мачты, без парусов, без приятного ощущения ветра, наверняка чувствует приближение финиша, за которым уже никогда не последует новый старт. И я вдруг явственно услышал ее:

— Я чувствую, что скоро все придет к концу, — сказала «Киликия».

— Ты имеешь в виду конец проекта «По семи морям»? Но это вовсе не значит, что мы расстанемся так, словно умираем.

— Не надо забывать, что меня зовут «Киликией» потому, что, как ни крути, я родом из Киликии.

— У нас сегодня чуть ли не вся Армения родом из разных районов исторической родины, в том числе и огромное количество народа — из Киликии.

— Согласна. Однако история Киликийского Армянского государства, как я глубоко чувствую, — особая история.

— Ты знаешь, «Киликия», последние три года я не расстался с историей и даже историографией Киликийского Армянского государства. Плавание наше лично для меня стало настоящей школой, где главный предмет — история. Скажу тебе честно, что произошло за это время. Я не то чтобы изменился, а скорее понял, что нельзя любить без уважения. Это, если хочешь, обязательное условие. Во время нашего долгого плавания я все свои жизненные принципы сконцентрировал в трех словах: любить, сострадать, прощать. Это как код, как ключ, как пароль. Должен признаться, что отношение к тебе основано на трех этих поистине христианских заветах. В твоём образе я вижу саму Киликию, которую мы потеряли, и вот теперь создается впечатление, что мы возвращаемся в Айас. По крайней мере, обострилась наша память. Видел это всюду, везде, где ты отдавала якорь. Я ведь хорошо понимаю, почему тебя интересуют причины падения Киликии. Ты, как и мы все, боишься повторения истории.

Сегодня часто приходится слышать о том, что в связи с нарастающей мощью соседних государств армянам надо соглашаться с требованиями Запада, Европы. А вот что писали в разное время о Киликии историки Алишан и Микаелян. Приведу абзац, который я составил из текстов обоих авторов: «Видя активизацию Египетского султаната и ослабление монголов, все более и более свои надежды возлагали на Европу, соглашаясь с требованием папства о

создании унии армянской церкви с римской». Одна только идея эта привела общество к страшному расколу. Одни считали, что, как только Армянская апостольская церковь подчинится католической, «Европа незамедлительно окажет помощь Киликии». Другие утверждали, что в таком случае мы потеряем не только Родину, но и само армянство, которое, оказавшись на чужбине, в течение одного поколения растворится в разных народах и религиях.

— Что же было делать, если из года в год Киликия ослабевала?

— Вот это и есть ответ. Из года в год она ослабевала исключительно по субъективным причинам. Хотя справедливости ради надо сказать, что было одно исключение. Самая что ни на есть объективная причина: чума, безжалостно поразившая Азию, Африку, Европу и, разумеется, Киликию. Немалая часть армян вынуждена была переселиться на чужбину. Это было в 1348 году. До гибели Киликийского Армянского государства оставалось двадцать семь лет.

— Ты приводил много примеров об обещаниях папства, Европы, Запада помочь Киликии. Сейчас происходит нечто подобное. Если уж мы говорим об уроках истории, ты просто обязан найти такой аргумент, который заставит призадуматься сегодняшних армянских политиков, государственных мужей, от которых зависит будущее страны. Ведь моя Киликия вовсе не была обречена на гибель.

— Я попробую. Даже при могущественном Левоне II духовенство и феодалы ели друг друга поедом. Они все поглядывали на Европу. А после смерти Левона II, несмотря на углубление раскола, последующие цари не раз добивались побед и успехов на различных фронтах. Однако при каждом, даже незначительном, поражении общество разъедали внутренние раздоры, что становилось привычкой. И до того привыкли к раздорам, что даже победы их уже не сплачивали. Народ воевал. А у верхушки на уме была только обещанная помощь от папства. На твой вопрос я отвечу цитатой из монографии «История Киликийского Армянского государства». Ты только слушай внимательно и проводи параллели с сегодняшним днем: «...В течение всей первой половины XIV века папский престол, обещая Киликийской Армении военную помощь европейских государств, специально вводил в заблуждение ее правящие круги и обострял отношения между Киликией и Египетским султанатом. Папство вызывало у султана опасения, что Киликия может стать базой для крестоносцев в случае крестового похода».

- Действительно, ужас.
- Мне остается тебе сказать, что за эти долгие века ничего не изменилось на нашей земле.
- И что надо делать?
- Верю, что-нибудь сделаем. Ты пока плыви вниз по Волге. А я здесь прослежу, чтобы трейлер построили в срок. Обещаю, что буду плыть к тебе на каком-нибудь катерочке с армянским флагом в руках.

* * *

И впрямь я соскучился, хотя не прошло и недели разлуки с «Киликией». С ней легче. Она удивительным образом выходит со мной на связь, и мы или беседуем, или чувствуем друг друга. А тут еще и десять друзей собрались на борту «Киликии». Их у меня, конечно, гораздо больше, чем десять. Еще в юные годы, впервые оказавшись на военном корабле, я понял, что морская дружба — какая-то особенная. Настоящий друг может быть похожим и на скалу, и на мать с ее фанатической преданностью, и на крепостную стену — словом, много нашел я сравнений. Но, увидев в Царском селе (город Пушкин) на какой-то церквушке солнечные часы, я подумал о том, что друг никак не может походить на них. Разве можно представить друга, который нужен тебе только в солнечную погоду? А ночью? А в шторм, когда друзья друг другу нужны больше всего? Нет, солнечные часы не годятся для сравнения.

Я понимаю: когда вся эта эпопея закончится, постепенно мы будем отдаляться друг от друга. Однако, уверен, что так думают и чувствуют все: в целом дружба эта навеки. Пусть сейчас на борту «Киликии» всего лишь десять человек. Но в их лице я вижу всех, кто с нами плавал. Хотя сейчас, в эту минуту, скучаю и думаю только о них. О каждом из десяти.

Как-то в руки мне попал, как принято говорить у литераторов, толстый журнал. Начал читать страницу за страницей, не очень улавливая суть жанра. Нечто среднее между эссе и какими-то философскими размышлениями, не связанными сюжетной канвой. Звали того журнального автора Эмиль Мишель Чоран. Этот французский мыслитель доказывал, что рай — понятие сельскохозяйственное, ибо речь идет о саде. В конце концов, райский сад — это настоящий сад с фруктовыми деревьями. А этот постулат наталкивает на очень даже интересные мысли. В том числе и о том, что в раю можно быть блаженным, если тебя не будет тянуть ни к власти, ни к знаниям. Ну, к власти — это еще куда ни шло, черт с ней, с властью. А вот не тя-

нуться к знаниям никак нельзя — сад зачахнет. Надо же Адаму (или Еве) быть хотя бы агрономом-садоводом. А это — уже целая наука. Я, конечно, не подвергаю сомнению библейские истины. Мне просто захотелось самому развить интересные мысли Чорана, который считал, что он создан из того, что потерял. Я в своей жизни так много терял и так мало находил! Но зато доволен я памятью, которая позволяет обнаруживать, вспоминая. Вот я сейчас вспомнил парижского отшельника (он сам так себя называл) Эмиля Мишеля Чорана, который — в это трудно поверить — написал целый труд о... тоске. Даже пытался дать объяснение понятию «тоска». И кажется, объяснил: «О тоске можно рассказать теми же словами, что и о море». Вот так!

И я, следя за тем, как колдует над огнем и железом сварщик Мамикон, тоскую по ребятам, вспоминая море. Тоскую по ребятам, которые сейчас находятся на борту: Самвел Саркисян и Гайк Садоян, Мушег Барсегян и Ваагн Матевосян, Гайк Бадалян и Самвел Бабасян, Армен Назарян и Арег Назарян, Карен Балаян и Самвел Карапетян и, конечно, «Киликия» — Рубинян (по имени династии князей и царей Киликии Рубинянов).

* * *

Практически во всех населенных пунктах Поволжья есть армянские общины, начиная от Ярославля и до самой Астрахани. Во многих городах функционируют армянские церкви и школы. Издаются газеты и книги. Об истории армян в Самаре написана даже капитальная монография «Армения и армяне Самарской губернии». Автор ее, предприниматель и общественный деятель Артур Мартиросян, среди прочих исторических свидетельств об армянской общине приводит интересный перечень издававшихся в Самаре календарей, которые выходили с конца XIX века до 1916 года: «Календарь и памятная книжка Самарской губернии». В каждом из них имеются подробные сведения об армянах.

Экипаж «Киликии» на протяжении всех трех этапов плавания убеждался, что всюду, где есть армянская община, непременно находятся настоящие патриоты, харизматические лидеры, которые проводят многотрудную организационную работу по объединению всех сил сообщества. Таким в Самаре в свое время и оказался Артур Мартиросян. И вот в 2003 году открывается армянская церковь Святого креста, работает спортивный комплекс «Звартноц», «Радио-7», газета «Бари луйс» («Добрый свет»). В самарских вузах обучаются около девяти тысяч армян, из них более двухсот — в Медицинском универ-

ситете. «Киликия» проходила Самару ночью. Город мирно спал. Естественно, у экипажа было некое чувство вины оттого, что здесь не остановились, но сердца ребят были исполнены любви к соотечественникам, которые не по своей воле оказались здесь и, тем не менее, выполняют свою миссию, наилучшим образом представляя свой народ.

...Саратов. Армяне здесь обосновались при русском царе Алексее Романове. Это были армянские купцы и мастеровые из нахичеванской Джуги. Центральную Волжскую улицу города старожилы Саратова до сих пор называют Армянской. Именно так она именовалась до 1941 года. И думается, очень символично, что в 2000 году именно вблизи бывшей Армянской улицы был установлен хачкар. Тридцатитысячная армянская община Саратова имеет свою воскресную школу «Наири», культурное общество, которое регулярно проводит Дни армянской культуры, выпускает газету «Матенадаран». В Саратове, задолго до стоянки, «Киликию» встречал на своем катере Армен Котанджян с сыном и другом Абрамом. Дул сильный ветер, и два судна, одни на большом водном пространстве, долгое время шли рядом: «Киликия», символизирующая старую добрую мать-Армению, и современный катер, символизирующий молодой спюрк новой волны.

...Волгоград. Нынешнее поколение, наверное, не знает, что в 1942–1943 годах, в самый разгар Отечественной войны здесь, на берегу Волги, кроме всего прочего, решался шекспировский вопрос для армян: «Быть или не быть?» Ибо, по решению Гитлера, падение Волгограда должно было стать сигналом к нападению не только Японии, но и Турции на Советский Союз, а значит, и на Армению. Не случайно тысячи и тысячи наших соотечественников героически воевали на Волге, сознавая, что Сталинградская битва откроет дорогу к окончательной победе и к спасению собственного народа. Сегодня около сорока тысяч наших соотечественников трудятся в этом священном городе, гордясь своей принадлежностью и к Армении, и к России. В годы сталинского атеистического вандализма в Волгограде была разрушена армянская церковь Ахтамар. Сегодня уже построена новая. Действует воскресная школа, культурный центр.

Тринадцатое августа, воскресенье, три часа дня. На берегу скопилось множество встречающих. Встречали «Киликию» почетный консул Армении Гагик Шамирян, вице-консул, известный предприниматель Ашот Григорян, настоятель церкви отец Магакия, молодежь в национальных костюмах и, как это было и в Нижнем Новгороде, трио — зурна, доол (бубен) и аккордеон.

Сразу после приема на берегу экипаж «Киликии» отправился в местную церковь, где отмечался праздник святой Богородицы и праздник освящения винограда. На следующий день экипаж «Киликии» на Мамаевом кургане возложил цветы к Вечному огню. Именно в Волгограде «Киликия» рассталась с Волгой и через Волго-Донской канал вошла в воды последней реки — Дона.

* * *

Дела в Ереване завершены. Задание экспедиции выполнено. И вот спешу доложить, в первую очередь самой «Киликии», что все будет в порядке. Пока она обогнет Европу и вновь войдет в воды Черного моря, замечательные парни перебросят трейлер в Потти. Те самые, которые три года назад по горным дорогам и по бездорожью, по крутым и пологим перевалам Армении и Грузии шли впереди и сзади «Киликии», внимательно следя за тем, чтобы не произошло ничего чрезвычайного.

Лечу в Ростов-на-Дону, чтобы оттуда, как уже говорилось, на каком-нибудь катере или любом другом плавсредстве плыть против течения навстречу «Киликии». Но до этого я должен в Ростове подготовительные работы для встречи и отправки экспедиции. Для встречи безмачтового судна и отправки парусника с мачтой и парусами. И за эти два-три дня я, конечно, встречу с огромным количеством людей. Их имена заполнят мой блокнот.

Здесь ведь не традиционная община, а настоящее аборигенное армянское население. Какое раздолье для очерков, зарисовок, сцен, сюжетов! И как же я могу обойти вниманием моего самого верного и самого древнего друга Виктора Казьмина, с которым мы учились в Рязанском медицинском институте! Работали целый век вместе на Камчатке. Сына своего он назвал моим именем. В соавторстве мы писали проблемные медицинские статьи в «Камчатской правде» и «Литературной газете». Сотни раз в моих книгах я так или иначе упоминал его имя. Написал о нем пространный очерк в «Камчатской правде», поведав миру о том, что мой друг первым на далеком полуострове защитил кандидатскую диссертацию на базе материалов, собранных на месте, на Камчатке. Виктор со своей семьей давным-давно живет и работает в Ростове. Успел написать около сорока просветительских книг, в которых популярно рассказывает, как надо питаться, дышать, предупреждать ту или иную болезнь, беду — словом, как надо жить. Сам при этом не придерживается собственных рекомендаций.

Как мне не рассказать о семье Огорянов: отец Леонид, сыновья Саркис, Самвел и Роберт. Талантливые и симпатичные люди эти Огоряны. Родом они из Джавакха. И родину свою вспоминают не вздохами. Леонид Огорян в селах Норашен и Сухлис построил школы и сам же в торжественной обстановке открывал их. Это его сын Саркис предоставил мне свой катер, на котором я на бешеной скорости (около ста километров в час) мчался к «Киликии».

А разве можно обойти вниманием милую старушку Арпеник Каспаровну? Когда она назвала свою фамилию, я попросил, чтобы она написала ее собственной рукой. Известная в Армении фамилия Аматауни, или Аматаунян. Она написала так, как произнесла — Амадуньян. С мягким знаком. Арпеник Каспаровна специально пришла к нам, чтобы преподнести редкий дар. Она так и написала на открытке: «Примите в дар эту старинную книгу «Киликия», изданную в Санкт-Петербурге в 1894 году, от жительницы г. Ростова-на-Дону. 20 августа 2006 года».

Темно-зеленой переплет в золотом обрамлении узоров, которые можно встретить на традиционных хачкарах. Золотом выведено по-армянски «Киликия», наверху — «Матенадаран “Аракс”», внизу — «Петербург». Кое-что есть и на русском: «Дозволено цензурою. С.-Петербург. Паровая Скоропечатня Я. И. Либермана. Фонтанка, 86».

Из объявлений, помещенных в конце книги, можно узнать, что в Санкт-Петербурге ежегодно печаталось множество поддобных изданий. Там приводится даже цена на подписку, выраженная в рублях, долларах и гульденах.

Милая Арпеник Каспаровна наверняка знала, какой она преподнесла нам дар. Книга действительно уникальная. Она не столько историческая, сколько географическая: подробно описываются в ней рельеф, ландшафт, различные области Киликии. Уникальна она еще и тем, что неизвестный автор сумел, Бог весть откуда, достать не миниатюры, а литографические рисунки и картинки киликийских городов и крепостей, портреты воина, стоящего рядом с боевым конем, киликийского армянина в национальной одежде, католикоса всех армян.

— Я вас просто так не отпущу, — сказал я тетушке Арпеник, — вы мне должны рассказать о себе. Хотя бы о том, как вы попали в Ростов.

— Я вовсе и не попала. Я родилась здесь. Училась в армянской школе. А родители мои из Вана. В тысяча девятьсот двадцать втором году после очередной большой резни они стали беженцами и оказались здесь.

Обратите внимание, как точно выразилась Арпеник Каспаровна, сказав не «после геноцида 1915 года», а «после очередной большой резни». В армянском, кстати, термин «геноцид армян» часто озвучивается как «большая резня».

...Встречи. Встречи... И не с рюмкой в руке, когда в общем-то отдыхаешь, а с блокнотом и карандашом. Конечно, в основном это наши соотечественники, что вполне понятно. В этом регионе испокон веку была капитально обустроена еще одна Армения. Новая Армения. Не случайно столицу армянского края еще при Екатерине II армяне называли Новый Нахичеван. В память о старом, об историческом Нахичеване. Нор (Новый) Нахичеван был переименован в Пролетарский. Однако совокупная память армянского населения сохранила все исторические названия края. И всякий раз, оказавшись в Ростове-на-Дону, я испытываю соблазн написать нечто капитальное об этом удивительном кусочке Армении, разбросанной по белу свету. Даст Бог, успею. А пока расскажу еще о некоторых встречах в рамках экспедиции «Киликия»...

...Виктор Кривопусков. Два с лишним года он пристально следил за плаванием армянского парусного судна и ждал того дня, когда «Киликия» бросит якорь в Ростове-на-Дону. Когда мы начали устанавливать мачту, снятую еще в Санкт-Петербурге, Виктор приземлился в ростовском аэропорту. Он прилетел из Москвы специально, чтобы встретиться с экипажем в близком ему городе. Вот что написано об авторе на обложке книги «Мятежный Карабах»: Виктор Владимирович Кривопусков. Родился в Воронежской области. Жил, учился и работал в Ростове-на-Дону. По образованию — филолог и юрист, кандидат философских наук. Ответственный работник ЦК ВЛКСМ. Работал дипломатом в Йемене. Подполковник милиции. Начальник штаба следственно-оперативной группы МВД СССР в первой и самой «горячей точке» СССР — в Нагорном Карабахе. В настоящее время — президент Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией. Подружились мы с Виктором в Карабахе, который неконституционным указом Горбачева был объявлен районом чрезвычайного положения.

В постижении проблемы Карабаха одним из главных учителей Виктора Кривопускова был Юрий Андреевич Жданов. При упоминании имени этого человека многие вспоминают лишь то, что он был зятем Сталина. А между тем в историю Жданов вошел в первую очередь как видный и разносторонний ученый: известный химик, философ, один из авторов научного открытия в области динамической химии, член-корреспондент Ака-

демии Наук СССР, тридцать лет проработавший на посту ректора Ростовского государственного университета.

Я о Жданове ничего не знал. Интересная деталь: о том, что был он зятем Сталина, впервые услышал здесь, на Дону. Это было в 1967 году, когда мы плыли на наших двух камчатских лодках по Дону и каждый вечер включали «Спидолу». Слушали «Голос Америки». Ибо каждый вечер в одно и то же время диктор читал текст книги Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Вот оттуда впервые и узнал я о втором зяте «отца народов». Но я не знал, что где-то далеко от Армении живет человек, который изучил проблему Карабаха, думая о судьбе своей России. Не знал, что человек этот в дни, когда шли горячие бои на арцахском фронте, писал руководству страны: «Помехой для Турции на пути к Турану и среднеазиатскому подбрюшью России была не просто Армения, а армянский народ, тесно связавший себя дружескими христианскими узами с Россией. Около двух миллионов армян, ставших жертвами геноцида в начале XX века, — это результат попытки реализовать пантюркистскую идею возрождения нового Турана под эгидой Турции».

Так уж получилось, что Кривопусков повез меня к Жданову именно 20 августа, в день рождения Юрия Андреевича, которому исполнилось восемьдесят семь лет. Именинник лежал в клинике. Ехали мы к нему вместе с руководителями ростовского отделения Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией Юрием Волковым и Валерием Джагаспаяном.

Казалось, будто весь Ростов собрался во дворе клиники. Узнав о том, что Жданов тяжело болен и что свой день рождения он проводит на больничной койке, многие ростовчане решили просто оказаться в непосредственной близости от человека, который так много сделал для их родного города и родного края. Нашу группу встречали у входа в клинику. Юрий Андреевич ждал нас. Он подарил мне сборник стихов. Надпись была сделана заранее. Я не остался в долгу. Зная о том, что он интересуется судьбой Карабаха, я подарил ему книгу «Между адом и раем», которая имеет подзаголовок «Карабахские этюды». Лежа на высоких подушках, восьмидесятисемилетний именинник время от времени отвечал на телефонные звонки. В эти минуты я перелистывал сборник стихов Жданова. Открыл какую-то страницу. Первая строка первой строфы вынесена в название книги: «Отдай себя духу». Именно в это время Юрий Андреевич, заговорив о «Киликии», сказал:

— Про удивительный маршрут ваш на удивительной яхте мне рассказывал Виктор. А вы мне расскажите об экипаже.

— А у нас на борту совсем как у вас в стихах: мы отдаем себя духу и дарим себя другу. Таков наш принцип.

— Таков и мой принцип, — улыбнулся поэт Жданов.

И я прочитал вслух, не скрывая волнения:

Отдай себя духу,
Сожги себя делом,
Дари себя другу —
Душою и телом.

Смелее подаришь —
Щедрее получишь.
Лишь так ты воспрянешь,
Лишь так ты пребудешь.

Раздай все, что знаешь,
Умеешь и смеешь.
В себе умираешь —
В другом уцелеешь.

Наступила короткая тишина, которую нарушил именинник:

— Я, как видите, уже умер в себе. И даже знаю, в ком я уже уцелел...

По дороге на пристань, где стояла «Киликия», я спросил Юрия Волкова:

— Когда я показал Жданову «Карабахские этюды», он сказал, что Карабах, по сути, должен входить в твое «Регионоведение» — о чем это?

— Чтобы вы могли это узнать, мы должны заехать к нам, в Ростовский государственный университет. И там я не только расскажу обо всем, но и покажу, даже подарю вам кое-что.

Когда мы вошли в кабинет проректора Ростовского государственного университета Юрия Григорьевича Волкова, он протянул мне толстую, как Библия, книгу в пестром переплете — карту юга России, на самом верху крупным шрифтом выведено в две строки слово «Регионоведение». Подзаголовок — «Юг России: краткий тематический словарь». Под редакцией Юрия Волкова и Александра Попова. Это энциклопедия юга России с описанием истории, географии, экономики, культуры народов региона. Здесь в алфавитном порядке помещены ответы на многочисленные вопросы. Конечно, сегодня в понятие Юга России не входят районы, которые уже отпочковались от

нее после распада СССР. По мнению Юрия Жданова, в исторической части подобных изданий следует описывать регионы, которые ранее входили в состав Российской империи. Отсюда и его реплика о том, что в книге «Регионоведение» должно быть упоминание о роли и значении Карабаха в истории России.

Из кабинета проректора РГУ Волкова я вышел с тяжелым грузом. Вряд ли Юрий знал, что я за один вечер проштудирую его интересную монографию «Идентичность и идеология: взгляд в будущее». Для меня самое важное слово в названии этого научного труда — «будущее». Вернее, словосочетание «взгляд в будущее». Это — вечная моя тема, к которой я все время возвращаюсь. Очень хотелось бы поговорить об этом с «Киликией».

* * *

Словно и не расставались на целую неделю. Словно не виделись сто лет. Эти дорогие моему сердцу ребята мне явно приходятся родными, а не просто близкими. Мы — члены одной большой семьи. «Киликия» всех объединила. Накрепко. Правда, не успел я подняться на палубу, как увидел двух незнакомцев. Когда такое видишь, находясь в порту у стенки, чужак воспринимается нормально. Гость и есть гость. Но гость может быть только на стоянке, на берегу. А «Киликия» плывет. Пусть без мачты и парусов, но все же плывет.

Привычно обнявшись со всеми ребятами, звонко похлопав по их загорелым плечам и спинам, я пожал руки чужакам и с места в карьер начал расспросы с блокнотом в руках. В ходе беседы я понял, что они меня уже знают. Успели перелистать обе книги о плавании, которые есть в судовой библиотеке. Оба матерые морские, точнее, речные волки.

Лоцман первого класса Николай Павлович Перцев. По его расчетам, большую часть своей шестидесятилетней жизни провел на воде.

- А что вы конкретно делаете на «Киликии»?
- Выполняю роль лоцмана.
- А кто вам сказал, что капитаны, вахтенные, матросы на «Киликии» не в состоянии вести лоцманскую службу?
- Никто этого не говорил. И сказать не сможет. Если быть честными до конца, то на борту этого деревянного судна, прошедшего тысячи и тысячи миль по морям и океанам, нам нечего делать.
- А почему все-таки вас двое на «Киликии»?
- Чтобы поочередно нести вахту.

— А если бы иностранец путешествовал по Волге на крохотной «Казанке», где смогли бы поместиться только два человека?

— Не знаю. Знаю, что есть закон, запрещающий плавать на российских реках без сопровождающих лоцманов.

— И сколько стоит услуга лоцмана?

— Платят-то в основном государству. Насколько я знаю, более десяти тысяч долларов. Это только на одном участке.

...Тему эту развил напарник Перцева лоцман Валерий Николаевич Шамашугин.

— Нам с Колей прямо-таки неловко. Таким мастерам своего дела, как ваша команда, во всем мире платят нормальные деньги, их поощряют и награждают. Особо должен отметить молодых. У них большое будущее.

...Бедный Валерий Шамашугин! Знал бы он о мытарствах Карена Балаяна, который без гроша за душой начал эту эпопею. Начал вместе с прекрасными ребятами, у которых тоже не было денег. А ведь не игрушку создали, а целое океанское судно. И вот, слава Богу, государство и множество добрых людей помогают, чтобы неслыханный проект осуществился. Но знал бы кто-нибудь, с каким трепетом все мы относимся к такому прозаическому делу, как финансовый отчет. Порой бывает унижительно (сначала этим вопросом занимался Карен Балаян, а затем — они вдвоем с Ариком Назаряном) думать о чеках, квитанциях, особенно когда покупаешь на базаре продукты или на барахолке — запасные части от мотора, от генератора.

Однако все это мелочи жизни. Главное, мы показали и доказали нашему народу, что «Киликия» — это очень серьезно, очень важно, очень нужно и что она в целостности и сохранности вернется домой.

* * *

Последние пятьдесят-шестьдесят километров нам то и дело звонили из Ростова, справлялись о точном времени прибытия «Киликии» в город. Естественно, больше всех беспокоился генеральный консул Армении в Южном федеральном округе Российской Федерации Арарат Гомцян. И это можно было понять. Ибо, как нам сообщили, встречать «Киликию» приехали в Ростов из разных регионов Южного округа. Ждали ее также нетерпеливые газетчики и тележурналисты. Однако от самого парусника ничего не зависело. Своя родная скорость около пяти узлов (на реке правильнее будет применять десятичную систему мер длины — около десяти километров в час) плюс скорость течения

самого Дона. Тут уже ни прибавить, ни убавить. Максимальная скорость — около четырнадцати километров в час.

Разумеется, чем ближе к устью Дона, тем он полноводнее и шире. Берега эти, повторюсь, я влюбленно осматривал еще тридцать девять лет назад. В моем судовом архиве есть вырезка из «Вечернего Ростова» от 10 августа 1967 года. Газета опубликовала тогда заметку «Трое в двух лодках». Имелись в виду «Вулкан» и «Гейзер»... На корме каждой лодки надпись — «Петропавловск-Камчатский». «Неужели столь далекий путь проделали эти два легких суденышка?» На этот вопрос корреспондента В. Ульянова отвечали тогда я и мои верные друзья. Заметка сопровождалась снимком: «Путешественники на своих лодках у ростовских берегов». В книге «Голубые дороги» я довольно подробно описываю эти берега. Ведь тогда мы шли против течения с очень маленькой скоростью и вдоволь любовались красотами Дона, где редко встречались плавсредства. Сейчас другое. Огромные пузатые «пассажирки», танкеры, сухогрузы, буксиры, за которыми тащатся гигантские платформы с металлоломом, песком, древесиной, машинами.

С королевской точностью «Киликия» подошла к причалу, на котором возвышался флагшток с армянским триколором.

...Еще до прибытия в Ростов-на-Дону мы твердо знали, что непременно посетим (я — во второй раз) Мясникянский район с центром Чалтырь. Именно здесь зародились первые армянские поселения около двухсот тридцати лет назад. Оператор «Киликии» Самвел Бабасян почти весь световой день носился с тяжелой камерой на плече. Достаточно было совершить экскурсию по залам историко-этнографического музея в районном центре, чтобы наглядно представить всю генеалогию армянства на Донщине, начиная с первых его ветвей Ани, Старого Нахичевана и Крыма. Самое удивительное, что в домах первых переселенцев сохранились предметы быта и культуры, перевезенные из Западной Армении еще пятьсот-шестьсот лет назад, и они вошли в экспозицию музея. Вся история уникального края — это часть истории армянской культуры: Микаел Налбандян, Рафаел Патканян, Мартирос Сарьян, Мариетта Шагинян и многие, многие другие.

...Экипаж готовится к выходу в седьмое, последнее на нашем маршруте, Азовское море. Накануне от имени Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией прислал телеграмму его президент, наш добрый знакомый, мой друг Виктор Кривопусков. В ней, в частности, отмечалось: «Трех-

летний бросок «Киликии» из тринадцатого в двадцать первый век превзошел все ожидания... И теперь «Киликия» омывается водами Тихого Дона, где появились первые зачатки героического русского флота, где с древнейших времен зародилась и сейчас развивается христианское единство и благоденствие двух наших братских народов».

* * *

Настала пора прощания с Ростовом, с Донщиной. Впереди у «Киликии» еще долгий путь по территориальным водам России. Но в Ростове-на-Дону мы расстаемся с особым кусочком и участком истории русского и армянского народов. Она, история эта, уходит в глубь веков. Речь даже не о легендах, сказаниях и песнях. Речь в данном случае о таком осязаемом аргументе и историческом источнике, как бесценный памятник русской культуры, первый памятник русской письменности «Повесть временных лет». Там буквально на первой странице есть указание об «Армении Малой и Великой». Уже в X веке, на заре христианской России, русские князья стратегически осознали роль, значение и важность помощи армян в исторических царьградских походах. В XI веке армяне принимали активное участие в сражениях против половцев. В древности, как известно, славились во всем мире армянские врачи. И отец русской истории Н. М. Карамзин отмечает в своей «Истории государства Российского»: «Во времена Мономаховы славились в Киеве армянские врачи». Далее историк приводит конкретные примеры.

Хроника истории обоих народов и обеих стран тщательно выписана летописцами и историографией. И бóльшая часть — это страницы, рассказывающие о совместной борьбе против общего врага на поле боя. Будь то Грюнвальдская битва 1410 года, когда армянские боевые отряды вместе со славянскими воинами сражались против тевтонцев, или 1552 год, когда во время осады Казани армянские артиллеристы воевали на стороне Ивана IV Грозного.

Летопись сохранила факт, когда противник взял армянских артиллеристов в плен и, приковав их цепями к пушкам, под угрозой смерти заставлял стрелять в русских. Однако армяне предпочли смерть. Спустя четыре года Ивана Грозного встречали армянские боевые отряды уже в Астрахани. На всей территории России, и особенно в Москве, армянские купцы получили статус наибольшего благоприветствования. В Казани был возведен храм святого Григория Просветителя — первого ар-

мянского католикоса. Именно тогда, в начале второй половины XVI века, в Москве на Красной площади был построен Покровский собор, известный как храм Василия Блаженного, среди строителей которого было много мастеров из Армении. Один из приделов верхнего яруса этого величественного храма посвящен Григорию Просветителю.

Целые тома написаны о взаимоотношениях царей Алексея Михайловича и Петра Алексеевича с армянами. Уникальная переписка между русскими царями и карабахскими меликами, по сути, представляла собой дипломатические отношения. В 1777 году, как уже отмечалось, под покровительством Екатерины II в Санкт-Петербурге вышел в свет первый «Армяно-русский словарь», а спустя 50 лет уже с благословения (письменного) Николая I вышло дополненное издание этого уникального словаря.

* * *

Кажется, весь Ростов вышел провожать «Киликию». Мы готовы к отходу.

Накануне я сказал Гомцяну, что необходимо не просто побеседовать, а «нормально» побеседовать с таможенной и пограничной службами. Генеральный консул вдруг заговорил тоном... генерального секретаря: в голосе была уверенность в том, что поручения его будут выполнены, как пожелания короля. Он привел несколько имен высшего руководства названных служб. При этом подчеркнул, что с ними говорили руководители города и области. Напомнил о факте наличия у нас на руках копии письма самого главного из всех главных исполнительных руководителей России — премьер-министра Михаила Фрадкова.

Я пытался было возразить моему другу, что о письме Фрадкова на местах никто не знает. Но Арарат меня уже не слушал. Все, кто долго живет в России, думают, что до сих пор сохранились времена октября 1917 года, когда любой документ за подписью Ульянова-Ленина или Железного Феликса обретал магические свойства.

Куда легче было нашим предкам путешествовать по России. Для таких «авантюристов», как мы, в древней России было прямо-таки раздолье. Я часто думал в эти дни, что нынче на улице 2006 год, а не 1667-й, когда русский царь Алексей Михайлович Романов собственноручно подписал «Железную грамоту», которая давала армянам абсолютные гарантии свободного и беспрепятственного передвижения по бескрайним просторам России. Увы, письмо Михаила Фрадкова — не царская «Железная грамота». Правда, надо быть честным до кон-

ца. Во всем виноваты мы сами. Армянский премьер написал письмо русскому премьеру, который довольно оперативно откликнулся и дал письменное добро на право «Киликии» плыть по внутренним водам, по рекам и озерам России. Но мы-то сами должны были знать, что одного письма мало. Что надо непременно добиться, чтобы циркуляр пошел на места. Туда, где чиновники обязаны знать о главном — о статусе экспедиции. Статусе путешественников, для которых график — святое дело. Так что на премьера России мы вовсе не в обиде. Однако самокритика дела не спасет. Нам надо соблюдать график в любом случае. Мы хотим попасть в Ереван к середине сентября, когда в Армению со всех концов планеты съедутся наши соотечественники на очередной Всеармянский съезд.

Уже дана команда об отходе судна. Уже забегали наши юнги, прыгая с борта на причал, с причала на палубу, подбирая концы, привязанные к береговым кнехтам. Люди пели, танцевали, громко смеялись, словом, провожали. Я подошел к борту, вытянувшись змеей, подал руку Гомцяну и в который раз повторил:

— Ради Бога, будь в пределах досягаемости. Через час-другой мы окажемся перед проблемами. А нас ждут новые друзья в Азове.

— Все будет в порядке, — успокаивал он, широко улыбаясь.

— Я знаю, чего будет мне стоить этот самый порядок.

* * *

Ребята, кажется, отвыкли от рулевых весел. Конечно, можно было бы и позже сменить речную систему управления на морскую, тем более что до моря, точнее, до Таганрогского залива, еще километров сорок по Дону. Но эти сорок километров «Киликия» шла целую вечность. Нас остановили всего лишь в трех-четыре милях от Ростова. На палубу поднялся молодой лейтенант. Лицо строгое. Взгляд холодный. Такое впечатление, будто он каждый день видит древние парусные суда, и они для него так же привычны, как баржи и буксиры. Мы показали ему весь маршрут плавания вокруг Европы. Он почему-то вмиг заскучал и как-то многозначительно произнес слово «законодательство».

Мы невольно вспомнили пограничников и таможенников Сочи и, умудренные опытом, старались молчать, не спорить и не перечить. По всему было видно, что, проверяя документ за документом, он словно удивляется чему-то. Я, кажется, догадался.

— Вы удивляетесь тому, что не успеваете произнести название документа, как капитан достает его из папки и показывает вам?

Лейтенант впервые улыбнулся. Значит, я попал в точку.

— Я вижу, вы переживаете, — сказал он, улыбаясь еще шире.
— Нас ждут через два часа в Азове. Там народ соберется, — объяснил капитан-наставник.

— Ничего не поделаешь. Законодательство, — уже строго, без улыбки отчеканил молодой лейтенант.

— Послушайте, товарищ лейтенант, почему вы все время произносите это слово? Ну почему бы вам не сказать, к примеру, просто закон?

Лейтенант задумался. Хотя вряд ли смог бы что-то объяснить.

Вскоре на борт поднялся еще один пограничник. Правда, он был без формы. Самое удивительное, что и он часто произносил слово «законодательство». Тут-то уж мы не смогли себя сдержать. Даже всегда вежливый и тактичный Карен Балаян заговорил на высоких тонах, время от времени выплевывая грубые слова. Дело в том, что гости наши отказались проверять паспорта на борту. Они требовали отдать им все бумаги и ждать. Кто-то из ребят сказал по-армянски: «Я бы их арестовал и бросил в трюм на несколько часов. Будь что будет. Противно уже». Мне лично предложение пришлось по душе, хотя мы понимали, что реализовать его нельзя. Но идея эта породила другую идею. И я обратился к портовым чиновникам:

— О чем речь? Конечно, вы правы! Закон есть закон. Однако, уж коль мы все равно опоздали, а потому и народу в прекрасном городе Азове придется тщетно ждать, я прошу вас, задержитесь на пять минут.

Оба пограничника молча переглянулись. Пожали плечами и тем самым дали добро. И я начал.

— Вот уже три года армянское парусное судно «Киликия», построенное руками экипажа по описаниям и миниатюрам, сохранившимся в древних рукописях, совершает путешествие по семи морям. За это время на рее парусника развевались флаги двадцати шести государств. В шестидесяти морских портах «Киликия» отдавала якорь. Естественно, всюду проверяли документы, однако процедура эта не отнимала у нас ни минуты времени, потому что в паспортах была не только итальянская виза, но и печати или штампы многих портов. Мало того, все это происходило у нас в кают-компании, и от наших встреч мы получали удовольствие. Многое описано в наших репортажах и книгах. И нигде никто не произносил слова «закон», а тем более, «законодательство». В Санкт-Петербурге, то есть в первом русском порту, провели основательную проверку как пограничники, так и таможенники. Это означало — «Киликия» вошла в страну, и все оформлено на осно-

вании действующих законов. Повторяю, добро получено не только на вход в Санкт-Петербург. После этого до Поти включительно у нас не должно было быть особых проблем, ибо мы давно уже находимся на территории России и никуда не выходили. Однако всюду, на Волге и на Дону, нас проверяли. Бывало, часами ждали, пока на судно соизволят прийти, чтобы непременно произнести слово «законодательство». Я был народным депутатом СССР в последнем советском парламенте и хорошо знаю, что это такое. Законодательство — это сама деятельность уполномоченных органов (скажем, парламента) государства по изданию законов.

— А что, к примеру, указ президента или постановление правительства — это не закон?

Когда молодой лейтенант задал этот вопрос, я уже знал, что он будет «отоваривать» наши паспорта прямо на борту. Ведь служба эта ходит по судам и прочим плавсредствам, имея на руках печати и штампы. Помня об уроках, которые усвоил на бесконечных заседаниях Верховного Совета СССР, я четко ответил:

— Закон — это нормативный акт. Правильнее сказать — главный нормативный акт. Ибо, принятый парламентом, он обладает высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам, в том числе и, как вы говорите, указам президента, постановлениям правительства и вообще всем подзаконным актам. Все. Я закончил. Досрочно закончил. А теперь можете взять наши паспорта и отправиться в свою канцелярию. А мы терпеливо подождем. Заверяем вас, никаких проклятий от нас не последует...

— И вы тоже не дождетесь от нас ни беды, ни хлопот, ни, тем более, проклятий в ваш адрес. Прямо здесь, в вашей кают-компании мы немедленно оформим ваши документы. Думаю, наше законодательство, простите, наши законы, точнее, наши инструкции позволяют это сделать. Счастливого плавания!

Однако «счастливого плавания» нам пришлось ждать долго. Часа через четыре явились на борт (кстати, после того, как мы называли всем знакомым и незнакомым) еще три должностных лица.

Одна из «адмиральш», обратив внимание на мое занятие статистикой скопившихся судов, почуяла неладное. Она как-то уж больно ласково посмотрела на симпатичного нашего капитана и так же ласково сказал ему:

— Мы возьмем с собой ваши документы, но очень скоро вернем.

...Только к десяти часам вечера, после девяти часов мытарств, мы вплотную подошли к Азову, абсолютно уверенные, что все, кто должны были к полудню нас встречать, видят уже

очередной сон. Каково же было наше удивление, когда плывущее навстречу судно начало подавать световые сигналы. Вместе с лучами прожектора вскоре дошли до нас голоса, а затем громкое скандирование: «Ки-ли-ки-я!».

* * *

Дождались-таки. Это значит — весь день они терзались в ожидании. Весь день у них пропал. Пропал он и у организаторов встречи в Азове. Пропал и у тех, кто жаждал побывать на паруснике, который через день-другой замкнет круг вокруг Европы. Пропал день, и произошло это у всех у нас по цепной реакции. Да, «цепная реакция» давно уже из научного термина переросла в некий литературный образ, когда какое-либо наше действие (а может, и бездействие), регенерируясь, приводит в конечном итоге к беде, провалу, инфаркту, к социальному или реальному взрыву. Чиновника с холодным сердцем не интересует, чем обернется для клиента его бюрократизм. Вроде бы мелочь: опоздал, забыл, не сделал вовремя и все такое прочее. Но ведь и элементарная частица, нейтрон, который «живет» какие-то мгновения — тоже мелочь. И атомное ядро, казалось бы, — мелочь.

Однако не хочется перебивать рассказ о встрече с нашими друзьями из Азова страшными мыслями о цепной реакции и атомном взрыве.

Пока я вижу, точнее, чувствую дыхание и пульс «Киликии». Она хочет поговорить со мной.

— Я чувствовала, — начала «Киликия», — что тебя волновала не так сама нервотрепка, связанная с оформлением документов, а то, что в этой огромной стране ничего не изменилось после того, как она стала независимой, встала на рельсы рыночной экономики. Ты спрашиваешь: «Есть ли смысл переживать за судьбу другого государства? В данном случае за судьбу России, с которой у нас даже нет границы?»

— Границу заменяет историческая память обоих народов. Беда в том, «Киликия», что сегодня не все ладно по части исторической памяти и в Армении, и особенно в России. Русский народ, как государствообразующий, на протяжении семидесяти лет сначала называл себя советским, а затем российским. При этом все союзные республики оставались национальными. А вот Россия, точнее, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика запуталась в дебрях ленинско-сталинской автономизации. В такой ситуации необходимо разобраться и уяснить, для чего вообще существует государство.

— Для чего?

— Для того, чтобы людям жилось счастливо. Не удивляйся. Бог создал человека для счастья. И вообще первый человек жил со своей любимой в раю. Почему Бог изгнал их? — это другой разговор. Но главное то, что человек изначально достоин рая. А поскольку человек может нормально жить только в государстве, значит, нужно всегда думать о государстве...

— Мы с тобой заговорили о государстве только потому, что чиновники из Ростова превратили наш световой день в ночь и в ад. Хотя выяснилось, что они, в общем-то, нормальные люди. Может, подобное надо терпеть, как надо терпеть мороз, ураган, наводнение?..

— Опять, «Киликия», мы возвращаемся к вопросу о примирении с неизбежным. Конечно, никуда не денешься от бюрократии. Это единственный в своем роде механизм управления государством. Другого просто нет. Послушай, как определил эту неизбежность и этот кошмар один из неповторимых мудрецов мира Оноре де Бальзак: «Существует только одна гигантская машина, управляемая пигмеями, и это — бюрократия».

— Как видишь, твой мудрый Бальзак считает, что у бюрократии нет альтернативы. Она «одна», такая «гигантская машина».

— Ты права. Она одна. И если мудрец Бальзак, который всего лишь один год жил в XVIII веке и ровно пятьдесят лет в XIX веке, когда капитализм едва-едва набирал обороты, называл бюрократию гигантской машиной, то что можно говорить о ней сегодня? Разумеется, ей нет альтернативы, ибо она является единственной в своем роде канцелярией (отсюда и слово «бюро») государства. А это уже все. Это уже не власть королей, президентов, премьеров, спикеров. Это действительно власть пигмеев, как говорил Бальзак. Мелких людишек, спекулирующих инструкциями, приказами, указами и прочими подзаконными актами. Задержав баржу с помидорами под палящими лучами солнца на целые сутки, чиновник спокойно спит, ибо он считает, что исполнил свой долг. Он выполнил уйму пунктов, обозначенных в инструкции. Зато не спит несчастный экспедитор, сопровождающий сотни тонн краснощеких томатов в Москву. Чиновника абсолютно не волнуют интересы частного бизнесмена, без которого государство может погибнуть с голоду. Как тут не вспомнить китайского мудреца, который, пережив ужасы социализма и кошмары культурной революции при Мао, сказал, обращаясь к народу: «Чтобы не умереть с голоду, нам надо, кроме всего прочего, целовать в лоб предпринимателя».

- А что означает «целовать в лоб»? — спросила «Киликия».
- Это означает, что, если предприниматель исправно платит налоги, ему надо улыбаться, поднимать перед ним шлагбаумы, зажигать зеленый свет и, когда, скажем, скапливается много судов на реке или в морском порту, надо в пиковую пору навигации увеличить число сотрудников, оформляющих документы. Террористов надо, конечно, искать и ловить, но при этом не допускать, чтобы гнили помидоры или чтобы экипаж «Киликии» выбился из графика. Слышишь голоса наших друзей из Азовского порта, которые выкрикивают твое имя: «Кили-ки-я!» Они весь день ждали тебя и все-таки дождались.
- А что вы собираетесь делать в этой кромешной тьме?
- Взять друг друга на abordаж. Они поднимаются к нам на борт. Поговорим. Обменяемся сувенирами, книжками. И будем помнить об этом всю свою оставшуюся жизнь.

* * *

Наверное, когда пираты брали чужие корабли на abordаж, стоял такой же шум и визг. Я вспомнил: часа три назад перед вечерними сумерками справа по борту «Киликии» на берегу стояла группа людей. Кто-то громко спросил на армянском: «Вы армяне?» Наши юнги Мушег и Гайк Садоян хором заорали: «Да! Да! Да!» На берегу начался переполох. Люди сперва рассыпались по сторонам, потом снова собрались вместе. Недалеко стоял белый катер. Все разом бросились к нему. Они спешили. Мы ведь на реке не очень чувствовали, что скорость у нас по сравнению с морем внушительная. Как-никак, плывем по течению. А люди на берегу паниковали, видя, как мы стремительно разрезаем носом воду.

Катер тот довольно быстро догнал нас. Кто-то, изловчась, ухватился за выступ борта «Киликии», протянул нам бутылку армянского коньяка, получив взамен туговую водку. На катере собралось много народу, и все они кричали. Называли свои имена. Я не успевал записывать. А хотелось. Все-таки интересно.

...К стенке порта Азов мы не пристали. Полночь уже. Но зато к нам пристал Азов в лице катера с прекрасным названием «Альбатрос». Тут я не могу не сделать еще одно лирическое отступление.

Изъездив полсвета, если не сказать весь свет, на лодках, собачьих и оленьих упряжках, на военных кораблях и рыболовецких траулерах, я решил, наконец, остепениться. Это значит — жениться. Мама моя нашла мне девушку в Арцахе. Я вылетел до-

мой. У мамы оказался отменный вкус. Все, что нужно, я организовал. Прошел этап помолвки, соблюдая все традиции. Вернулся на Камчатку, и всем полуостровом мы начали ремонт моей известной многим советским журналистам квартиры. Дома не было никакой мебели. Правда, в конце коридора имелся встроенный шкаф для одежды. Все остальные предметы и вещи лежали или висели на деревьях. Их было около двадцати, березовых деревьев, стоявших вплотную от пола до потолка. Все ветви деревьев срубались так, чтобы на них можно было вешать что угодно. Скажем, если зимой ко мне приходили человек двадцать-тридцать в гости, то уже в коридоре не было никаких проблем. На аккуратно отпиленных ветках висели пальто, шубы, малахай, ушанки. Книжки стояли на наспах сколоченных досках. Вместо люстры в центре висел стеклянный кухтыль — огромный шар, вложенный в грубую траловую сеть. Внутри помещалась большая лампочка. В углу разместился телевизор. На телевизоре стоял китовый позвонок высотой с табуретку, на нем — фигура штангиста, поднимающего чучело огромного королевского краба с торчащими в разные стороны клешнями. На полу лежала гигантская шкура бурого медведя. На стенах всюду висели олени шкуры. Однако все мои гости, многие из которых вскоре становились друзьями, описывая в своих репортажах мою обитель, акцент в основном делали на свисавшем с потолка над широченным самодельным топчаном огромном альбатросе — океанской птице из семейства буревестников. Размах крыльев — более трех метров. Я мог лежа часами смотреть на моего альбатроса и часами думать не только о море, но и о тундре. Кстати, рекорд размаха крыльев этих птиц составляет четыре с половиной метра. Так что всякий раз, встречая в небе альбатроса или читая о нем, я с трепетом возвращался в пору, когда любимое существо, моя Нелли, вошла в отремонтированный специально для нее дом и ахнула — так поразила ее встреча с альбатросом. И вот яркий фонарный луч косо прошелся по борту катера, приставшего к борту «Киликии», и высветил некогда заветное для меня слово «Альбатрос». Так называется судно братьев Арутюновых — Георгия и Павла.

Еще в Ростове Георгий, который на очень короткое время поднялся на «Киликию», уверенный, что вскоре мы обстоятельно встретимся в Азове, подарил мне свою книгу с надписью: «...Наша жизнь не настолько длинна, чтобы позволить себе не совершать путешествия и не делать новых открытий». Самое главное — книга называется «Корабли-памятники». Однако о ней чуть позже. А сейчас в этой суматохе я должен поговорить с братьями.

Очень коротко: братья Арутюновы давно живут здесь. Отец их был настоящим донским казаком. Павел три десятка лет служил в десантных войсках. Тоже, как и отец, официально числится в казаках. Их, Арутюновых, — пятеро братьев и одна сестра. В общей сложности у них тринадцать детей и десять внуков.

Ужасно было жалко, что по вине чиновников мы не успели на встречу с жителями Азова. Оказывается, к полудню на пристань пришли не только армяне, но и русские. Конечно, мы постоянно находились на связи, так что братья Арутюновы были в курсе наших мучений. Георгий удивился, когда я сказал:

— Книгу твою я не просто залпом прочитал, но и досконально изучил. Вначале просто перелистывал, разглядывая фотографии. Обратил внимание на то, что перечень стран и названия судов-памятников приводятся в алфавитном порядке. Это принцип энциклопедических словарей. Прочел у тебя в самом начале о том, что в России до сего времени отсутствовала литература по данной тематике. Конечно, существовали отдельные статьи о кораблях, которые становились музеями и памятниками. По сути, ты впервые сделал попытку обобщить публикации и материалы, которые тебе присылали из многих музеев мира.

— Я непременно переиздам «Корабли-памятники». Тем более что есть уже много новых данных. И обязательно там будет «Киликия». Я ведь тоже могу похвастаться: успел прочитать вашу первую книгу «Моя Киликия». И там материала с лихвой хватит, чтобы использовать в новом издании.

Расстались с катером-катамараном «Альбатрос» далеко за полночь. Впереди — устье Дона и Азовское море. Седьмое море. Но я не ложился спать. Я уже начал выискивать в книге Арутюнова доказательные куски, которые окончательно поменяют концепцию финиша «Киликии». До сих пор члены экипажа чаще всего высказывали мысль о том, что «Киликия» вернется домой. Пройдя десятки тысяч миль, обойдя моря и часть Атлантики с Бискайским заливом, обогнув впервые в истории человечества Европу как остров, «Киликия» должна провести на Севане всю оставшуюся жизнь.

«Всю оставшуюся жизнь». Вот в этом и загадка. Сколько продлится эта самая оставшаяся жизнь? У Георгия Арутюнова я нашел великое множество примеров, когда люди, народы, страны теряли корабли — музейные экспонаты. Первым в мире памятником-кораблем был парусник легендарного Фрэнсиса Дрейка «Голден Хайнд». Как известно, этот великий путешественник, великий первооткрыватель, великий пират был любимцем ко-

ролевы Англии Елизаветы I. И королева велела сохранить для потомства легендарный корабль, который установили в качестве музейного экспоната в Денфорде, недалеко от Лондона. Дрейк умер утром 28 января 1596 года. Рассказывают, что, чувствуя приближение смерти, он спешил на родину, чтобы в последний раз взглянуть на «Голдена», который пережил своего капитана на шестьдесят четыре года. При всем величайшем почитании как Елизаветы I, так и Фрэнсиса Дрейка англичане не смогли уберечь бесценную реликвию. Тогда мало кто знал, что обращаться с деревянными реликвиями — это целая наука.

История изобилует примерами, когда человек стремился сохранить ставшие частью истории народа корабли. Как говорил Петр I, «для назидания потомству». Арутюнов в своей книге приводит текст специального указа русского царя «О сохранении тех кораблей, яхт, галер, которые своей службой прославили родину». Из книги «Корабли-памятники» я узнал, что Петр I, будучи шестнадцатилетним юношей, в селе Измайлово обнаружил заброшенный бот — небольшое гребное судно. Через шестнадцать лет Петр, вспомнив о нем, велел найти его, перевезти в Москву и поставить под навес. За два года до смерти царь приказал доставить бот в Санкт-Петербург. Уже тогда его называли «дедушкой русского флота». Он и доныне хранится в Центральном военно-морском музее.

На огромном материке-государстве Австралии, куда можно было добираться только на кораблях, сохранился лишь единственный памятник-парусник, на который, что называется, все молятся. Это барк «Джеймс Крейг». В Бельгии и Великобритании хранят, как памятники, даже советские подводные лодки.

Среди сотен кораблей-памятников есть наидревнейший. Возраст его насчитывает около пяти тысяч лет. Называется он «Ладья Хеопса». Останки его нашли не так давно. В 1954 году. Восстановили, как это делают ученые, когда по отдельным косточкам собирают скелеты динозавров и прочих рептилий. Главное то, что в местечке Абу Сире египтяне нашли не просто останки, а остов того, что пять тысячелетий назад фараон Хеопс видел своими глазами и трогал своими руками. Остальное было делом техники и науки. Нашелся даже искусный реставратор по имени Хадж Ахмед, который вместе с огромным коллективом специалистов полностью восстановил древнюю египетскую ладью длиной 42 метра и шириной шесть метров. Сегодня многочисленные туристы из всех стран мира посещают эти места, чтобы увидеть чудо собственными глазами и потрогать собственными руками.

Я уже писал о том, что совсем недавно на острове Кипр нашли судно — почти копию «Киликии». И тотчас отправили его в Грецию для реставрации. Этого факта нет в книге Георгия Арутюнова, потому что она вышла за год до бесценной находки. Зато в ней есть подробная история знаменитой «Васы», о которой я поведал читателю, еще находясь в Стокгольме.

Я много писал о памяти, часто называя ее и спасательным кругом, и спасительным оружием. Впервые задумался об этом 6 марта 1973 года, когда родилась моя первая дочь, Сусанна. Правда, я увидел ее лишь через неделю после ее рождения. Именно столько потребовалось, чтобы из камчатской тундры добраться до Степанакерта через Москву и Кировабад. Потом я размышлял о памяти в день смерти моей матери 20 июня 1998 года. Думал о том, что почти вся энергетика нашей личной и совокупной памяти обостряется с рождением детей и смертью родителей.

Понимаю, иногда невозможно бывает точно знать имена прадедов. Тогда надо хотя бы чувствовать их. Помнить о том, что тепло рук наших конкретных предков можно и нужно чувствовать на хачкарах и рукоятках мечей.

День рождения первенца и день смерти родителя являются вехами памяти, которая чаще всего овеществляется во вспаханном поле, в храме, в книге, в доме, в мече полководца, в скипетре католикоса, в корабле, построенном по чудом сохранившимся в армянских манускриптах миниатюрам.

В книге нашего соотечественника Георгия Арутюнова «Корабли-памятники» приводятся примеры, когда государи или даже народы бывали инициаторами создания копий отечественных затонувших или невосстановимых судов, вобравших в себя историческую память страны. И не случайно русская императрица Елизавета Петровна, выполняя заветы своего отца Петра I, «для назидания потомству» приказала создать копию «государева корабля», который начали строить еще при жизни императора, но спустили на воду уже после его смерти.

Ценность парусного судна «Киликия» в том, что оно и в самом деле представляет собой точную копию ее древних сородичей: найденные останки судов периода Средневековья подтверждают чуть ли не абсолютное сходство с «Киликией» по форме и параметрам. Это во-первых. А во-вторых, нельзя забывать о не менее важном для «назидания потомству» — самой экспедиции, самом «Плавании по семи морям».

Пишу эти слова, находясь уже в Азовском море. Я пристроил книгу «Корабли-памятники» в судовой библиотечке, вспомнив,

как несколько часов назад мы расстались среди ночи с ее автором, который сказал: «Теперь я должен сделать все, чтобы переиздать свою книгу, где будет глава «Армения» и рассказ о создании «Киликии», об экспедиции «“Киликия”»: плавание по семи морям».

И я решил для себя, что лучше всего для «Киликии» все-таки музей. Об этом говорили и Карен Балаян, и Саша Маркарян, и Самвел Карапетян, и Тигран Алаян — пожалуй, все члены команды. Хотя кто знает, может, до ухода на пенсию «Киликия» еще поплавает в водах восьмого моря — священного Севана — на радость мальчишкам и девчонкам. Поживем — увидим.

* * *

Помнится, в июле 2004 года на старте первого этапа плавания возникла идея сразу после Новороссийска взять не мористее, а идти берегом и войти в Керченский залив, чтобы корпус нашего парусника омывали воды Азовского моря. Мол, в этом случае мы сможем сказать, что «Киликия», пусть хоть краешком кия, но коснулась еще одного моря. Тогда никто не предполагал, что «Киликия» может войти в Азовское море через впадающий в него Дон, через Таганрогский залив. Сама мысль об этом могла показаться нонсенсом. Мы просто не думали о том, каким путем вернемся домой, ибо не очень четко себе представляли, где «Киликия» отдаст якорь в последний раз. Видели перед собой лишь маршруты, по которым 900, 800, 700, 631 год назад (падение Киликийского армянского государства) шли киликийские корабли. Нам надо было доказать себе и, может, в первую очередь нашему народу, что мы, всем армянским миром, можем. Думаю, если бы мы завершили плавание, скажем, лишь на острове Святого Лазаря и оттуда на каком-нибудь буксире вернули парусник домой, то и тогда имели бы право смело сказать, что смогли осуществить мечту. Однако вернуть такое судно, такую историческую реплику армянских средневековых судов... на буксире — этого мы себе не простили бы никогда. И вот сегодня судно находится в Азовском море, ставшем седьмым по счету.

В древней Руси море это называлось Сурожским. Нрав у него крутой. Средняя глубина всего пятнадцать метров. Так что попробуй, выйди за пределы фарватера. Коварство его заключается в том, что из-за мелководности волны образуются в очень короткий промежуток времени. В этом мы убеждались не раз в 1967 году, плавая на «Вулкане» и «Гейзере».

Армянские моряки входили в Азовское море у южных берегов Крымского полуострова через Керченский пролив. Похо-

ды эти стали особенно частыми после того, как Екатерина II переселила многих армян на Дон с южных берегов Крыма, названного еще в средние века «Морской Арменией». Исследователь темы «Армяне и моря» Хачатур Дадаян пишет в своем историческом очерке: «Иностранные летописцы XI–XIII веков называли Крым Морской Арменией (Armenia Maritima), однако это вовсе не значит, что Крым принадлежал армянам». Напомним, что Крым в те времена принадлежал Генуэзской республике. Передо мной на висячем столике карта, изданная в советское время. Там все побережье от Судакской бухты до Феодосийского залива названо «Морской Арменией». Достаточно напомнить, что здесь, в Крыму, стоит шедевр мировой храмовой архитектуры Сурб Хач, построенный в 1358 году. Церковь Аракелоц — 1408 год, храм Двенадцати апостолов — 1356, церковь Ованеса Мкртыча — 1348 год. Достаточно также напомнить, что здесь родился адмирал Лазарь Серебряков (Арцатагорцян), художник Иван (Ованес) Айвазовский, композитор Александр Спендиаров и еще десятки выдающихся армян.

Часто и подолгу мечтали мы об Азове. Теперь думаем уже о том миге, когда «Киликия», пройдя море нашей мечты и двадцать миль Керченского пролива, выйдет вновь в Черное море. Но это уже будет больше, чем мечта.

* * *

Утро 21 августа 2006 года. «Киликия» находится в самом центре Азовского моря. Будь я не на палубе «Киликии», а на нартах, запряженных в собачью упряжку, я сказал бы, что с левой стороны дует хиус. Так коряки называют низовой ветер — поземку. Термин-то какой точный придуман в тундре! Низовой ветер, скользящий по поверхности снега. А вот здесь, на Азове, такой ветер называется бризом. Только не надо произносить это слово в пижонской фразе «дул легкий бриз». Бриз — это самостоятельное существо. Я очень люблю его, как люблю хиус — поземку. Бриз не является частью какого-то циклона. Вот мы сейчас идем на юг. Время утреннее. За бортом — лето, август. Значит, поверхность моря намного теплее, чем побережье. А это в свою очередь означает, что воздух движется с охлажденного побережья в сторону моря. Такой бриз называется ночным. А к вечеру он поворачивается на сто восемьдесят градусов и направляется в сторону нагретого побережья.

На многих водоемах, морях и больших озерах, бывают «свои», так называемые именные, бризы. Помнится, где-то в конце сороко-

вых годов после показа фильма «Сказание о земле сибирской» весь Советский Союз пел песню о «славном море — священном Байкале». Там были слова «Эй, баргузин, пошевеливай вал...» Лишь потом я узнал, что баргузин — это ветер, имя которому дало географическое название. На северо-востоке байкальской «запятой» в озеро впадает река Баргузин. Путешествуя с Валентином Распутиным по его «священному Байкалу», я записал в блокноте, что Баргузин — это целая страна. И река Баргузин, и хребет Баргузин, и город Баргузин, и населенный пункт у места впадения реки Усть-Баргузин, и Баргузинский заповедник. И вот этот огромный край порождает баргузин — бриз с неизменной суточной периодичностью.

Не знаю, как называется бриз у восточного берега, где сейчас находится «Киликия». Я бы дал общее название — краснодарский. А если по участкам, то ейский, ясенский, приморско-ахтарский, славянский (на Кубани).

Тяжело нам дается Азовское море. Его бризы не в состоянии «пошевеливать вал» так, чтобы мы могли выполнить свой план — к полуночи, отделяющей двадцать первое августа от двадцать второго, добраться до начала Керченского пролива.

Бывало, мы ползли куда медленнее. Но сейчас не терпится. Ведь, по существу, уже в середине Керченского пролива можем считать свою задачу выполненной: «Киликия» спустя три года вновь войдет в воды Черного моря.

* * *

Керченский пролив для нас — это больше чем мечта. Как-никак, последний на нашем пути пролив. Их было более десяти — крупных, известных. Среди них такие известные, как Босфор, Дарданеллы, Гибралтар, Ла-Манш. Но здесь мы завершаем проект, программу, план — словом, все, что выражено в названии экспедиции «“Киликия”: плавание по семи морям». Здесь мы замыкаем кольцо вокруг Европы. Отсюда я должен отправиться, находясь в водах сорокакилометрового пролива, последний репортаж, который хочу привести в книге как пространную цитату. А пока о «финальном» для нас проливе. Крымский полуостров — он весь какой-то угловатый, с многочисленными зубринами, выступами, каждый из которых тоже считается полуостровом и мысом. Пролив проходит между полуостровами Керченский и Таманский. На каждом из них — свои порты: Керчь и Тамань. Самое узкое место — четыре километра. Средняя глубина — всего десять метров. Так что «Киликии» надо глядеть в оба, иначе сядет на мель и не оберешься позора. Ско-

рость — пять узлов. Ветер не береговой, не бриз, а настоящий, в данном случае — северный. Попутный. Так что нетрудно подсчитать, когда именно окажемся в водах Черного моря.

* * *

Оставалось два часа. Я готовил репортаж. Всего страничку. По сложившейся традиции надо отдать отпечатанный на машинке текст Арику, который должен набрать его на компьютере и отправить адресатам. Но мне не терпелось. И я позвонил в «Голос Армении» Флоре Нахшкарян. Знал, что она не подведет. Поймет, что происходит с нами со всеми, с «Киликией». Попросил, чтобы кто-нибудь из редакции связался со мной и включил диктофон. Так бывало не раз.

Пока «Киликия» шла в самом проливе, мы успели привыкнуть к спокойному ходу. И вдруг почувствовали, что судно начало дергаться. Ощущение качки, по которой соскучились. Неожиданно послышался громкий голос Карена. Он кричал из каюты-рубки: «Киликия» вошла в воды Черного моря!» Время — тринадцать часов тридцать минут двадцать второго августа. Я записал в блокноте эту цифру. Внизу вывел крупными буквами: «Вышли в Черное море» и поставил четыре восклицательных знака. Еще ниже: «Стоялось! Обогнули Европу» и три восклицательных знака.

Звонок по мобильному. Это — «Голос Армении».

Флора спросила:

— Уже?

— Уже! — крикнул я.

Флора какое-то время молчала. Думаю, она тщетно пыталась проглотить ком в горле. Успокоившись, спросила:

— Как ты назвал репортаж?

— «Киликия» обогнула Европу».

— Давай сделаем подзаголовок: «И это впервые в мире».

— Самое главное, что это действительно впервые в мире.

— Передаю трубку. Диктуй.

* * *

...Последнее, седьмое по счету, Азовское море осталось за кормой. Пройдя Керченский пролив, армянский парусник вышел вновь в Черное море. Вскоре при добром попутном ветре он пересек условную линию условного фарватера, по которому он 754 дня назад (30 июля 2004 года) шел к океану и новым морям. Именно в этом месте на судне прозвучала команда «Всем наверх!». Мы просто обязаны были, соблюдая морскую традицию,

отметить событие, переросшее в целое явление. Нужно прежде всего сказать друг другу, сказать нашему народу, что свершилось. Состоялось! Если Европа — это Старый свет, а Европа действительно Старый свет, то «Киликия», можно сказать, совершила «кругостаросветное» плавание. Вот географические составляющие этой новинки в истории морского плавания: Черное море, Босфор, Мраморное море, Дарданеллы, Средиземное море (с десятью собственными морями), Гибралтар, Атлантический океан, Ла-Манш, Па-де-Кале, Северное море, Кильский канал, Балтийское море, Нева, озера Ладога, Онега и Белое, Волго-Балтийский водный путь, Волга, Волго-Донской канал, Дон, Азовское море, Керченский пролив, Черное море. И тут круг замкнулся.

Мы позволяли себе шутить и иронизировать, называя Европу уже не каким-то там полуостровом, а самым настоящим островом. Хотя понимали, что это та самая шутка, в которой есть большая доля правды. Ибо, по науке, остров — это участок суши, со всех сторон окруженный водами океанов, морей, озер, рек. Так что, как видим, и «рек» тоже. Дошутились до того, что решили отныне Европу, а стало быть, и Азию называть не частями света, а материками.

Конечно, мы хорошо знаем, что речь идет не о всей территории Европы, которая на востоке завершается не Волгой, а Уральским хребтом. Но знаем и то, что, скажем, от места впадения реки Камы в Волгу до Уральских гор — рукой подать. Так что «Киликия» обогнула почти девяносто процентов Европы.

Надо сказать, что нашим неумным шуткам больше всего радовалась сама «Киликия». Для нее ведь не имело никакого значения, как человечество с завтрашнего дня назовет Европу и Азию. Куда важнее то, что она идет по знакомой дороге, которая непременно приведет ее домой. Мы с ней согласны. Но при этом думаем о другом. О том, что теперь имеем право громко сказать: «Состоялось! Смогли!»

* * *

Мы мечтали перебросить «Киликию» на каком-нибудь воздушном грузовике из Амстердама или Санкт-Петербурга в Ереван.

Конечно, сейчас, когда мы своим ходом добрались до Черного моря, мысль о «воздушном грузовике» и впрямь кажется дикой. С этого я и начал свой очередной разговор с «Киликией».

— Ты не почувствовала бы некую ущербность, если бы из какого-нибудь порта тебя вернули домой по воздуху? — спросил я, ловя на себе ироничный взгляд «Киликии».

— Не выдумывайте с ребятами проблемы, которой нет. Если бы мы все вернулись, скажем, из Амстердама, это восприняли бы как нечто оригинальное, но и неизбежное. Само время героизировало бы такой способ спасения моей персоны. И ничего страшного не произошло бы. Особенно если учесть, что переход по рекам был нужен вам для другой цели, для другой мечты...

— Что ты имеешь в виду?

— Час тому назад весь экипаж ликовал на моем борту от сознания того, что мы первыми в мире обогнули Европу, все время находясь в воде. Это и есть исполнение мечты. Если бы мы перебрались домой из Амстердама или Санкт-Петербурга по воздуху, то момент приземления в Ереване тоже воспринимался бы как миг исполнения мечты.

— Скажи-ка, «Киликия», как ты сама воспринимаешь мечту? Что она такое для тебя?

— За мои восемьсот лет я много всего перечувствовала в этом мире. Я хорошо знаю, что с древних времен все философы, все языческие боги любили море, мечтали о море. В Киликии в море выходили не только князья и цари, особенно Левон II, но и философы. Они знали, что люди мечтают о море не потому, что им просто хочется плавать. Оно нужно человеку, чтобы именно на море мечтать и разрабатывать планы, которые он будет претворять в жизнь на суше.

— Я согласен. Всю жизнь я убеждался, что на море думаешь о суше, о доме, о народе, о Родине как-то особо, как-то более реально. Это чувство обострено.

— Вот ты и ответил за меня, сказав, что мечта — это когда планируешь жизнь с обостренным чувством. Если даже строишь воздушные замки. Об этом говорил мудрец из мудрецов Нерсес Шнорали, который не раз плавал на кораблях моих сородичей. Нет ничего зазорного, если человек строит воздушные замки. Ибо даже такой труд не бывает напрасным. Ведь когда ты строишь воздушный замок, ты видишь его в своем воображении. Никто не видит, а ты видишь. Так что остается только в реальной жизни подвести под него фундамент.

Ребята во главе с Кареном Балаяном всегда мечтали о будущем. Работали. Трудились. Иногда теряли надежду и месяцами ничего не делали. Но все равно возвращались на стапели, ко мне, как к своей мечте. Потом вы все собрались и уже не просто мечтали о будущем, а стали приближать его. Пройдут годы, пройдут века, а я знаю, что такое века, и потомков не будут волновать детали. Останется в памяти только само плавание как

единое целое. Я возродилась. Меня клонировали. Но я живу не только настоящим, но и прошлым, а стало быть, и будущим. Именно поэтому, обладая огромным опытом, скажу тебе о самом главном. О чем надо всегда помнить? О смерти. По большому счету, вы несчастное поколение, лишенное уроков Библии. В конце концов, даже атеисты должны понимать, что Библия, кроме всего прочего, может давать бесценные уроки.

— Ты знаешь, «Киликия», работая над самой трудной и самой важной для меня книгой «Между адом и раем», я не выпускал из рук Библии. А ведь писал я книгу большей частью в окопах Арцахской войны, на фронте. И повсюду носил Священное писание с собой. Оно — обо всем: о жизни и смерти, о памяти. Вот что сказано в «Ветхом завете»: «Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого, в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым».

— А ведь это верно. Сколько раз на моем веку в шторм тонул наш корабль, и весь Айас или другие порты горевали. У всех на устах были имена членов экипажа. Устраивали символические похороны. Но потом жизнь брала свое. Надо было строить новое судно, чтобы снова выйти в море, где бывают штормы. И все повторялось. И все забывалось. Все проходило...

— Удивительно, и об этом тоже есть в «Ветхом завете». Я еще в медицинском институте, когда впервые читал Библию, узнал, что известная надпись на перстне царя Соломона «Все пройдет» взята из Екклесиаста «Ветхого завета». Вот послушай: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает веками. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Все реки текут в море, но море не переполняется. Что было, то будет, и что делалось, то будет делаться. И нет ничего нового под солнцем. Нет памяти о прежнем. Да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые будут после».

— Да, все проходит, — согласилась «Киликия». — И лишь земля, то есть родина, пребывает веками. И раз уж она пребывает веками, то и помнить будет некоторые вехи долго. Возможно, на какое-то время и наше плавание хотя бы потому, что мы взбудоражили историческую память об исторической Киликии.

— Ну, что я могу тебе сказать, «Киликия»? Ты напоследок такую тему извлекла из глубин своего трюма... Так получилось, что тему смерти ты связала с темой памяти. И я вспомнил, что все эти три года плавания не покидает меня мысль об одном деле. Я как-то вскользь говорил тебе, что в столе у меня лежит неоконченная документальная повесть о судьбе моей матери, моего отца

и целого поколения. Если бы не наше плавание, книга давно бы вышла. Правда, до последнего времени у нее не было названия. Недавно я нашел то, что искал. Мать моя после возвращения из ГУЛАГа упорно не хотела говорить о лагерной жизни, но все-таки кое-что иногда вспоминала. Признавалась: временами бывало так невыносимо, что хотелось руки на себя наложить. Многие так и поступали. Но она считала, что не имеет права умирать: она должна выжить, чтобы спасти своих малолетних сыновей. Я тогда, кажется, понял, что мать там, в аду, определила для себя суть собственной философии, которая сводилась к следующему: у нее отняли право на жизнь, и с этим она примирилась, как с неизбежностью. Но, презрев душевную и физическую боль, осознала, что волей и терпением нужно заработать право на смерть. То есть самой решать, когда можно уйти в мир иной. Так оно и получилось. Вот я и нашел название книги — «Без права на смерть» (опубликована в пятом томе Собрания сочинений). Думаю, мама прощает мне, что я отложил в сторону рукопись, может, самой важной для меня книги. Знает, что экспедиция эта нужна прежде всего нашему народу. Как только я отнесу рукопись о нашем плавании в издательство «Амарас», сяду за книгу «Без права на смерть». Теперь я и сам, подобно матери, обязан заработать право на смерть, чтобы завершить эту работу. И не только ее. Хотя — все в руках Божьих. Правда, я при всей моей любви к Анне Андреевне Ахматовой не разделяю ее философии: «Жить — так на воле, умирать — так дома». У меня все наоборот: «Жить — так дома. Умирать — так на воле».

* * *

«Киликия» плывет на восток. Каждый миг она чувствует, что по этому маршруту шла три года назад в обратном направлении. Хочешь не хочешь, возвращаясь домой, надо выйти на свою улицу. Даже совершая кругосветное путешествие, все равно возвращаешься на родную улицу, в родной дом. Так что для нас дорога от Керченского пролива или порта Анапа, или от Новороссийска до Еревана — это как родная улица.

Оказывается, не менее интересно проходить и по проторенной дороге. В самом деле, как можно проплыть мимо Новороссийска и не вспомнить те дни, когда экипажзнакомился с прекрасными людьми. Хотя бы такой эпизод. Мы собрались у заместителя мэра Андрея Владимировича Фонарева, который, войдя в кабинет, широко улыбнулся и весело произнес: «Ба! Знакомые все лица!» Дело в том, что с нами на приеме были по-

четный гражданин Новороссийска легендарный спортсмен Тигран Мартиросян и известный предприниматель Георгий Погосян. В конце беседы Андрей Фонарев сказал: «Русские и армяне хорошо знают, что, кроме прочего, Новороссийск является символом судьбоносной победы в русско-турецкой войне».

А Туапсе? Здесь «Киликия» познакомила нас с целой ротой наших соотечественников, среди которых запомнился Николай Кочьян, который всю жизнь мечтал стать священником, но стал после распада СССР бизнесменом и, заработав деньги, первое, что сделал, — построил вместе со своим братом церковь, которая имеет к нам прямое отношение: церковь святого Николая Чудотворца — покровителя моряков. В этой церкви Кочьян в свободное от работы время служит саркавагом (дьяконом).

Следующий порт — Сочи. Самый, пожалуй, памятный для нас и особенно для «Киликии». Это, по плану, последний российский порт, где «Киликия» отдаст якорь. Там у нас много друзей. И мы решили остановиться на два-три дня, чтобы поклониться городу, который после первого шторма, ставшего для нас тяжелым, но и отрезвляющим испытанием, искусно залечил все наши раны. Мы знали, что с утра 24 августа в порту ждут нас сотни наших друзей во главе с Самвелом Закарянном и Гамлетом Ватьяном. Это они три года назад взяли за организацию работ по восстановлению переломов, вывихов, увечий, потерь, полученных во время потийского шторма.

Правда, не все нас дождалось. На подходе к воротам порта «Киликия» получила приказ: «Встать на рейд! Дождаться дополнительной информации». Все! Баста. Надоело описывать ситуации, похожие друг на друга как две половинки одного яблока.

Мы люди закаленные. Натренированные. Молча выполняем то, что нам велят. Ибо давно уже примирились со всем, что неизбежно. Так что медленно шли к бочке, которую нам выделали для стоянки.

Именно в это время мне позвонил председатель правления Союза писателей Армении Левон Ананян. По голосу я понял, что случилась беда. Умерла Сильва Капутикян.

* * *

Тотчас же капитан дал команду приспустить все флаги.

Экипаж «Киликии» молча выполнял тихие команды капитанов. Становились на бочку, разговаривая друг с другом шепотом. Все, в том числе и кок Самвел. Лишь я находился внизу. Сидел перед машинкой за висячим столиком. Не знал, что делать...

Позвонил консулу Армении в Сочи, точнее, в Краснодарском крае и Адыгее Вардану Асояну и попросил, чтобы он заказал авиабилет на Ереван. Выяснилось, что следующий рейс — через три дня. Тем не менее, на всякий случай, решили заказать билет...

...Перелистывал сборник стихов — подарок Сильвы экипажу «Киликии». Три года назад она мелким бисером вывела свое пожелание экспедиции: «Пусть ваше молодое безумие принесет молодость нашему пятитысячелетнему седовласому народу и докажет миру, что в нас бессмертен дух наших киликийских предков, что мы еще будем жить, творить и претворять свои справедливые чаяния в жизнь. Счастливого плавания и скорейшего возвращения!..»

Я начал писать от имени экипажа прощальное слово, в котором упоминается пожелание Сильвы о «скорейшем возвращении»: «На самом финише экспедиции, когда мы уже так близки к дому, где должны, соблюдая традицию, непременно навестить нашу добрую покровительницу, наш истинный талисман, ее не стало»...

...Целые сутки мы проторчали на рейде, и целые сутки я не выходил на палубу. Писал о Сильве. Думаю, слова эти, которые писал для опубликования в день похорон, я должен повторить в книге. Хотя бы потому, что они написаны на борту «Киликии».

«Таким поэтом, как Сильва Капутикян, можно быть, но нельзя становиться. Ей было как-то неловко оттого, что много писала и, словно оправдываясь, она говорила: «Я похожа на сеятеля, который обильно разбрасывает зерна, сознавая, что не все они взойдут». К великому счастью, многие-многие зерна, брошенные Сильвой на вспаханное ею поле, легко и богато всходили, подчас пробивая каменистый обсевок в поле. Все в ней было поэтическим: и глаза, и голос, и улыбка, и имя.

Она была поэтом от Бога. Ровно тридцать лет и три года я знал ее. Чуть ли не каждый день встречался с ней. Но так и не понял, верит ли она в Бога. И узнал лишь сегодня. На борту «Киликии» в Черном море, когда рано утром позвонил мне Левон Ананян и, тщетно пытаясь скрыть печаль в голосе, сказал: «Это случилось. Беда пришла. Сильва умерла». Не помню, что в ту минуту говорил, как себя повел, но обратил внимание, что все ребята поднялись на верхнюю палубу и кто-то произнес имя «Сильва». Я сел у края полуюта и долго молчал. Молчал и экипаж, молчала «Киликия». Шумело лишь море.

Я первый нарушил молчание. Попросил капитана принести мне томик Сильвы, который хранился на борту с первого дня

плавания. Открыл наугад страницу. И надо же — Божий перст! Открылась именно та страница, на которой Сильва, как оказалось, давно дала ответ на мой вопрос, верит ли она в Бога. Многие ведь говорят: «Бог во мне». Но она это сделала тонко. «Мать не только мать, а дом... Она была со мною дома, рядом. Теперь она — во мне, в душе моей...». Я вчитывался в старый сборник стихов и видел ее перед собой живую. Она знала, какую книгу подарить экипажу. В ней много строк о море, даже об океане. На вопрос: «А где океан?», она отвечает не задумываясь: «Он в глазах моряков, в очах моряков — великий Океан!».

И чем дальше я читал, тем больше убеждался, что у Сильвы особые отношения с Богом.

Когда чей-то мальчик рыдает,
Мне чудится: внук мой рыдает,
Когда кто-нибудь умирает,
То будто меня упрекает,
Когда загубил кто-то душу,
Мне чудится: я виновата —
Нарушила договор с Богом
И кто-то за это страдает.

Трижды перед очередным этапом плавания на «Киликии» экипаж посещал Сильву. И дважды мы были ее гостями сразу после финиша очередного этапа. Она ждала нас и после окончательного третьего, заключительного этапа. Я часто говорил с ней по телефону. В последний раз позвонил ее сыну, моему большому другу Араику Ширазу, и попросил, чтобы он поехал в больницу и связал меня с матерью, которая накануне вдобавок ко всем своим бедам еще и сломала ногу. Вскоре Араик позвонил из палаты и передал трубку матери. Это был мой последний разговор с Сильвой. Она сказала, что внимательно следит за плаванием «Киликии» и с нетерпением ждет встречи с экипажем. И добавила, превозмогая боль: «Главное, Бог свидетель, я обошла весь свет, частенько думая о том, какая же конкретная дорога станет для меня последней. И ты знаешь, какая это дорога...»

Я знал, о какой дороге идет речь. В последние годы, прикованная к постели, она часто вспоминала ту дорогу. Летом 2002 года мы вместе ехали в Арцах. Она была непривычно бодрa, охотно вспоминала детали многих своих поездок в Карабах, то и дело оборачиваясь назад, чтобы мне хорошо было слышно. Вдруз у нее стал заплетаться язык. Чуть погодя она еле вымол-

вила, что рука, кажется, онемела. Мы успели пройти уже четверть пути, были на подступах к Ехегнадзору. Я быстро наклонился к водителю и сказал: «Быстро и незаметно для нее развернись и гони в Ереван».

Это был инсульт.

Я не дал ей больше говорить. Предложил немного поспать. Для этого тотчас же откинули спинку ее кресла. Она чувствовала слабость. Симптомы были не сильно выражены, и поэтому она не догадывалась о главном, о том, что беда уже случилась. Я на правах врача то считал пульс, то просил, чтобы она руками поочередно сжимала мне пальцы. Только завидя Арарат, она догадалась, что возвращаемся в Ереван. По дороге я позвонил профессору неврологии Генриху Бакунцу и пригласил его домой к Сильве.

Больше месяца лечилась она в лечкомиссии у Бакунца. Вроде бы полегчало. Но с тех пор Сильва оставалась Сильвой только дома. Время от времени вспоминала свою последнюю, знаковую ей до боли дорогу. Иногда, притворяясь здоровой, выходила в свет с тростью в руках. Кстати, о трости. Однажды, лукаво шурясь, сказала: «Хоть этой штукой чем-то я напоминаю варпета». При этом всякий раз повторяла: «Мне грех жаловаться, я уже пережила самого Исаакяна».

Мне в жизни везло на друзей, особенно на боевых. В частности, Сильву всегда так и называл: «Боевая подруга». Она это принимала. Сильва была одной из провозвестниц Карабахского движения. Мало кто знал, что еще задолго до начала Движения она два десятилетия без усталости писала пространные обличительные письма, которые мы рассылали по всем инстанциям. Когда сразу после февральского «извержения вулкан» в Степанакерте и Ереване у меня появилась возможность встретиться с членом Политбюро ЦК КПСС Александром Яковлевым, а затем и с Генеральным секретарем Михаилом Горбачевым, я позвонил Сильве. Не смог ее найти. Позвонил своей жене, наказал, чтобы встретилась с Сильвой и сказала, что нужно срочно вылететь в Москву. Как я узнал потом, боевая подруга не спрашивала «Зачем?» Знала, что так надо.

Она любила слова «солдат», «воин», говорила, что поэт считается солдатом уже потому, что не сомневается в победе: «Поэт армянский, что бы ни случилось, Пускай в бою падет последний воин, Не усомнись в бессмертии народа, Не забывай — ты не имеешь права».

Сильва была трубадуром, который находился в славном ряду тех, кто воспитывал героическое поколение Карабахского

движения. С ней не всегда и не все во всем соглашались, в том числе и ее соратники. Но это не мешало боевой дружбе. Ибо мы знали о принципе великого поэта: «Права ль я, нет — моя беда: вам знать того не надо. Унижена или горда — вам знать того не надо. Остаться б мне наедине с самой собой и с небом Или уйти — зачем? Куда? — вам знать того не надо».

Вот и сейчас, пройдя, хоть и не до конца пройдя все свои дороги, она решила уйти. Зачем? Куда? Нам не дано этого знать. Она так решила. И все. И сама хорошо знала: куда бы ни ушла, всегда останется. Останется, как писала сама: «С нами, в нас, в наших душах»... Ушла, чтобы остаться. Ушла, оставаясь гордой, оставаясь верной собственному завету: «Уж лучше — под вагон, но в ноги не бросаться».

* * *

«Киликия» остановилась там, где ее причалили три года назад (когда я пишу «три года», я имею в виду не три календарных, астрономических года, а три сезона, три этапа плавания: лето и осень 2004, 2005 и 2006 гг.). Буквально — на том самом месте. Только на сей раз она, как и ее экипаж, были спокойны. Не было никаких хлопот, связанных с ремонтом. Однако не только «Киликия» обустроилась на прежнем месте, но и мы сами. Все тот же добрый и улыбчивый Гамлет Ватьян повез экипаж в свой санаторий «Золотой колос», где нас очень ждали. У входа в гостиницу был прикреплен цветастый плакат с изображением «Киликии» и приветственным словом в адрес экипажа.

Вечером ко мне в номер пришли Гамлет Ватьян и хозяин популярнейшего в Сочи коньячного (и не только коньячного) магазина «Арагат», предприниматель Самвел Закарян и взахлеб говорили о том, что все это время их поражала «Киликия». Оба они, как и все сочинские друзья, собственными глазами видели, в каком состоянии тогда находилось судно. Напомним, что именно в Сочи мы меняли рулевые весла, сантехнику. Укрепили и поменяли некоторые узлы, установили новые сигнальные огни и все такое прочее. Вот этим людям и думалось, что доплывем мы примерно до Новороссийска или Ялты, в лучшем случае до румынской Констанцы или болгарской Варны и на том закончим «эпопею». Время от времени Самвел названивал нам и справлялся о самочувствии не только экипажа, но и судна. Конечно, все эти восторги и комплименты, как всегда, я передавал по более точному адресу — Карену Балаяну и всем строителям «Киликии», живым и мертвым.

* * *

Хриплый голос из аппарата ультракоротковолновой связи звучал довольно строго: «Отставить отход судна «Киликия»! В регионе объявлено штормовое предупреждение».

Рано утром нам было дано добро на выход в море с оговоркой: «Дан отбой штормовому предупреждению, однако завтра к полудню, согласно прогнозу, оно будет объявлено снова. Ветер юго-западный».

Выход в море нам разрешили в надежде на то, что пока циклон достигнет северной части Черного моря в районе между Сочи и Абхазией, мы успеем выйти из опасной зоны. Думается, портовые работники до конца не разобрались с прогнозом. Выйдя за ворота сочинской бухты, мы взяли курс на восток. Шли на всех парусах, поскольку ветер был попутным, обещали, что он будет таким в течение суток. Однако впоследствии он то и дело менял свое направление. Словом, и здесь произошла путаница.

Еще в Сочи мы заказали венок с надписью на черной ленте: «От экипажа экспедиции «Киликия» погибшим в авиакатастрофе 2 мая 2006 года». В географической точке 43 градуса 23 минуты северной широты и 39 градусов 51 минута восточной долготы на «Киликии» спустили паруса и легли в дрейф. Затем капитан Карен Балаян приспустил флаг Республики Армения, капитан-наставник Самвел Карапетян — флаг Российской Федерации, я — флаг Нагорно-Карабахской Республики. Молодые матросы Мушег Барсегян, Гайк Садоян и Ваагн Матевосян, держась за длинные концы черных лент, вместе спустили венок на воду именно в том месте, где на дне лежит корпус затонувшего армянского авиалайнера А-320. Все члены экипажа, стоя шеренгой у левого борта, бросали в море алые розы.

Напомним, эта страшная авиакатастрофа, потрясшая мир, произошла накануне старта третьего этапа «Киликии». Уже тогда, сто двадцать дней назад, мы решили, что на месте гибели армянского самолета спустим на воду венок, а для этого нам непременно надо вернуть «Киликию» домой. Ведь от этой трагической точки до финишной ленты, то есть до Поты, останется всего-то сто пятьдесят миль. Правда, их еще надо пройти. «Киликия» хорошо помнит этот участок маршрута.

Сразу после страшного землетрясения в декабре 1988 года к нам приехала Мать Тереза. Семидесятивосьмилетняя монахиня, которую глубоко почитал весь мир, в поверженном слепой стихией Спитаке сказала, обращаясь к группе спасателей, что долг рождается из чувства необходимости непременно что-то сделать

самому, а не только побудить других людей к каким-то действиям. И закончила фразой: «Долг — это нечто очень личное».

* * *

Двадцать девятое августа. Позвонил Левон Айрапетян, мой верный соратник. Вот уже четверть века он со мной в строю Карабахского движения. Многократный чемпион спортивного общества «Динамо» СССР, чемпион Армении, заслуженный тренер СССР, директор республиканской школы самбо. Тренер, воспитавший более двадцати чемпионов мира и обладатель кубка мира по самбо среди мужчин и женщин. Начальник Спортивного клуба армии Армении. Я ждал его звонка.

Было без пяти минут три пополудни. Он поставил свой сотовый телефон на громкую связь. Рядом с ним находились моя жена Нелли и сын Гайк. Стоя на палубе, я высоко поднял руку с телефоном. Ребята знали, что происходит там, в Ереване, в пантеоне Комитаса. Целых двадцать минут на фоне мерных скрипов «Киликии» и мерного шума волн мы слышали печальные звуки ансамбля армянских дудуков. Хоронили Сильву Капутикян. Я попросил, чтобы Лева справился о названии мелодии. Оказывается, шедевр этот называется «Море звезд» («Շօվ աստիճ»). Благодаря Левону Айрапетяну и «Морю звезд» экипаж «Киликии» и само судно прощались с Сильвой, которая ушла, чтобы остаться.

* * *

Кто сказал, что в одну и ту же воронку бомба дважды не падает? Еще как падает! Все во власти всяких там теорий больших чисел, вероятностей, случайностей, закономерностей и все такое прочее. Мы тоже думали, что если отрезок между Потти и Сочи — это воронка, то можно быть спокойным, бомба туда не упадет. То есть шторма не будет. По крайней мере, не будет такого, как тогда, в июле 2004 года. Но все повторилось. Даже то, с каким неслыханным опозданием портовая служба погоды объявила о штормовом предупреждении. Помнится, сразу после церемонии спуска на воду венка на месте гибели армянского самолета А-320 мы взяли курс мористее. Двигались с черепашьей скоростью. Ветер дул в нос с нарастающей силой. День 30 августа я хорошо запомнил. Это день рождения моей младшей дочери Лусине. Я ее поздравил только по спутниковому телефону. Беда была в том, что мы ничего не знали о прогнозе погоды. Беспокоило меня и то, что накануне мы несколько раз связывались с послом Армении в Грузии Рачья Силваняном и во всех

подробностях договорились о деталях графика. И вот, мало нам было хлопот и тревог, связанных с погодой, так теперь мы лишились и связи с послом. Приведу с некоторыми сокращениями запись, сделанную в тот поздний вечер 30 августа...

«...Спустя несколько часов, когда в небе уже появились первые звезды (правда, вскоре они закрылись тучами), неожиданно зазвонил спутниковый телефон. Посол прямо-таки оглушил меня прогнозом погоды: «Ветер юго-юго-западный, 10–12 метров в секунду. Волнение моря 4 балла. Однако в ночь на 31 августа направление ветра изменится на юго-восточное. К утру ветер усилится до 22 метров в секунду. Объявлено штормовое предупреждение».

Надо объяснить, почему портовая служба именно из Батуми связалась с армянским послом и настоятельно просила его сообщить экипажу «Киликии» о том, что нужно вернуться в Сочи. Казалось, беспокоиться должны были портовики Потти, а не Батуми. Ибо для «Киликии» последний порт — Потти. Именно туда из Еревана уже отправился обоз, состоящий из трейлера, нескольких грузовых машин и одной «маршрутки». Дело в том, что команда втайне от Самвела Карапетяна решила, минуя Потти, отправиться в Батуми к матери нашего капитана-наставника. И об этом я, конечно, сообщил послу Силваняну, который со своими сопровождающими должен прибыть в Батуми, чтобы принять участие в нашем сюрпризном визите к матери Самвела. Вернемся к теме погоды. Мы ведь оказались в чрезвычайной ситуации. Ни вперед не пройти, ни назад не вернуться. И на месте устоять невозможно. А ветер усиливается. И звезды, которые поодиночке появились вечером на небе, скрылись за тучами. Возникла идея: стучать три точки, три тире, три точки, то бишь SOS — спасите наши души. На это капитан-наставник спокойно заметил: «Нам для этого понадобится в сто раз больше денег, чем мы потратили за все три этапа плавания. Да и при таких параметрах погоды сам Шойгу на ночь глядя не сможет до нас добраться».

Я был уверен, что в эту минуту «Киликия» внимательно слушает нас. И, улучив момент, спросил ее:

- О чем ты думаешь?
- Самвел за меня ответил на этот вопрос.
- Он всего лишь сказал, что помощь до нас не дойдет.
- В конечном итоге, речь о надежде.
- Знаешь, «Киликия», в далекой юности я очень любил это слово — надежда. «Пока дышу — надеюсь». Такая мысль встре-

чалась еще у древних мыслителей — Сенеки, Цицерона. Мое поколение произносило эти слова на-латыни: «Дум спиро — спиро». Но вот исследователи-психологи выяснили, что надежда — это сон наяву, что она обманчива. Может, она и впрямь хороший спутник, но очень плохой поводырь. Короче, многие считают, что чаще надо не «надеяться», а «опираться». Опирается на опыт, на знание, на свою тренированность, на свои бицепсы, на свою волю. Иначе получится, как у одного философа: надежда возможна только в мире, где есть место чуду...

— А что? — перебила меня «Киликия», — прав твой философ! У нас есть чудо на борту. Посмотри на капитана. Я его знаю пятнадцать лет. В самом спокойствии — его воля. Слава Богу, все в эту минуту находятся на палубе.

— Даже кок?..

— Даже кок. Хотел бы сказать обо всех поименно. Вот хотя бы тот же кок. Он ни на кого не похож. Но в то же время похож на всех. Для него все — как братья родные. Скажи ему сейчас, что нас ждет опасность, — он все переведет в шутку, хотя прекрасно чувствует опасную ситуацию. Или юноши наши — Мушег, Гайк, Ваагн. Возможно, у них сейчас в душе есть страх. Как-никак, понимают, что нас ждет шторм и избежать его мы не можем. Но молча делают свое дело. Меняют галсы, держа в руках концы и прыгая из стороны в стороны. Порой тянут за конец так, что ложатся на палубу. Это разве не чудо?

Для Арега и Гайка Бадаляна настала пора, когда они сами встали у рулевых весел, словно мы находимся в порту, где только и только они искусно управляют судном. Значит, сами оценили ситуацию и встали на вахту. Это — проявление чувства ответственности. Я вот что скажу в этой связи. Нынче все получили сколько угодно свободы. Свобод так много, что места в душе не остается для ответственности. Свобода опасна без ответственности. А посмотри, как себя ведет Самвел Бабасян. В кромешной тьме он, как крот под землей, ощущает все, что творится на палубе. Как только юнги во время смены галса, собравшись вместе, повисают на шкертке, чтобы общей тяжестью выпрямить парус, Бабась тут как тут. И делает все четко. Наконец, погляди, как Арик вместе с Самвелом и Кареном, стоя на корме, дают команды, словно вокруг не темень, а яркий солнечный день и они все хорошо видят. Причем Арик в основном поправляет ошибки рулевых...

— Понятное дело, Арик сейчас начальник вахты. Кстати, тоже встал вне очереди.

— Вот тебе и еще одно чудо. Мне остается добавить к железному спокойствию Карена стальные нервы капитана-наставника. Тоже ведь чудо из чудес. И еще: остается сказать и о нас с тобой...

— Обо мне не надо. Все равно все, что ты скажешь, я не помешу в книгу, даже если соглашусь с тобой. Чудом является весь экипаж. Но вот о тебе самой скажу честно: никакое чудо не поможет нам, если ты не выдюжишь.

— В создавшейся ситуации требуется одно: четко и грамотно управлять парусами, а стало быть — судном. Вот и вся надежда. Для меня настоящим чудом является то, что экипаж у нас, к счастью, не заурядный, а какой-то по-хорошему сумасбродный.

— Кстати, кто-то из великих сказал, что в сумасбродстве есть большая надежда, а в заурядности — никакой.

* * *

Синоптики оказались правы. Направление ветра менялось на наших глазах. Все легче и легче было управлять парусами. Однако поначалу ничуть не легче было «Киликии». Казалось бы, надо радоваться тому, что ветер меняется почти на сто семьдесят градусов, ибо он становится попутным, надувая до предела «щеки» парусов. Однако волны по инерции ползут навстречу. И вот что получается: паруса со всей силой толкают судно вперед, а навстречу движется крепостная стена. Слышишь целый хор скрежетов, скрипов и видишь, скорее, чувствуешь, как наклоняется вперед мачта. Не дай Бог в такой ситуации менять галс (курс судна относительно ветра). Тотчас же начинается тряска, паруса то напрягаются, то на мгновение повисают, как тряпки. И все это в ту ночь происходило в темноте.

Никто не спал. За пятнадцать-двадцать миль до Поты я настоял на том, чтобы Самвел лег спать. Тем более, что, несмотря на ураганный ветер, с каждым часом выпрямлялось направление волн, и мы шли, привычно преодолевая высокую килевую качку. Я объяснил свою настоятельную просьбу тем, что в Поты много работы. Там нет армян. А грузинским владеет только Самвел. На помощь мне (по договоренности) подоспели Карен и Арик. Обещали капитану-наставнику, что, как только приблизимся к Потийской бухте, непременно разбудим его.

К утру на разных участках неба появились звезды. Ураган не всегда сопровождается грозой и дождем. Однако звезды — всегда хорошее предзнаменование. От них, как от солнца, веет оп-

тимизмом. Мы шли далеко от берега. Уже прошли траверз Очамчири, уже видно, правда, неяркое, даже слабое, но зарево порта Анаклиа. И вскоре кто-то на палубе, забыв о тайне, вслух произнес долгожданное «Поти». Кто-то цыкнул на него. Бедняга (это был Ваагн Матевосян), поняв, какую оплошность допустил, двумя ладонями прикрыл рот. Однако капитан-наставник спал мертвым сном.

Заработали сотовые телефоны. Это значит — до берега менее двадцати миль. Тотчас же раздался звонок. Как и накануне, я угадал — это посол Армении, который, я ничуть не сомневался, не спал всю ночь. Услышав мой голос, Рачья заорал в трубку сначала что-то невнятное. Затем членораздельно выдал типично армянские (а может, и грузинские) пожелания: «Чтобы дома ваши строились! Чтобы дома ваши не разрушались! Боже мой, что же вы со мной сделали!?»

Нетрудно было догадаться, что он тщетно пытается скрыть одновременно и состояние «кома в горле», и радость. Мне надо было сказать ему нечто и благодарное, и успокаивающее. Кажется, я нашел точные слова: «Собственно, почему посол Армении должен спать, если в это время граждане его страны не спят, находясь в территориальных водах Грузии?»

В тот день я отправил в Ереван очередной репортаж, озаглавив его так: «Бессонная ночь посла Армении».

* * *

Рачья Силванян, как я уже говорил, знал о нашем стоворе. Звонил он по дороге не в Поти, а в Батуми. Он спешил туда, чтобы организовать встречу «Киликий». И не только саму встречу. Как только я закончил разговор, ко мне на самый нос судна, где я шепотом вел конспиративный диалог с послом, подбежал Мушег и радостно сообщил: «Самвел проснулся!» Шестикратный чемпион Армении по парусному спорту, ботсман «Киликий» таким тоном произнес эти два слова, будто после недели дождей и тумана в небе появилось яркое солнце.

Я подошел к Карену и Арику, простоявшим всю ночь на корме, и достал из ящика бинокль. Договорились, что не будем обращать внимание на Самвела, когда он подойдет. Мол, мы очень заняты, изучаем береговую линию. И когда Сэм медленно поднялся из люка, мы громко заговорили, произнося какие-то малозначащие слова и передавая друг другу бинокль. Самвел посмотрел на трепыхающийся от косых лучей утреннего солнца горизонт в сторону Турции. Потом перевел взгляд на левый

борт и вдруг остолбенел. В сизой полупрозрачной дымке видна была береговая линия. И больше ничего. Где-то, конечно, темнели какие-то пятна, но невооруженным глазом определить, что это такое, вряд ли было возможно. «Ничего не понимаю», — проговорил он тихо. Немного погодя добавил громко и нервно: «Вы с ума сошли! Да вы хоть понимаете, что мы уже прошли Уреки, и вон отчетливо видно Кобулету. Поглядите в бинокль, и вы увидите контуры чайной и хлопко-ткацкой фабрик. Я вон вижу даже крыши тунгового и консервного заводов».

Экипаж замер. Все уже забыли о священной тайне. Просто не могли скрыть удивления. Тысячу раз мы оказывались свидетелями того, как Самвел, увидев едва заметное пятно на горизонте, говорил нам, что это за судно, каким курсом оно идет, какого цвета. Меня же больше всего сейчас поразили названия этих заводов в Кобулету. Ну, консервный завод — понятное дело, а вот что это за штука такая — тунговый завод? И я не мог не спросить Самвела, которого, конечно, в это время волновало совсем другое. Тем не менее, он нехотя сказал:

— Есть такое дерево тунг — из семейства молочайных. Их великое множество. Произрастают в тропиках и субтропиках. Мы сейчас как раз находимся на побережье субтропиков. Завод Кобулету производит из семян тунговых деревьев тунговое жирное растительное масло, которое используется в фармакологии... Собственно, о чем мы говорим? Давайте поворачивайте судно назад...

— Отставить! — громко скомандовал капитан. — Идем прежним курсом!

— Я согласен, — влез в диалог капитанов кок, — если мы пойдем в Поту, то умрем с голоду. Ибо я не готовил обед, и в планах у меня нет даже мысли об ужине.

У капитана-наставника заблестели глаза. Кажется, он, еще читая лекцию о семействе молочайных, стал кое о чем догадываться. И когда на его загорелом лице появилась светлая улыбка, все захохотали. С самого начала он планировал иначе. Пристанем к стенке Поту. И через какое-то время он поедет на машине домой к матери. Подумаешь, каких-нибудь сорок километров. Перед стартом экспедиции из Поту Самвел несколько раз ездил домой. Но на сей раз сама команда во главе с капитаном решила нанести визит матери своего наставника, чтобы поклониться тикин Седе. Поблагодарить ее от имени всего экипажа. И в ее лице поблагодарить всех наших матерей. Живых и мертвых. Поклониться им всем.

Мне не терпелось. Очень хотелось, чтобы читатель узнал о тикин Седе не потом, когда выйдет книга, а сейчас, из репортажа. И чтобы это было во многих газетах, на многих языках. И чтобы поместить в Интернете. Забегая вперед, в неведомое, в грезы, в мечтания, скажу, что когда-нибудь (пусть даже на том свете, да простят меня за мистику) мы совершим кругосветку, посвятив ее армянской матери. В свое время я мечтал о яхте, на борту которой будет написано имя моей матери — «Гоар». Об этом писала «Литературная газета». Сегодня мы совершаем не кругосветное плавание. Сегодня мы совершаем нечто большее. Выполняем долг. Сознывая, что любое другое решение — ошибка, мы поступаем так, как должны поступать друзья, как должны поступать сыновья по отношению к матерям. Все просто, все логично. В Потю мы пойдем только после Батуми. Так что мы сейчас завершаем трехлетнее плавание в Батуми, чтобы прямо с борта отправиться к матери друга.

* * *

На высоком флагштоке развевался государственный флаг Армении. Это уже постарался Рачья Силванян, который вместе с советником посольства Гагиком Айрапетяном составил довольно плотную программу суточного пребывания «Киликии» в Батуми. Все учел посол. Зная о том, что экипаж прямо с причала отправится к матери Самвела, он заказал нужное количество машин. Договорился с портовыми службами (пограничниками и таможенниками), чтобы документы оформили без бюрократической волокиты. Ему в этом помогал молодой мэр Батуми Ираклий Таварткелидзе.

Командовал кортежем сам посол. Экипаж «Киликии» ехал к тикин Седе на черных автомобилях. Водитель головной машины заранее изучил маршрут. Я слушал посла, не выпуская из рук блокнот. Время суток — сумерки. Я впервые в Батуми, при упоминании которого всегда вспоминаю светлого и яркого человека, литератора и литературоведа Левона Мкртчяна. Поглядываю на стены домов, чтобы прочесть название улиц. Ехали сначала по Гогешавили, повернули на Руставели, вышли на бывшую Кирова (ныне улицу 26 мая) и остановились у дома номер 16. Силванян сказал мне:

— Думаю, долго не будем задерживаться...

— Как сказать? Думается, задержимся...

— Это исключено, — не без тревоги в голосе сказал он тихо. — Нас ждут в одном месте. Целых два дня готовились.

Я промолчал. Дело в том, что тут осознал свою ошибку. Я должен был в обязательном порядке сказать послу о моей тайне. Тайне от всех, в первую очередь от Самвела. Все были уверены, что для тикин Седы визит наш будет сюрпризом. Поначалу я тоже хотел, чтобы он оказался сюрпризом. Но накануне в море, с самого утра, глядя на кучевые облака, я видел в них мою маму, глядя на волны — тоже видел маму. Даже слышал ее голос в мерном гуле ветра. Она мне в аналогичных случаях наказывала: «Больше так не делай. Я тебе тысячу раз говорила, что нельзя мне устраивать такие сюрпризы. Каждый раз привозишь в Арцах гостей, которые навещают меня, и всякий раз мне бывает неловко. Я не только хозяйка дома, я — женщина. Я должна обязательно привести себя в порядок. И потом — я не должна оставлять знатных гостей и бегать на кухню, чтобы поставить чай, вообще, чтобы накрыть стол». С тех пор я всегда ее предупреждал и даже уточнял, с какими гостями приезжаю в Арцах. Лишь однажды забыл. Замешкался. Летели в Степанакерт через север Карабаха, совершив посадку сначала в Гандзасаре. Тогда ведь не было сотовых телефонов. И вот вместе с академиком Виктором Амазасповичем Амбарцумяном заходим домой. На мое брошенное с порога традиционное «Мама!» она ответила радостным, тоже традиционным «Джана!» Обняла меня. Потом, переведя взгляд на великого астронома, как-то осуждающе и даже гневно посмотрела на меня. Правда, ей так казалось, что она смотрит на меня гневно. Ее выдавали несколько лукавые и безгранично радостные глаза.

Словом, памятуя об уроках своей матери, я не мог подвести мать друга. И предательски выдал ей тайну сюрприза. Так что когда посол Армении почувствовал, что его вечерняя программа рухнет, я хорошо знал, что он ничуть не ошибается в своих познаниях. Ибо нисколько не сомневался, что на четвертом этаже в трехкомнатной квартире Седы Карапетян нас ждет пир.

Дверь квартиры номер 16 была открыта. Целая футбольная команда пропустила вперед своего капитана-наставника, который тотчас же попал в объятия матери. За ними стояла очередь: брат Сэма, сестра, две невестки, три внука. Последние гурьбой вцепились в грузного и огромного дядю, едва вырвали его из крепких объятий бабушки и потащили вглубь комнаты. Тикин Седа стояла у входа и, счастливо улыбаясь, раскрыла руки, как крылья, и с трудом вымолвила по-армянски: «Бари галуст!» («Добро пожаловать!»).

Тикин Седа (как тут не вспомнить мою маму!) подготовилась к встрече. Она была одета в красивое платье, да не про-

стое, а прямо-таки морское. В сине-белую полоску. Сэм говорил, что она часто болеет, одна не выходит в город. Но в тот вечер тикин Седа была говорливой, веселой. Когда ее стремительные дочери и невестки стали накрывать на стол, посол Армении задержал свой взгляд на мне. В этом взгляде я прочел какой-то мягкий упрек. Я ему улыбнулся. Он ответил улыбкой и достал из кармана сотовый телефон. Нетрудно было догадаться, что он сейчас позвонит кому-то и даст отбой уже готовому ужину.

Боже мой, что за стол это был! Четыре месяца кряду мы ели «яства» долговязого кока — посредственного ученика своей талантливой жены Рузанны. Правда, иногда нас угощали всякими там устрицами, пиццами и даже лягушками. А тут шашлык со всеми классическими и хрестоматийными атрибутами: баклажан, помидор, перец. Печеная картошка и приготовленная по-карапетяновски в духовке курица, прохладное домашнее вино и холодная домашняя водка. А всякие там закуски и прочие салаты не были удостоены внимания моего блокнота.

Конечно, в этот вечер тикин Седа была в ударе. Даже молчала она красиво. Когда пили за нее, она краснела красиво. А когда произнесла всего один тост, то была просто-таки королевой красоты, не чувствующей своего возраста. Ибо предложила она поднять бокалы за матерей членов экипажа «Киликия». Она спросила не то себя, не то всех присутствующих: «Когда впервые человек произносит имя Бога?» И тотчас же ответила: «С самого первого произнесенного ребенком слова — «мама». Так что в устах ребенка мать — это и есть настоящее имя Бога. Вот и давайте сегодня вспомним всех ваших мам. А кого нет — пусть души их освещает небесный Бог».

Зазвонил телефон Силваняна. Он встал, отошел чуть в сторону от стола. Попросил тишины. По разговору его можно было догадаться, что на том конце провода находится человек из портовой службы. Так оно и было. Закончив разговор, Рачья подошел к столу и сказал: «Вновь объявлено штормовое предупреждение в регионе. Завтра выхода в море не будет».

Больше всех обрадовалась тикин Седа, пообещав, что непременно посетит судно и поднимется без посторонней помощи на борт. Стол загудел. Кто кричал «Браво!», кто — «Ура!». А я думал о том, как точно она заметила, для малыша мама — это Бог. Хотя вряд ли она знает о том, что философы уже давно вывели математически точную формулу: «Мать — единственное на земле божество, не знающее атеистов».

* * *

Чем ближе к причалу, тем больше я думал о «Киликии». Не сомневался, что меня ждет очередной диалог. Потому что знал, что она наверняка «чувствовала», что творилось у тикин Седы дома. Нетрудно было догадаться и о том, какую она предложит тему для беседы. Предчувствовал и то, что «Киликия» с ее жизненным опытом и возрастом Мафусаила готова к раскрытию подобного рода темы куда лучше, чем я.

Не так уж часто хвалила нас «Киликия». По большому счету, она довольно скупа на похвалы. И вдруг она начала разговор с высокого слога:

— Сегодня вечером вы все были больше, чем просто молодцы...

— Так это же не мы, а тикин Седа — молодчина, — решил я поскромничать от имени команды.

— Я о другом. Я о самом факте, что, обойдя Поты, вы привели меня в Батуми, к матери Самвела. Еще до того, как вечером вам сообщили о штормовом предупреждении, я чувствовала, что так оно и будет. Чувствовала и по направлению ветра, и по тому, как меняется температура воздуха. И чувствовала, что завтра тикин Седа навестит меня. Вы, наверное, и сами не до конца осознаете, как это правильно, что именно на финише благодаря тикин Седе главной темой для вас стала мать. Это очень важно. Я ведь намного шире и глубже воспринимаю понятие «мать». Для меня это и рождение, и родство, и предки, и начала, и истоки, и, конечно, порты, доки, леса, стапели, солнце, суша, море.

— И все это мать?

— Да. Для меня все они матери.

— Значит, правы философы, которые еще до рождества Христова считали, что все мы родились из земли и воды. Значит, изначально мы все родственники. При этом жизнь показывает, что родные — необязательно родственники. Родные — те, кто схожи силой духа. Наблюдения показывают, что ненависть между близкими, между родственниками, даже родными братьями порой бывает страшней, чем между заклятыми врагами. И вроде нечего удивляться тому, что люди рождаются чистыми, невинными, искренними, а умирают грязными, греховными, лживыми. Таков мир, который, может, сохранился и до сих пор держится благодаря исключениям. А исключением этим является мать с ее божественным отношением к детям. В этом я убедился, глядя на мою бабушку, которая вместе с дедом вырастила и воспитала меня. Глядя на мать, которая, пережив сталинский ад, стала больше, чем просто мать. Глядя на тещу,

от которой веет философской мудростью и университетскими лекциями.

— Вот мы и пришли к тому, что спасение мира — мать.

— Согласен. Ибо мир, в конечном счете, будет спасен через покаяние и прощение. А теперь погляди, как перекликались на этот счет Мопассан и Бальзак. Первый сказал, что неблагодарный сын — это преступник, но даже в таком случае мать берет покаяние на себя. А вот Бальзак выразился еще точнее: «Сердце матери — это бездна, в глубине которой всегда найдется прощение».

— Мне остается только завидовать вашей «Армении»!

— С каких это пор Армения перестала быть и твоей?

— Я имею в виду будущее ваше судно, которое, как я знаю, будет называться именно так. Я множество раз чувствовала, как вы с ребятами мечтаете о своей кругосветке...

— Возможно, кругосветка будет не наша, а наших детей...

— Пусть будет так. Однако я о том, что кругосветка по дорогам спюрка будет посвящена армянской матери...

— Да. Армянской матери, которая на чужбине сохранила армянство, армянское в армянине.

— В кают-компани будет висеть портрет основателя армянской письменности Месропа Маштоца, а в каютах — портреты матерей членов экипажа, символизирующих всех армянских матерей.

— И, конечно, на самом видном месте — портрет «Киликии», твой портрет, как предтеча, как прелюдия, как начало...

* * *

Прохладным ветреным утром я спешил на причал, неся с собой репортаж «Осязаемое счастье тикин Седы». Шел и мечтал о том, чтобы спуститься в трюм, упасть на жесткие нары и покемарить шестьсот минут. Но поспать не пришлось ни одной минуты. Не успел я передать Арику текст репортажа для перевода на язык компьютера, как боцман Мушег, наклонившись над люком, сообщил, что вся семья Сэма уже на причале.

Верхний край борта пришелся в самый раз к уровню края причала. Так что трап был установлен горизонтально. Я вовсе не всуе отмечаю эту деталь. Женщина, перешагнувшая рубеж восьмидесяти лет, с больными ногами и прочими недугами, решила без посторонней помощи подняться на палубу судна, за долгим плаванием которого вместе с другими матерями членов экипажа следила и днем, и ночью, и даже, как сама говорила, во сне. Когда она под аплодисменты прошла по чуть качающемуся

трапу до самого края, юный Гайк Садоян по-джентльменски протянул ей руку. Но не тут-то было. Тикин Седа изучающе посмотрела вниз на пенек, пристроенный у борта. Расстояние до палубы — около полуметра — целая пропасть. Чуть присела и шагнула прямо на пенек. Тотчас же раздался одобрителный шум, крики «браво», аплодисменты. За матушкой Седой последовал ее взвод: сыновья Самвел и Амаяк, дочь Анриетта, невестки Диана и Мальвина, внуки Артур, Альберт, Амаяк.

Я уже понял, что операция «Тикин Седа» здесь, на палубе «Киликии», завершилась. На душе стало спокойнее. Я подумал, что матери остальных ребят посетят судно уже в Ереване. Скорее всего, придут они в разное время: там, в Ереване, вряд ли одновременно всех соберешь. Однако про себя решил, что надо будет узнать о времени визита родителей Карена Балаяна, чтобы самому обязательно быть на борту. Я должен рассказать ей о подвиге сына и поблагодарить за все. А пока, используя возможность, которую дает нам штормовое предупреждение, надо познакомиться с Батуми. Поменялись планы и у посла Армении Силваняна, и советника посольства Айрапетяна, которые должны были на машине поехать в Потю, чтобы организовать теперь уже не только встречи в порту, но и многосложный процесс поднятия судна на трейлер. Кстати, накануне вечером нам сообщили, что караван машин с трейлером уже в Потю. И еще: отмененный накануне вечером ужин, как оказалось, вовсе не отменен. Он всего лишь перенесен на сегодня, 2 сентября. Так что прежде всего мы отметим великий праздник Арцаха, а это значит — всего армянского народа.

* * *

Начали экскурсию с посещения армянской церкви Христа Спасителя, построенной в 80-х годах XIX века. Местечко уютное, утопающее в зелени. Церковь при советской власти сохранилась исключительно благодаря огромной любви батумцев к астрономии. Наверное, они знали, что великий астроном Виктор Амбарцумян родился не где-нибудь, а в Тифлисе. Сегодня это действующая армянская апостольская церковь.

Гидом нашим оказался глава армянской общины Григор Варданян, мужчина с гусарскими усами. На вопрос, кто он по специальности, ответил коротко и конкретно: «Связь, Интернет, коммуникации». Еще признался, что Батуми ему так же дорог, как Ереван. Выехали за пределы старого города, и Гриша увлеченно рассказывал о новостройках, в которых он видел особый смысл.

Дело в том, что многие здания, в частности, местные небоскребы, строят бизнесмены из стран СНГ. Рекордсменом является Казахстан. Как известно, среди предпринимателей дураков нет.

Хотя исключение подтверждает правило. Это я к тому, что вот уже три года батумский рынок открыт для внешнего капитала, а наши предприниматели ничего не предпринимают! А ведь можно построить гостиницу там, где каждое лето съезжаются десятки тысяч наших соотечественников. Именно об этом шел разговор в кабинете мэра Батуми Ираклия Таварткелидзе. Молодой, энергичный, с открытым лицом, влюблен в родной город, как в невесту. Шпарит цифрами как бухгалтер. Приведу кусочек записи из блокнота: «Как же можно не обращать внимания на удивительную динамику?! Ведь в позапрошлом году в Батуми побывали десять тысяч человек из Армении. В прошлом — двадцать тысяч. В нынешнем — сорок тысяч. Это же не какие-то дикари-туристы, а семейные люди с детьми. И при таких показателях никто не думает о качестве дорог. После отдыха люди возвращаются домой по бездорожью, растрачивая в тряске накопленную на море энергию».

«Благодаря» штормовому предупреждению столица Аджарии подарила нам еще один световой день и еще одну бессонную ночь. Все тот же Божий перст. С XI века Батуми — крепость, с 1888 года — город. Как и во всех или почти во всех шестидесяти портах, которые принимали «Киликию», в Батуми развиты нефтеперерабатывающая промышленность и судостроение. Киликийские корабли не раз входили в Батумский порт. Сами батумцы считаются отменными моряками (яркий пример — наш Сэм). И не только потому, что живут они у моря. Здесь есть мореходное училище со всеми соответствующими факультетами.

...Всю ночь я работал. Писал, стучал на машинке, читал. К утру решил поспать хоть часок. Лег в постель. Тотчас же раздался звонок. Это был Самвел, который громко и весело сказал: «Отбой штормовому предупреждению!»

* * *

На глазах у сотен батумцев «Киликия» в последний раз четко провела процесс отдачи швартов и отхода от стенки. Согласно судовой статистике, это было шестьдесят четвертое по счету отчаливание. Из них пятьдесят шесть — в портах, где нас провожали наши соотечественники.

Курс взят на Потю. Только-только дали отбой штормовому предупреждению, но море продолжало сохранять инерцию

волнения. Вообще создавалось впечатление, что не то море тягело прощается с «Киликией», не то «Киликия» — с морем.

Прошли одну милю. Капитан-наставник, находясь традиционно на корме, громко провозгласил: «До финиша экспедиции осталось двадцать девять миль!». Вскоре — «Двадцать восемь миль!» Через полтора-два часа — «Двадцать миль». Странное и удивительное состояние души человека, находящегося на пороге осуществления мечты. С одной стороны, вроде бы осталось всего ничего и, казалось бы, душа должна ликовать. С другой — грусть и пустота. За двадцать миль до Поты, обращаясь к коку Самвелу Саркисяну, я нарочито напыщенно оформил свой вопрос: «Что с тобой произойдет, когда наступит момент истины, когда закончится эпоха «Киликии», когда начнется эра кабинетного штиля?» Кок осторожно выпрямился, чтобы ненароком не задеть головой горизонтальную балку, о которую он набил себе немало шишек на темени, и сказал очень серьезно: «Мои извилины сейчас нацелены только на то, чтобы начать чистить картошку».

Когда капитан-наставник объявил, что осталось двадцать миль, я задумался. Двадцать миль — целая вечность. Это — около сорока километров.

Многое можно сделать за сорок километров пути. И многое мы успели. Зная о том, что посол Армении в Грузии Рачья Силванян и советник Гагик Айрапетян все уже организовали, что в нужное время будет подан сорокатонный кран, чтобы спустить мачту и поднять судно на стропах, мы взялись упаковывать свои вещи прямо во время качки. А кок успел сварить картошку, которую мы с аппетитом умяли, — кто с колбасой, кто с тушенкой, а кто и с луком, как это делали во время войны.

«Киликия» приближалась к воротам Потийской бухты, когда навстречу вышел небольшой катер. Капитан-наставник первым заметил, что на палубе стоит Силванян. Кто-то назвал и фамилию советника — Айрапетян. Остальные четыре человека были нам незнакомы.

— Давно мы не виделись, — громко сказал посол.

— Давно, — ответил я, — целых тридцать миль.

Лоцманский катер развернулся и дал знак следовать за ним.

Впередсмотрящий Гайк Садоян закричал: «Справа на берегу — три человека машут армянскими флагами». Я сразу узнал среди них моего сына Гайка. Рядом с ним находились Левон Айрапетян — подполковник, начальник ЦСКА Армении и Гайк Оганесян. Тот самый Гайк, который три года назад про-

вожал нас в Потти. И неудивительно: Гайк Оганесян — корреспондент «Айлура» (Вестей Армянского телевидения).

...Еще утром в Батуми я решил для себя, что непременно посчитаю последние метры и дециметры, чтобы запомнить момент прикосновения борта «Киликии» к стенке причала Потти. Но так получилось, что в это время я думал совсем о другом. Думал о коке, которому в ночь с четвертого на пятое сентября исполнится шестьдесят лет. Дело в том, что я давно готовился к этой дате. Еще месяц назад, вылетев в Ереван перед началом речного этапа, чтобы заняться организацией строительства трейлера, я успел съездить в Арцах, где посетил в Н-ской части рядового Давида Саркисяна — сына нашего кока. Там сделал несколько снимков моим сотовым телефоном, готовя сюрприз ко дню рождения кока. Гайк Бадалян тайком повесил над его кроватью несколько фотографий Давида в военной форме. Надо было видеть лицо и особенно глаза отца солдата, когда он взглянул на снимки!

Он впервые увидел сына в военной форме и весь преобразился. Лишь потом обратил внимание на то, что его двухметровый Давид позировал мне в новехонькой военной форме и... в домашних тапочках. Я сказал коку, что для Давида не нашлось в армии солдатской обуви сорок девятого размера. Успокоил отца, добавив, что сапожники в Арцахе шьют ему гулливеровы сапоги. От этих слов еще ярче засияло загорелое лицо кока.

Вот так наш кок «помешал» мне зафиксировать момент истины, о котором мы мечтали все эти долгие годы и длинные мили. Пока я радовался радости кока и искренне разделял его счастливые минуты, «Киликия» успела коснуться своим черным выцветшим бортом серого бетона причала с мазутными пятнами. Конечно, деревянная обшивка сама не коснулась бетона. Удар, как всегда, смягчили старенькие шины от «Жигулей». Это не какие-то там покрышки, это — наши милые добрые кранцы, которые бесконечное число раз спасали бока «Киликии» от вмятин, царапин и прочих повреждений. Несколько раз в различных портах предлагали нам поменять их на новые, но капитан наотрез отказывался. И это нам нравилось. Моряки пуше огня, пуше самой смерти должны бояться даже тени предательства.

* * *

В Потти нет армян. Во всяком случае, мы их не видели. Но в Потти есть моряки, которые знают нашего капитана-наставника. Это уже плюс. Однако был у нас еще один большой плюс. Это наш посол. Пока мы плыли от Батуми до Потти, Силванян

успел познакомиться с мэром портового города Вано Сагинадзе, а также организовал приезд в Поти священника Усика для освящения сухопутного маршрута «Киликии» до дома.

Причалили. Шестьдесят четвертый раз. Юные, но уже многоопытные матросы Мушег, Гайк Садоян и Ваагн с ловкостью и прыгучестью кенгуру в последний раз пролетели над последними метрами просвета воды, разделяющего борт судна от причала. Спустя несколько минут вся команда вывалила на причал, и тотчас же послышались громкие шлепки и хлопанья по плечам. Члены экипажа, не скрывая слез, обнимались не только с хозяевами, но и друг с другом. Меньше всего досталось мне. Мой Гайк вцепился в меня, прижался и долго не отпускал. Я вспомнил, как кок Самвел преобразился, увидев фотографии сына. А тут после долгой разлуки родной сын не на снимках, а в твоих объятьях. В какой-то момент я обратил внимание на его длинные пальцы и вспомнил, что он хирург. Вспомнил и о том, как знаменитый фронтовой хирург Тарон Тоноян искренне хвалил Гайка — своего ученика. Когда Самвел Саркисян прослезился, глядя на фотографии сына в военной форме, я вспомнил, как в морозный декабрьский день мой восемнадцатилетний Гайк вместе со своими однополчанами принимал присягу. Мне тоже было восемнадцать, когда в 1953 году на флоте я принимал присягу. Разница состояла не только в том, что я был в военно-морской форме, а сын в сухопутной, но и в том, что Гайк принимал присягу на армянском языке.

* * *

...Несколько часов понадобилось, чтобы мощный многотонный кран поднял из воды «Киликию». Здесь уже никакие эмоции не могли помешать мне зафиксировать другой момент истины. Тот самый, когда черный корпус парусника, обхваченного крепкими стропами, медленно ползет вверх и с него стекает вода. Я уловил последние соленые капли Черного моря, падающие сначала в море, а затем уже на бетонный причал. Вскоре высохли тяжелый киль и облезлая обшивка, ниже ватерлинии покрытая зелеными водорослями и припечатанными к ней ракушками. «Киликия» простилась и рассталась с водой. По крайней мере — с соленой водой. Прямо как Ихтиандр, оказавшийся на берегу. Когда «Киликия» всей своей двадцатитонной тяжестью улеглась на чугунно-стальную лежанку трейлера, наступила удивительная тишина. Наверное, все понимали, что минуту назад произошло слияние неких противоположностей: исток и устье, белое и чер-

ное, плюс и минус, свет и тьма, небо и земля, любовь и ненависть, жизнь и смерть, начало и конец. Эти и многие другие противоположности друг без друга существовать не могут. Однако в тот момент, когда «Киликия» во всю свою длину легла на трейлер, у меня у самого все в голове смешалось. Что же произошло в эту минуту? Ровно восемьсот дней назад сорокатонный кран поднял «Киликию» с трейлера и спустил ее на воду. Десять дней мы готовили судно к старту в неведомое. Четырнадцатого июля 2004 года «Киликия» отошла от причала, где сейчас вновь стоит на трейлере. Пройдя семь морей, она вернулась на место старта. За время, между началом и концом, то есть между стартом и финишем, 792 раза «Киликия» чувствовала, как солнце поднимается из-за горизонта и заходит за горизонт. С сегодняшнего дня такого горизонта она никогда уже не будет чувствовать. Ни в Грузии, ни в Армении нет горизонта в полном смысле этого слова.

Так что же случилось? Конец всему? Конец «Киликии»? Если так, то почему не только у меня, но и у всех ребят именно в момент «обустройства» судна на суше смешались в душе эти самые противоположности? Не потому ли, что «Киликия» на потийском причале одновременно и осуществила мечту, и дала нам понять, что легенда всегда нуждается в продолжении?

* * *

Так оно и получилось. Слияние и смешение противоположностей. «Киликия», не успев пересечь финишную ленту, взяла старт, чтобы плыть в бессмертие. Однако поспешим извиниться за излишне высокий слог и заглянем в блокнот. В последний блокнот. Записи делал или сидя в машине, или шагая рядом с «динозавром». Шел проливной дождь, и я непременно должен был зафиксировать этот факт.

...Всякий раз, когда «Киликия» отходила от причала в дождь, кто-то непременно произносил: «Видите, даже природа плачет». При этом, небось, сознавал, что это звучит банально. Фраза прозвучала и в день, когда «Киликию» подняли на последний причал и с ювелирной точностью поставили на длинный трейлер о двадцати четырех колесах, похожий на сороконожку. Произнес ее Николай Тер-Карапетян, давнишний мой приятель, с которым мы познакомились еще на заре Карабахского движения. Несмотря на свое массивное телосложение, он быстр и легок на подъем и всегда везде успевает.

Еще на старте плавания «Киликии» Коля добровольно приехал в Потти и оказывал в подготовке экспедиции посильную

помощь. В ходе плавания он постоянно выходил с нами на связь, предлагая свои услуги, так что мы ничуть не удивились, когда на финише трехэтапного плавания первым, кого увидели на причале Поты, был Николай. Он приехал, как говорится, за свой счет, вместе с обозом машин и трейлером, чтобы помочь «Киликии» добраться до дома, прекрасно зная, что с первых же минут мы столкнемся с трудностями.

Под проливным дождем огромное судно медленно выходило за ворота порта. Для него началось, может, самое трудное испытание: добираться до дома по дорогам и бездорожью триста пятьдесят миль (около семисот километров). Но не прошли и двухсот метров, как великий труженик моря, превратившись в гигантского динозавра, застрял посреди дороги. Коля, который вместе с Кареном и начальником группы водителей подполковником Арменом Оганесяном два дня кряду оформлял многочисленные документы, чтобы до границы с Арменией не возникало никаких проблем, тотчас же включился в поиски запчастей. Самое удивительное, что у него все здорово получается, и делает он свое дело без шума, без показухи.

Еще перед выходом из порта я позвонил в Ереван, сначала заместителю начальника полиции республики Ованесу Варяну, а затем и самому начальнику Гайку Арутюняну. К концу ремонта подкатили к нам сразу три полицейских машины. Одетые в симпатичную униформу грузинские полицейские доложили, что им дано задание сопровождать судно до самой границы, где они передадут эстафету своим армянским коллегам.

...Водители обоза «Киликия» (так назовем нашу спасательную команду) — контрактники, работающие в министерстве обороны. У них немалый опыт, накопленный еще во время переброски судна из Еревана в Поты. Это — Арам Киракосян, Владислав Согомонян, Роман Арутюнов и Жоржик Оганесян. Команда эта подчиняется упомянутому здесь подполковнику Армену Оганесяну. Именно они тотчас же взялись за ремонт колеса. Не выдержали шарикоподшипники. Когда через час нечто подобное повторилось с другим колесом, мы подумали уже о закономерности — в конструкции трейлера допущена ошибка. Правда, надо иметь в виду, что «Киликия» за два с лишним года изрядно отяжелела. Как бы то ни было, необходимо подумать о прорве запчастей, которые трудно найти в дороге. Логика подсказала, что надо связаться с губернатором Лори — области, которая находится ближе всех к Грузии. А это Генрих Кочинян, который еще на первом этапе активно помогал «Киликии» добираться до границы. Я

позвонил губернатору Лори. Объяснил суть проблемы. Он сказал: «Минуточку!» Это для того, чтобы достать ручку и бумагу.

Через час Генрих сообщил: «Эти запчасти были взяты из старого советского «Виллиса» выпуска пятидесятих годов прошлого столетия. Их практически нет. Но мы найдем». И нашли.

* * *

...Дом. Сегодня это самое популярное слово на борту «Киликии». Скоро будем дома. До дома рукой подать. Соскучился по дому. Что же это за феномен такой — этот самый дом? О том, что такое дом для человека, писали философы. Кто-то даже конкурс объявил на лучшее определение этого понятия. Среди победителей оказались люди, жившие в разные эпохи. Одним из лауреатов стал Александр Дюма-отец, считавший, что «у домов, как у людей, есть своя душа и свое лицо, на котором отражается их внутренняя сущность». А вот американский писатель Амброз Бирс в конце XIX века натуралистически пошутил: «Дом — сооружение, предназначенное служить жилищем для человека, мыши, крысы, таракана, прусака, мухи, москита, блохи, бактерии и микроба». А ведь очень даже прав ироничный Амброз, у которого юмор был особый, гротескный. Нам, пожалуй, ближе философия дома, в котором ты не просто живешь, а в котором тебя понимают. Нигде так не мечтается, как у домашнего очага. Не случайно, где бы я ни обустроивался, непременно возводил камин. И никогда не расставался с поэтической строкой: «Дом — то, откуда выходишь в дорогу». И, конечно, дом — то, куда ты возвращаешься всегда. Все тот же закон противоположностей. Место старта и финиша.

Однако как трудно дается нам дорога домой! И причины — не только плохая дорога, но и трейлер-сороконожка со своими бракованными колесами. То и дело обоз останавливается и начинается ремонт.

...Начальник вахты, моторист и электрик Гайк Бадалян, змеей выползая с молотком в руках из-под кия «Киликии», небрежно бросил: «С этим судном в тысячу раз легче было возиться в ураганный шторм на море, чем под ясным небом на суше». И это суцая правда.

Честно говоря, наше положение оказалось бы еще труднее без активной помощи грузинской патрульной и охранной полиции, которая сопровождала нас буквально с первых метров старта по суше. Особенно боялись мы участка Хашури, где еще два с лишним года назад «Киликия» на пути из Еревана в Потти застряла на трое суток.

И вот снова перед экспедицией, прошедшей через семь морей, встал незабываемый Хашури. Достаточно сказать, что двое суток здесь работали непрерывно такие известные нам дорожные машины, как грейдер, трактор и, конечно, самосвал, который почему-то стоит, когда есть целая дюжина мозолистых рук с лопатами. Но лопат в нужном количестве не было, и нам на помощь опять пришел вездесущий Силванян. Достал и доставил на маршрут целую дюжину новехоньких лопат.

...Два часа ночи. Наш парусник медленно плывет по улицам Тбилиси при обесточенных проводах троллейбусных линий. Лишь одна поломка случилась в городе, и «Киликия» остановилась на четверть часа. Произошло это в Авлабаре.

До окраины города было еще далеко, когда мне позвонил Левон Айрапетян (самбист Лева) и сказал, что к утру директор издательства «Амарас» Аркадий Асрян и полковник Хачатур Хачатрян доставят нам желанный груз — дюжину укомплектованных колес и очень важные запчасти. В ночном Тбилиси раздалось радостное «ура».

* * *

Все дальше и дальше от моря. Все ближе и ближе к дому. Я постоянно думаю о великой труженице. О «Киликии», которая во время бесконечных наших диалогов никогда не скрывала своей благодарности не только Карену Балаяну и всем, кто создавал ее, но и тем, кто боролся вместе с ней за каждую милю. И вот настал день, когда, расставшись с морем, она чувствует, что прощается не только с целым миром, с целой эпохой, но и с новым своим образом. Я знал, какую тему для наших диалогов она предложит напоследок. Конечно, это должна была быть тема расставания.

— Я все думаю, — начала «Киликия», — что в расставании есть нечто от смерти.

— Давай рассмотрим один пример. У Стендаля есть интересные мысли о расставании. Он считал: если ты видишь, что тебе уже не доставляет радости говорить с человеком, которому тоже не доставляет радости говорить с тобой, то расставание — благо. Стендаль даже подсчитал: «Через месяц после такого разрыва чувство горечи уже исчезает». Если бы ты знала, «Киликия», как неуютно чувствуешь себя в обществе неинтересного человека. У нас с тобой — другое. У нас с тобой всегда есть о чем поговорить. Разве я не вижу, что ты вот уже несколько дней возвращаешься мыслями к Киликии?

— Я давно чувствовала, что ты и сам хочешь говорить о моей Родине, о Киликийском Армянском государстве.

— Зная о предстоящей теме, я, конечно, готовился к ней. Опять достал с полки Алишана и Микаеляна. Кстати, теперь у меня много авторов-киликиеведов. Итак, начнем.

— Начнем, — согласилась «Киликия», — и будем говорить не об исторических фактах, приводя имена и даты, а о том, что если бы не было у нас Киликии, то история наша была бы обеднена.

— Согласен. Дело в том, что история Киликийского Армянского государства тесно связана с историей многих стран Европы и Азии, находящихся в бассейне Средиземного и Черного морей. Там, где создавалась цивилизация, где решались судьбы мира. Вот посмотри, «Киликия», что у нас происходит. Родился армянин. Подрос малость. Пошел в школу. Где-то в восьмом классе усердно выучил урок по истории Киликии, и в памяти у него остался лишь факт существования в средних веках такого армянского государства. А ведь государство это, как отмечают исследователи, занимало прочное место во всемирной истории, в истории России и в первую очередь в истории армянского народа, переплетаясь политическими, экономическими и культурными взаимосвязями с историей как соседних, так и отдаленных стран.

— Говоря об отдаленных странах, надо, пожалуй, вспомнить о том, что эти «взаимосвязи» невозможно было осуществить без моих предков, без киликийского флота. Ведь во всех двадцати четырех портах Киликии развевались флаги, штандарты, символы многих стран. В этой связи вот о чем хочу тебя попросить. Сегодняшние армяне отмечают даты жизни Киликийского Армянского государства: 1080—1375 годы. Иногда просто говорят о трех веках. Или — о Средневековье. Но редко когда говорят о сути, смысле существования Армянского государства. Ты должен сказать об этом...

— Трудную задачу ты ставишь передо мной, «Киликия». Книга моя о нашем плавании...

— О плавании на «Киликии». Правда, я могу тебе дать наводящее задание... Перечисли главные вехи и события истории Киликии.

— Это можно. Дело в том, что я в школе не проходил историю армянского народа. Нас в арцахской школе лишили не только Родины, но и памяти о ее прошлом, так что я впоследствии занимался самообразованием. Мало того. Я почувствовал, что во мне умер историк. На собственном примере могу сказать,

что изучение истории Киликийского Армянского государства не только помогает понять жизнь, быт, традиции, культуру нашей Родины, но и, как ты говоришь, главные вехи и события. Дело в том, что история этого армянского царства тесно связана с крестовыми походами, многократными вторжениями сельджуков в Переднюю Азию, с нашествием монголов, с нескончаемой борьбой могущественных государств Европы, Азии и Африки за обладание теми или иными странами. Вспомни, Гевонд Алишан, говоря о многочисленных нашествиях и войнах в регионе, особо подчеркивал и то, что изучение роли Киликийской Армении в мировой торговле помогает более глубокому пониманию не только международных отношений этого государства, но и экономики и политики стран, прилегающих к берегам Средиземного и Черного морей. Я не поленился и просмотрел учебники по истории в армянской школе. Тему Киликии проходят в двух классах: в шестом и девятом. В учебнике для шестого класса Киликийской Армении отводится 20 страниц с 18-ю иллюстрациями. В девятом — всего десять страниц и всего с двумя картинками. В шестом классе тему эту изучают семь часов, в девятом — пять часов. То есть тринадцатилетним пока еще несмышленишкам мы подаем тему куда обстоятельнее, чем шестнадцати-семнадцатилетним. Никогда не позволю себе противопоставлять одну историческую тему другой или проявлять опасный субъективизм в оценках. И все же в истории любого народа есть такие страницы, которые раскрывают обобщенный образ нации. Опять прибегнем к помощи серьезных исследователей, читая которых, осознаешь, что сама по себе история Киликии тесно связана с международными взаимоотношениями многих стран. Алишан пишет, что Киликия открывает дорогу, ведущую к познанию истории Византии, крестоносцев, Египетского султаната, сельджукидов Малой Азии, сельджукских и арабских государств Сирии и Палестины, монголов, Венеции, Генуи и других государств и стран в XI—XIV веках. История Киликии проливает свет на суть политики папства, Франции и Англии и других западных стран в организации новых крестовых походов уже после падения государств крестоносцев...

— Мне тяжело чувствовать, что мы уже никогда не вернемся к беседам о нашей Киликии...

— Где бы ты ни была, знай, что мы еще не раз будем с тобой говорить о ней. Мы с тобой, «Киликия», всегда будем помнить, что история Киликийского Армянского царства является составной и органичной частью истории Великой Армении.

* * *

Грузия. Страна старта. Страна финиша. Дважды поднимали флаг потомков легендарного Картлоса — основателя Грузии — брата-близнеца легендарного Хайоса — основателя Армении. Старт и финиш. Все те же философские противоположности. И вот осталось «плыть» по территории Грузии — всего ничего. Впереди, как мы знаем, несколько участков бездорожья. Но главное — Хашури уже позади. Три года экипаж помнил о хашурском объезде. И даже сейчас, когда обоз наш, оставив позади Тбилиси, черепашьими шагами продвигается на юг через Рустави к Марнеули, оттуда на запад к Болниси, мы вспоминаем Хашури. Проблема в абсолютном бездорожье и в тех же колесах трейлера. Верный друг «Киликии» губернатор Лори Генрих Кочинян, используя свой авторитет, по всей Армении искал колеса от старых УАЗов — популярных советских джипов. И вот 10 сентября вездесущий Кочинян перебрал на границу с Грузией целую дюжину колес, а посол Силванян организовал их доставку прямо в наше посольство. И вместе с послом мы повезли бесценный груз в район Хашури. Взяли с собой не только уазовские колеса, но и легендарную чачу. Впридачу к ней — хачапури. Очень много вкусных хачапури.

Напомню, 10 сентября для экипажа день особый — день рождения капитана Карена Балаяна. Этот день застал экспедицию на суше. Да еще в эпицентре бездорожья, где «Киликия» застряла и ждала в сумерках, пока мы доставили спасительные колеса для трейлера. Именно здесь, вдали от трассы, на «объезде», нашпигованном ухабами, колдобинами, ямами, мы поздравили нашего капитана, выпили за его здоровье грузинскую чачу и закусили грузинскими хачапури. Поздравили капитана и сопровождавшие нас грузинские полицейские.

В самый разгар «киликийского» праздника рядом с нами остановился огромный «Камаз». Достаточно было взглянуть на два высоких контейнера, чтобы не оставалось сомнений в том, что грузовик этот, подобно «Киликии», вынужден был обойти печально известный хашурский мост и идти в объезд. В кабине сидели пять человек. Как они там уместились — одному Богу ведомо. Они подошли к нам радостные, веселые, шумные. Оказалось, наслышаны были о «Киликии» и очень хотели где-то на каком-то перекрестке встретиться с нами.

Всю ночь при свете переноски меняли колеса трейлера-соколоножки. Нам помогали наши грузинские друзья. Рано утром в сопровождении дорожной полиции «Киликия» и «Ка-

маз» продолжили путь. Как только добрались до трассы, все так же шумно и весело два экипажа расстались.

* * *

В нескольких километрах от того же хашурского участка бездорожья находится небольшой город Сурам. В начале XVIII века при Петре I туда переселилось много армян из Арцаха. А в 1850 году было завершено строительство красивой церкви святого Григора Просветителя.

В разное время я с блокнотом в руках совершал походы по дорогам и весям Грузии и, конечно, по югу республики — Ахалцха, Ахалкалаки, Богдановка (ныне Ниноцминда), Цалка, Бежано, Дманиси, Болнис, Шулавер, Марнеули. Делал наброски и зарисовки в блокнотах, запечатлев краснокаменную церковь святого Вардана в Ахалцха, крепость XI века, церковь святой Мариам Богородицы, церковь Святого Креста, памятник Деренику Демирчяну — все это в Ахалкалаки; церковь святого Саркиса в Богдановке. Я уже не говорю о целом созвездии армянских храмов, церквей и других исторических памятников в Тбилиси, где веками жили бок о бок потомки Хайоса и Картлоса. В одном полку, плечом к плечу, как говорил Илья Чавчавадзе, они защищали друг друга от нашествий врага на Армению с юга и на Грузию с севера.

* * *

Каждое утро вместо приветствия я спрашиваю Арика: «Ну что там у нас в электронной почте?» Как правило, всегда что-то да бывает в компьютере. Начиная с Поти, чуть ли не ежедневно стали получать телеграммы, в которых нас поздравляли с окончанием похода. Конечно, для всех Поти стал, как мы часто говорили на борту, «финальным финишем», имея в виду завершение всех трех этапов плавания. Президент Армении Роберт Кочарян, например, в своем послании отметил и факт возвращения домой самой «Киликии». Вот что он писал: «Дорогие друзья! Уже три года наш народ внимательно следит за беспрецедентным плаванием армянского парусного судна «Киликия». Спустя восемь веков вы, преодолевая большие расстояния и опасные трудности, успешно повторили исторический маршрут моряков Киликийского Армянского государства. Особо хотелось бы отметить тот факт, что рядом с армянским флагом на борту «Киликии» все эти годы развевались государственные символы 26-ти стран Европы и Средиземноморья. Радует и то, что ваше путешествие

послужило прекрасным примером для многих юношей и девушек, желающих заняться парусным спортом.

Желаю скорейшего возвращения домой, на сей раз не только вас, но и самой «Киликии»».

...Президент Арцаха Аркадий Гукасян не мог не отметить счастливое совпадение завершения последнего этапа плавания с пятнадцатилетием провозглашения независимой Нагорно-Карабахской Республики. Он, в частности, писал: «Благодаря вашей патриотической миссии Старый Свет лучше познал исповедуемые нами идеи и ценности, историю и культуру нашего разбросанного по всему миру народа и, конечно, — правду о национально-освободительной борьбе Арцаха. Глубоко символично, что завершение плавания совпало с 15-й годовщиной провозглашения Нагорно-Карабахской Республики.

Значимость вашего вклада в пропаганду интересов армянского народа вынуждены были признать даже наши недоброжелатели».

...Министр иностранных дел Армении Вардан Осканян подчеркивал самый, на его взгляд, важный факт — то, что экипаж «Киликии» практически во всех портах проводил встречи с местным населением и нашими соотечественниками совместно с армянскими дипломатами в странах пребывания. Министр, в частности, писал: «Мы гордимся, что благодаря вашей патриотической инициативе возродились средневековые армянские традиции мореплавания, что вы тем самым способствовали дальнейшему укреплению связей между Арменией и спюрком... Сотрудники посольств Республики Армения рассказывали о незабываемых мгновениях и о гордости, которую они испытывали, когда армянский флаг развевался в портах стран пребывания».

...Министр обороны Армении Серж Саркисян начал поздравительное послание с упоминания о своей личной причастности к организации экспедиции. «С безмерной радостью, — пишет он, — хочу отметить, что свершилось то, о чем мы вместе мечтали три года назад». Именно «вместе мечтали». На Севане, на борту «Киликии», у которой тогда еще не было мотора (а это значит, нам не разрешили бы выйти в море, ибо без мотора невозможно маневрировать в порту во время причаливания и отчаливания). Напомню, что большой парус был сшит из залатанной ветхой парусины. Все это и многое другое надо было доставать или в Ереване, или уже во время плавания. В завершении послания министр напомнил и о том, что не раз посещал «Киликию». Серж Саркисян поднялся на борт в Афинах, куда

доставил новый парус, специально сшитый под параметры «Киликии». Посетил он экипаж и в Гибралтаре, чтобы проводить нас в океан. Там же, в Гибралтаре, Серж поставил свою подпись под географической картой, на которой обозначены два полушария и все океаны. Фломастером отмечены маршруты спюрка, которые до появления самолетов проходили по мировым океанам. В Лондоне под той же картой поставили свои подписи армянский предприниматель Ваче Манукян и бывший премьер-министр Армении Армен Саркисян. Эту карту с подписями можно считать предтечей, прелюдией, сигналом к тому, что когда-нибудь мы или наши потомки пройдем дорогами предков, переживем то, что пережили они, увидим своими глазами следы, которые они оставили на чужбине. И об увиденном и пережитом поведаем миру и в первую очередь нашим соотечественникам. Если нам не удастся организовать такую экспедицию, ее обязательно осуществят те, кто придут после нас. Если это будут не наши современники, то непременно наши потомки.

Вполне закономерно, что, завершая плавание на «Киликии», мы уже думаем о будущем. Мы даже уверены, что на самом видном месте в кают-компани «Армении» непременно напишут слова великого Бальзака: «Будущее нации — в руках матерей».

* * *

Соверши мы свое путешествие где-нибудь в первой половине девяностых годов прошлого века, многое было бы по-другому. Я имею в виду связь с внешним миром. Разве не чудо, что через несколько часов после Тбилиси мне на сотовый телефон позвонил незнакомец и сказал, что он со своим братом еще вчера выехал из Еревана, точнее, из Абовяна, ночевал в Тбилиси, где и узнал, что мы уже оставили за кормой столицу Грузии. Поначалу я ничего не понял. Но, тем не менее, согласился на встречу. Часа через полтора-два братья нас догнали.

И теперь я не могу себе представить, что было бы, если бы встреча не состоялась.

Братья Арам и Левон Китабчяны. Репатрианты из Сирии. Переехали в Армению в 1965 году. Не преминули подчеркнуть, что это был год пятидесятилетия геноцида армян. Вот какая беседа состоялась в машине.

— Зачем нужна была эта спешка? Вы же могли дожидаться прибытия «Киликии» в Ереван? — сказал я.

— Не терпелось, — ответил Арам с едва заметным западно-армянским акцентом. — Думали, что в Ереване с вами не так

легко будет встретиться... Мы просто обязаны были показать вам то, что с собой привезли.

И Арам достал из сумки увесистый альбом в твердой темной обложке. Это была коллекция марок. Бесценных экспонатов. Весь альбом посвящен Киликии. Конечно, во времена Киликийского Армянского царства не было почтовых марок. Но ценность коллекции филателистов братьев Китабчянов не только в том, что у них есть практически весь комплект киликийских марок XIX—XX веков, но и в том, что марки эти представляют собой и исторический, и юридический документ. Беда в том, что абсолютное большинство наших соотечественников уже со школьной скамьи фатально уверовало в то, что раз Киликийская Армения пала в 1375 году, значит, там уже не осталось никаких следов армянской государственности. Многие не знают, что еще шесть веков там жили армяне. И не просто жили: до 1922 года существовало Армянское Киликийское государственное образование в виде автономии под протекторатом Франции со своим парламентом, президентом и солдатами национального легиона. Территория — 45 000 квадратных километров. С 1922 года Франция передала 40 000 квадратных километров Турции, остальные пять тысяч — Сирии. Накануне Второй мировой войны та же Франция передала эти пять тысяч Турции, отрезав от исторической Кесаби.

Самое удивительное, что обо всем этом можно узнать даже по коллекциям марок. Из каталогов разных стран («Ивер и Телье», Франция; «Михель», Германия; «Скотт», США) можно узнать о том, что Киликия — это часть Малой Армении. Даже на старинной марке одного из центров Киликии по-французски написано: «1885 год — почта Аданы».

Сотни тысяч киликийских армян героически держались на родной земле. Пережив страшную резню и погромы в 1909 году в городе Адана и ряде населенных пунктов Киликии, где было вырезано около пятидесяти тысяч наших соотечественников, потомки рубинянов не оставили свою землю. Еще в середине 30-х годов XX столетия на территории Киликии было так много армян, что Турция вынуждена была согласиться на учреждение армянской автономии. Были изготовлены даже марки и герб. Однако предвоенная ситуация и «постоянные интересы» великих держав, как это было всегда, и на этот раз помешали справедливому решению вопроса. Так что геноцид армян, возведенный в ранг государственной политики, начал-

ся в Османской империи в XIX веке и долго еще продолжался в кемалистской Турции в XX веке. Об этом тоже свидетельствуют сохранившиеся марки-улики братьев Китабчянов.

* * *

Двадцатиметровый трейлер о двадцати двух колесах тащит двадцатиметровое парусное судно сквозь густой лес. Дорога, если, конечно, это можно назвать дорогой, утопает в лужах. Чем ближе к границе, тем их больше и тем они глубже. К этому мы не были готовы. Три года назад, когда мы шли в обратном направлении, дождей не было. И в памяти «Киликии» осталось просто бездорожье с ямами и рытвинами. А теперь на каждом шагу нас ждут грязевые ванны, к которым мы действительно не были готовы. Но к ним был готов молодой, широкоплечий богатырь полковник Хачатур Хачатрян. В последние дни он не раз звонил мне и чуть ли не в приказном порядке говорил, что со своими ребятами непременно «выйдет навстречу», чтобы помочь. «С ребятами» — означало с бойцами армянской Н-ской воинской части, командиром которой и является Хачатур. Полковник Хачатрян подчинялся не только своей воле и страстному желанию, но и приказу своего отца, который все три года внимательно следил за плаванием «Киликии».

Церемония встречи с командиром полка и его солдатами была очень короткой. Обнялись. Традиционно похлопали друг друга по плечу. И тотчас же приступили к работе.

Хачатур сказал нам, что за передвижениями «Киликии» по суше внимательно следят начальник Генерального штаба вооруженных сил генерал-полковник Микаел Арутюнян, заместитель министра обороны генерал-лейтенант Юрий Хачатуров и генерал-майор Алик Мирзабекян.

...Самвел частенько берет в руки мои сотовые телефоны (роуминговый и местный) и начинает этакий пытливый поиск. Очищает аппарат от накопившейся информации, то и дело вслух произнося какой-нибудь номер и справляясь о том, кто звонил. На сей раз он громко произнес: «Ничего себе — десять звонков подряд». И тут же добавил: «Чей это номер — 40-88-39?»

Это был телефон губернатора Лори Генриха Кочиняна. Дело в том, что мы подолгу обсуждали с ним так называемый вопрос церемонии встречи «Киликии» на самой границе. Я понимал этого многоопытного государственного деятеля и талантливую администратора. Он хотел зафиксировать миг, когда «Киликия» «разрежет финишную ленту».

Все рассчитал до сантиметра наш Генрих. Привез с собой на границу восьмиметровую финишную ленту — расцветки армянского триколора.

* * *

...Экипаж стоял на палубе «Киликии». Медленно прошли грузинский пограничный пункт. Грузинские пограничники вместо проверки документов отдавали честь, широко улыбаясь. В двух десятках метрах впереди тягача, который целых девять дней тащил за собой «Киликию», творилось нечто необычное. Группами танцевали и пели люди — молодые и великовозрастные, гражданские и военные. Звуки духового оркестра и дудуков оглашали окрестности. Вокруг поющих и танцующих стремительно бегали дети. В пестрой толпе я заметил моих друзей — мастера спорта СССР, заслуженного тренера СССР подполковника Левона Айрапетяна, директора издательства «Амарас», армейского контрактника Аркадия Асряна и моего сына Гайка. Они были одеты в куртки с надписью «Армения» на спине. Все трое тянули в разные стороны длинные жерди, к которым были привязаны концы финишной ленты. Все ближе и ближе к условной линии «Киликия». Вдруг все окрест затихло. И зазвучали первые аккорды гимна Армении. Когда «Киликия» своей иссиня-черной грудью коснулась красно-сине-оранжевой ленты, толпа взорвалась. Кто-то выпустил красную ракету. Это происходило в тринадцать часов тридцать минут 14 сентября 2006 года.

Остановилось движение машин, идущих из Армении в Грузию и из Грузии в Армению. Водители и пассажиры тотчас же присоединились к тем, кто праздновал возвращение «Киликии». Духовой оркестр играл дашнакские марши. Одетые в национальные костюмы дети, юноши и девушки танцевали под звуки дудука.

С борта «Киликии» все воспринимается как-то по-другому, как-то иначе. Будь то волны, будь то горизонт, будь то закат или восход солнца, будь то земля, которую ты не видел целую вечность, будь то ребенок, сидящий на плече отца и машущий тебе рукой. Во всем этом с борта «Киликии», если даже она находится на суше, ты видишь саму вечность, видишь само будущее. Я часто задавал себе вопрос: о чем думал праведник Ной, но не во время своего стопятидесятидневного спасительного плавания, а в момент, когда почувствовал, что ковчег коснулся днищем, точнее, килем, вершины Арарата? Казалось бы, всё или многое знаю о Ное, о самом ковчеге. Даже перевел его параметры с библейс-

кого локтя на современные метры. Локоть — это примерно 44,5 сантиметра. В Библии приводятся параметры ковчега исключительно в локтях: длина триста локтей, ширина — пятьдесят, высота — тридцать. Это значит, соответственно, в метрах: 133,5, 22,25 и 13,35. В общей сложности, в шесть раз больше «Киликий». В ковчеге имелись «нижнее, второе и третье жилье».

Читая о богоизбранном праведнике Ное, думаешь больше о том, как мудро все устроил Господь. В ковчег он посадил не только Ноя и его жену, но и трех сыновей с невестками. Таким образом шестисотлетний Ной был первым дедушкой спасенного человечества. А вот непосредственными родителями первых постпотопных людей были его сыновья Сим, Хам и Иафет. Так что праведник с палубы ковчега действительно видел будущее, в котором должны были жить его внуки, правнуки, — словом, потомки.

Подобные мысли не покидали меня еще очень долго. Я обратил внимание, что ребята наши, стоя на палубе в эти последние часы, последние минуты, все больше молчали. Каждый думал о своем. Но мне казалось, они тоже видят с борта «Киликий» будущее. Не сомневался и в том, что те же чувства испытывает и «Киликия». Ее не могла не волновать тема Ноя и ковчега. И я в последний раз спустился к моему висячему столику, к моим деревянным нарам. Странное было ощущение. «Киликия» двигалась, но не качалась. Она лишь дергалась иногда на ухабах.

Уж сколько раз я думал, что мы беседуем в последний раз. Но, судя по всему, последнего диалога не будет. Вот и сейчас «Киликия» сама начала разговор:

— Я чувствую ковчег. Чем ближе Ереван, чем ближе Арагат, тем сильнее его чувствую. Я внимательно следила за твоими мыслями о Ное. Правда, не очень поняла, почему Бог утопил «старое» человечество и сотворил «новое». Почему для спасения человечества Бог избрал именно Ноя? Если я этого не пойму, то не смогу почувствовать будущее.

— Ты даже не представляешь, с каким вниманием я обычно читаю Библию. Правда, не позволяю себе подчеркивать строки Священного писания, но читаю с карандашом в руке. Делаю записи в блокноте. Так легче запоминать. И скажу тебе, что Господь не мог не раскаяться в том, что создал человека на земле...

— Как так? — удивилась «Киликия».

— Об этом четко сказано в Библии: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем». Была очень весомая причина. Разврат. Или, как говорится в «Бытии», «великоразвращение». Будет правильнее, если я при-

веду цитату полностью: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». И чем дальше, тем развращеннее становились люди. Предчувствуя и видя, что от «развращенного» человека погибает все живое на земле, Господь пошел на самую крайнюю меру: решил истребить людей, чтобы спасти человечество. А в качестве спасателя избрал Ноя — «праведного и непорочного человека». Причину Господь изложил самому Ною: «Конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли». Вот и построил праведный Ной свой добротный ковчег. Кстати, думаю, нашего Карена Балаяна и его соратников по строительству «Киликии» по праву можно назвать настоящими учениками Ноя.

— Я согласна.

— Представь себе, как Ной стоит на палубе ковчега и с вершины Арарата разглядывает окрестности. Конечно, прежде всего он увидел на севере пик Арагац. Затем медленно повернулся и разглядел на юге вершину Сипан. Когда вода начала уходить, обнажилась чуть ниже вершина Малого Арарата. Вскоре на глазах у праведника стала медленно проявляться Араратская равнина, и он увидел то, о чем мы с тобой так много говорили. Увидел будущее. Ибо именно в эти спасительные минуты Господь благословил сыновей Ноя и сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». И от них, как сказано в Библии, «распространились народы по земле после потопа».

...Стоя на борту «Киликии» и пристально глядя на вершины «гор Араратских», мы думали не о том, что ничего не изменилось с допотопных (термин библейский) времен. Сегодня так же, как тогда, «велико развращение человеков на земле». Мы думали о том, что суда, кроме прочего, строятся для того, чтобы, как с Ноева ковчега, обозревать будущее. В этой связи «Киликия» сделала самое важное. Она на практике осязаемо напомнила не столько нашим соотечественникам, сколько миру, что нельзя, немислимо и даже грешно рассматривать Армению в рамках нынешней Республики Армения. Конечно, у многих стран и многих народов тоже есть диаспоры на чужбине. Однако армянский мировой спюрк — это не обычная диаспора. Это не имя существительное, а глагол. Это не подвиг, а мерило подвига. Это не числительное, а сумма преодоленных препятствий. Спюрк — это борьба, которая становится условием жизни. Спюрк — это армянская апостольская церковь, армянский

язык, армянская общеобразовательная школа, это своя печать, свое телевидение. Спюрк — это действенная память и действенная помощь Матери-Родине. Спюрк — это преданное служение стране, где живешь, работаешь и кормишь своих детей. Образ спюрка — это образ Мисака Манушяна, отдавшего жизнь за Францию в годы фашизма. По сути — Армения расположена на пяти континентах. И будущее, которое видно с палубы «Киликии», — это новые горизонты, это девиз очередной экспедиции «Армения» — к пяти континентам.

История армянского спюрка — часть истории человечества. И об этом должен знать мир. И узнает. Узнает благодаря «Армении», которая пока является нашей мечтой, нашим будущим, но уже хорошо видна с борта «Киликии».

* * *

Путешествие в прошлое — это символ веры в будущее. Кто-то из миссионеров в страшные годы геноцида армян сказал о нас как о народе, «осужденном за веру». Именно в этом суть злодеяния османских варваров, которые так и не осознали до конца, что армянин предпочитает быть осужденным скорее за недостаток веры. Пройдя на протяжении тысячелетий сквозь множество бедствий, особенно в эпоху Киликийского Армянского царства, наш народ глубоко сознавал, что вера в Бога — это прежде всего вера в завтрашний день. Отсюда и поистине божественная любовь к матерям и детям. Если даже забыть, что в далекие эпохи мы имели выход к морю, имели могущественный флот, это еще не значит, что мы должны смириться с манкурством, с амнезией, с потерей исторической памяти.

«Киликия» шла по горам Армении на юг, радуясь радости приветствовавших ее жителей Ташира и Степанавана, Ванадзора и Апарана. На траверзе древнего села Карби, прямо на дороге, собрались жители сразу трех населенных пунктов: Мугни, Карби, Ованавана. В километре от этого места шоссе запрудили аштаракцы. С борта «Киликии» хорошо был виден двуглавый Арарат. С левого борта — одинокая Ара. А вот четырехглавый Арагац почти не был виден. И немудрено. Ведь мы стояли прямо на его склоне.

...«Киликия» медленно спускалась по едва осязуемому пологому склону Арагаца и вскоре где-то у условной границы перешла к склону Арарата. Ведь, по существу, Араратская долина — это и есть склон библейской горы. На вечерней зорьке «Киликия» остановилась у высотного здания Министерства

обороны Армении. В последний раз капитан дал команду коку поднять на палубу поднос со стаканчиками и непечатой бутылкой тутовки. Солнце еще не зашло, но мы его уже не видели. Мешали строения и холмы. На востоке окружающие холмы и горы уже терялись в сумеречной дымке. На западе полыхало зарево. Небо над долиной реки Ахурян было окрашено в пурпур и бросало на склон Большого Арарата красные блики. Хорошо была видна неровная вершина, ставшая надежным причалом для ковчега, с борта которого праведник Ной увидел будущее человечества.

* * *

«Киликия» стояла на площади Независимости. Раньше площадь у знаменитого таманьяновского театра оперы и балета имени Спендиарова называлась Театральной. Девятнадцать лет назад, летом и осенью 1987 года, здесь проходили массовые митинги, на которых говорили о многочисленных экологических проблемах Армении, поднимая также вопросы Карабаха.

В последний раз я выступил на этой площади 27 февраля 1988 года — сразу после встречи (вместе с Сильвой Капутикян) в Москве с Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. В тех легендарных митингах участвовали не десятки тысяч человек, даже не сотни тысяч, а весь народ. Все десять миллионов армян. Ибо люди стояли не только на Театральной площади. Были запружены обрамляющие оперный театр улицы, проспекты, перекрестки, многочисленные площади Армении, Арцаха, спюрка. Тогда мы превратились в сжатый кулак. Спустя восемнадцать лет, стоя на борту «Киликии», я снова испытал это чувство. Тогда каждый из десяти миллионов поднимал руку с двумя пальцами, изображая латинскую букву V. Виктория. Победа. Казалось, можно согласиться с таким символом. Два пальца демонстрируют многие на земле. Я видел, как в Бейруте различные группировки, воюя между собой, показывали друг другу один и тот же символ победы. Символ этот используют на олимпиадах и спартакиадах, на конкурсах певцов и силачей. Нам же нужен был символ не только победы, но и самой борьбы, без которой не бывает счастливого конца.

С главной трибуны Карабахского движения я поведал народу притчу о том, как один символ порождает другой. Двенадцать столиц имела многострадальная Армения. Целую дюжину. Поистине трагическая арифметика. Историки называли Армению страной кочующих столиц. Можно сказать, что ми-

нимум двенадцать раз мы лишались государства, правда, сохраняя в народе чувство государственности. И каждый раз переживали горечь потерь. Но не случайно народ наш любит легенду о птице Феникс — символе возрождения. Вот я и рассказал о том, что сегодня птица Феникс — это вся наша Родина. Одно ее крыло — Советская Армения, другое — спюрк. А Арцах — ее сердце. Только при наличии такой святой троицы птица возрождения может подняться в небо. Философия святой троицы — это философия Единства и Единения.

А символ Единства и Единения — сжатый кулак. Именно об этом я говорил на том митинге. Я говорил, глядя в сотни тысяч пар глаз. Пять пальцев олицетворяют пять материков, где живут наши соотечественники. И надо не стигать руку в локте, а вытянуть кулак, устремив его к небу, где парит птица Феникс.

Это были самые счастливые минуты в моей жизни: на моих глазах медленно сжимались сотни тысяч пальцев и руки взмывали вверх.

* * *

Аргументом действительности возрождения независимой Армении стала сама реализация проекта «“Киликия”: плавание по семи морям». Аргументом единения является сам экипаж «Киликии», который с утра до вечера принимал гостей на площади Независимости.

В какой-то момент я обратил внимание, что на банке (скамейке, пристроенной на корме) сидит пожилая пара. Я узнал их. Родители нашего капитана. Левон и Мила Балаяны. Прижавшись друг к другу, они беседовали. Я решил подойти к ним. Но меня то и дело останавливали гости «Киликии», которые приветствовали нас громко и весело. А потом седой согбенный старик подошел к отцу Карена, и они, улыбаясь, отошли в сторону. Я присел рядом с тикин Милой. Мы обнялись. Я хотел сказать ей, что если бы не она, у нас не было бы этого праздника. Но так и не сказал. Уж слишком громко бы это прозвучало. Да и сослагательное наклонение не в чести у моряков. Вот и решил сказать матери капитана что-то попроще. Но, кажется, не получилось. Опять вышло громко, но зато искренне: «Спасибо, что вы были! Спасибо, что вы есть!»

Тикин Мила улыбнулась и тихо сказала: «Нашему народу очень нужна была “Киликия”».